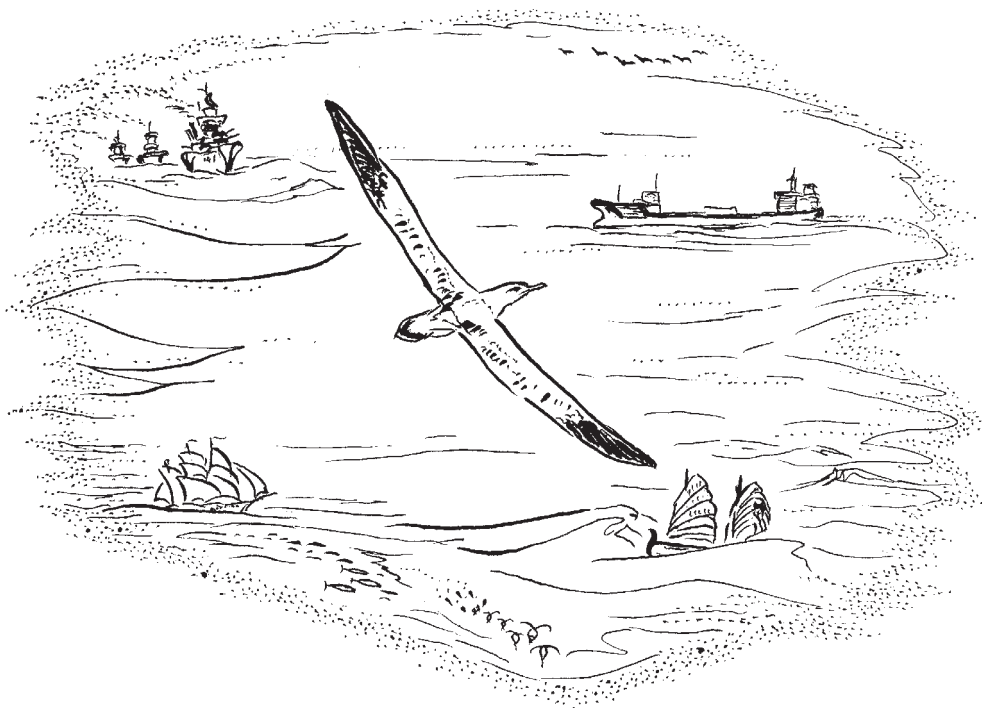

ГУМАНИТАРНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Том 6
Выпуск 1

2004

Редакционная коллегия:

Александров Д.А., Россия, кандидат биологических наук
Борейко В.Е., Украина, **главный редактор**
Гараев А.С., Азербайджан
Грищенко В.Н., Украина, кандидат биологических наук, **главный редактор**
Данилина Н.Р., Россия
Дежкин В.В., Россия, доктор биологических наук
Левченко В.Ф., Россия, доктор биологических наук
Мазуров Ю.Л., Россия, кандидат географических наук
Марушевский Г.Б., Украина, кандидат философских наук
Морохин Н.В., Россия, доктор филологических наук
Никольский А.А., Россия, доктор биологических наук
Поликарпов Г.Г., Украина, доктор биол. наук, академик НАН Украины
Прохорова И.А., Россия, кандидат социологических наук
Симонов Е.А., Россия
Уинер Д., США, доктор исторических наук
Штильмарк Ф.Р., Россия, доктор биологических наук
Шукуров Э.Д., Кыргызстан, доктор географических наук
Ясвин В.А., Россия, доктор психологических наук

Адрес редакции:

ул. Радужная, 31–48
02218, г. Киев,
Украина.

e-mail: kekz@carrier.kiev.ua

Address:

Raduzhnaya str. 31–48
02218 Kyiv
Ukraine

Электронная версия журнала: <http://www.ln.com.ua/~kekz/human.htm>

Сайт по гуманитарной экологии: <http://www.ecoethics.ru>

Humanitarian Environmental Magazine

Volume 6 • Issue 1 • 2004

Edited by V.E. Boreyko & V.N. Grishchenko

Международный экологический журнал
Учредитель — Киевский эколого-культурный центр
Регистрационное свидетельство КВ 4345 от 3.07.2000 г.

Издатели — Киевский эколого-культурный центр,

Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП (WCPA/IUCN)

Журнал издан при поддержке Фонда МакАртуров

Компьютерный набор — О.А. Яценко, А.Г. Гвелесиани, Е.Д. Яблоновская-Грищенко; верстка — В.Н. Грищенко; корректура — Е.Д. Яблоновская-Грищенко.
Обложка — рис. С.А. Лопарева.

© Гуманитарный экологический журнал, 2004

© Киевский эколого-культурный центр, 2004

© Всемирная комиссия по охраняемым территориям МСОП, 2004

© Humanitarian Environmental Magazine, 2004

© Kiev ecological and cultural centre, 2004

© World Commission on Protected Areas IUCN, 2004

ISSN 1727–2661 (Print)

ISSN 1727–270X (Online)

Гуманитарному экологическому журналу — 5 лет!

Дорогие друзья, вы держите в руках 13-й выпуск журнала, которому в этом году исполнилась небольшая, но круглая дата — 5 лет! Кажется, еще недавно мы собирали материал для первого номера, разрабатывали концепцию журнала, разыскивали авторов и не заметили, как пролетело целых пять лет. Держа в руках “чертову дюжину” зелененьких номеров с различными рисунками на обложке, невольно ощущаешь гордость за сделанное.

А сделано немало. Именно мы впервые познакомили нашего отечественного читателя со многими известными на Западе классиками в области экологической философии, этики, теологии, права, этнографии, культурологии, звездами первой величины — Питером Сингером, Эдвином Бернбаумом, Бэардом Калликоттом, Яном Павликовским, Томом Риганом, Джоном Рескиным, Гарри Снайдером, Полом Тейлором, Дейвом Формэнном, Эдвардом Эбби и другими. Мы старались помещать современные отечественные работы по гуманитарной экологии, опубликованные в различных периферийных изданиях, и поэтому практически не известные широкому читателю.

Мы вновь открыли давно забытых отечественных гуманитарных экологов, вернув из небытия неопубликованные стихи И.И. Пузанова, статьи А.П. Семенова-Тян-Шанского, П.И. Яценко, Д.Н. Кайгородова, А.А. Даронова, повесть И. Весеньева, стихи Н. Щербины, Д. Мережковского.

Мы старались сделать журнал дискуссионной трибуной, смело обсуждая самые трудные и порой непопулярные сегодня темы: национализм и патриотизм в экологии; религия и охрана природы; экономика и охрана природы; негативные черты современного экологического движения; этические принципы заповедного дела; ноосфера: утопия или реальность; ошибки в экопросветительской работе заповедников; радикализм в зеленом движении; опасность антропоцентризма; вегетарианство и экология; моральность любительской охоты и др.

Два спецвыпуска ГЭЖа были посвящены дискуссии о современной идее дикой природы, и еще один — правам природы.

Мы старались знакомить нашего читателя с новинками отечественной и зарубежной литературы по гуманитарной экологии, давали достаточно статей, посвященных социологическим исследованиям в области охраны природы.

Нам особенно отрадно заметить, что, во-первых, мы совершенно не похожи на другие экологические издания, имеем свое лицо, и, во-вторых, что некоторые теоретические разработки, впервые опубликованные на страницах ГЭЖа, затем получили практическое воплощение, как, например, ряд Деклараций прав природы, этические принципы заповедного дела, рекомендации по охране сакральных природных объектов, принятые рядом международных семинаров, или этическая экспертиза научных исследований в заповедниках и национальных парках, рекомендации по созданию эстетически ценных природных объектов, утвержденные Госслужбой заповедного дела Украины.

При нашей деятельной поддержке в странах СНГ развивается радикальное экологическое движение, была создана Международная Ассоциация естествоиспытателей за гуманное отношение к природе, ширится Движение за освобождение животных. Именно публикации в журнале способствовали возникновению первых в России и Украине учебных вузовских курсов по экофилософии и экологической этике.

Журнал способствовал рождению идеи проведения в странах СНГ Международных конференций по дикой природе, активно поддерживал международные школы-семинары по гуманитарной экологии “Трибуна”, привлек внимание ученых и практиков охраны природы к созданию и защите священных рощ, деревьев, родников и других сакральных природных объектов. Нам радостно осознавать, что каждый новый номер журнала с нетерпением ждут в стра-

нах СНГ (а постепенно он становится популярным также в Балтии и Восточной Европы), и тираж 500 экземпляров быстро расходуется в течение нескольких месяцев. Постоянно растет и число читателей его электронных версий: к началу февраля 2004 г. на сайте журнала зарегистрировано более 12,5 тыс. посещений из нескольких десятков стран мира (больше всего – из России, Украины, других стран СНГ, а также США и европейских стран).

Нам приятно видеть, как здорово популярны журналы в библиотеках и что наиболее интересные статьи, опубликованные в ГЭЖе, уже третий год подряд попадают в обзор популярного российского общественно-политического журнала “Новый мир”, а также перепечатываются российской газетой “Зеленый мир”, журналом “Волна”, бюллетенем Московского ИСАР и другими печатными и информационными изданиями.

Вместе с тем, некоторые задачи, которые мы ставим перед собой, так и остались нерешенными. Мы не смогли увеличить тираж журнала, а также его периодичность (пока он выходит 2–3 раза в год тиражом 500 экз.). Не удалось открыть подписку на журнал, добиться активного участия в подготовке номеров всех членов редколлегии, а также более красочно его оформлять. Была интересная идея попробовать часть тиража издавать в России, дабы не возить туда журнал поездами из Украины. Но организации, которая бы это захотела взять на себя, не нашлось. По-прежнему нет у нас тесной связи с авторами из Балтии и Восточной Европы, не говоря уже о странах дальнего зарубежья. Нет финансовой возможности распространять ГЭЖ хотя бы по крупным библиотекам стран СНГ – очень дорого стоят почтовые расходы.

К сожалению, по-прежнему является проблемой найти хорошего автора: и по сей день вопросы экологической этики, не говоря уже о более сложных вопросах природоохранной идеологии, экосоциологии, экоэтнографии, экотеологии и экофилософии не под силу многим нашим авторам.

К сожалению, настоящего “прорыва” в области гуманитарной экологии на постсоветском пространстве пока не произошло.

Поэтому мы очень остро ощущаем востребованность нашего журнала, прежде всего как чуть ли не единственного источника информации в области экофилософии, экологической этики, природоохранной эстетики, глубинной экологии, экотеминизма, экотеологии и т. п.

Гуманитарный экологический журнал и дальше намерен публиковать неизветные в странах СНГ переводные работы Арне Нейса, Линды Грэбер, Стивена Келлерта, Родерика Нэша, Пола Тейлора и др. Мы планируем уделять больше внимания публикации различных программ и пилотных проектов по экологической этике для школьного и вузовского образования, а также рекомендаций, направленных на внедрение неантропоцентрических идей в практику заповедного дела, природопользования, природоохранное законодательство и экополитику.

Журнал по-прежнему будет оставаться остро дискуссионным; стоя на экуменических позициях, мы будем пытаться найти точки взаимодействия между различными религиями в области охраны природы; отдавая приоритет ни одной из наций – обсуждать возможность переизобретения и использования в природоохране экофильных традиций различных народов; испытывая уважение к старым ценностям зеленого движения, попробовать начать диалог о новых экологических ценностях XXI века.

Мы надеемся, что в будущих номерах чаще будет появляться рубрика “Опыт работы”, например, нам бы очень хотелось рассказать об опыте преподавания детям прав природы в отдельно взятом экологическом кружке, или о практическом развитии современной идеи дикой природы в каком-нибудь заповеднике или национальном парке.

В заключение мы хотели бы поблагодарить руководителя Московского представительства фонда МакАртуров Татьяну Дмитриевну Жданову, директора Экоцентра “Заповедники” Наталью Романовну Данилину, американского историка Дугласа Уинера за материальную поддержку нашего журнала, а также Евгения Алексеевича Симонова за те идеи, которыми он щедро нас одарил при создании “Гуманитарного экологического журнала”.

ПИНГВИН СЕВЕРНЫХ МОРЕЙ

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Пингинов, населяющих южное полушарие, знают все, но мало кому известно, что само слово “пингвин” – северного происхождения. Так называли раньше бескрылую гагарку. Есть разные версии возникновения этого названия. По одной из них, происходит оно от валлийских слов “pen gwyn” – белоглав – и дано птице благодаря большим белым пятнам у глаз, по другой – английские моряки за недоразвитые крылья называли гагарку “pin wing” – шпилькокрыл, наконец третий – от латинского “pinguis” – толстый (Йовчев, 1982; Fuller, 2001). Так или иначе, название перешло во многие языки. *Pinguinus impennis* (или *Alca impennis*) – научное наименование птицы. Относится она к семейству чистиковых.

Бескрылая гагарка была хорошо известна европейским морякам, и, встретив в южных морях подобных птиц, они и окрестили их пингвинами. Эти столь далекие в систематическом отношении пернатые, благодаря сходным условиям жизни, действительно очень похожи с виду. Бескрылая гагарка утратила способность летать и имела лишь недоразвитые крылья. На суше она ходила неуклюже, вытянувшись вертикально и переваливаясь с ноги на ногу. Зато в море никто бы не узнал неповоротливых увальней: подобно пингвинам и своим сородичам – другим чистиковым птицам – гагарка превосходно плавала и ныряла, махая крыльями под водой. Толстый слой подкожного жира служил надежной теплоизоляцией при долгом пребывании в воде.

У этой птицы было немало и других имен, это говорит о том, что люди давно и тесно с ней контактировали. Древние скандинавы называли гагарку “гейрфугель” – птица-копье (английский вариант – “гейрфаул” – garefowl), а баски – “арпоназ” – копыенос (Моуэт, 1988; Fuller, 2001). Оба

эти названия возникли благодаря мощному копьеобразному клюву. Современное английское наименование great auk – большая гагарка – появилось лишь в XVIII в. (Fuller, 2001).

В историческое время бескрылая гагарка была широко распространена по побережьям и островам всей северной части Атлантики: от Лабрадора и Ньюфаундленда до Гренландии и Исландии, и от Норвегии до Британских островов. Плейстоценовые остатки обнаружены в Средиземноморье, Португалии, на о-ве Мадейра. В голоцене копыенос еще гнезвился на севере Испании (Mourer-Chauviré, 1999). Кости бескрылой гагарки археологи находили в кухонных отбросах первобытного человека во Франции и Испании (Дорст, 1968). Причем их обилие говорит как о высокой численности птиц, так и о том, что на них интенсивно охотились. В одной из пещер на юге Франции обнаружен наскальный рисунок, по всей видимости бескрылой гагарки, сделанный 20 тыс. лет назад (Fuller, 2001). Найдены ископаемые остатки в Гибралтаре, Ирландии, Шотландии, Дании, на юге Швеции (Luther, 1995). В западной части Атлантики кости копыеноса находят в кухонных отбросах почти повсюду от северо-западного побережья Гренландии до Флориды (Моуэт, 1988).

По мнению С.-А. Бенгтсона (Bengtson, 1984), в Европе в доисторическое время существовали отдельные популяции бескрылой гагарки, происходили миграции на север. Именно с этим он связывает высокую представленность этой птицы в кухонных отбросах на самом севере Норвегии, где гнездование ее в то время было маловероятным. По-видимому с миграциями связана и часть дальних находок костных остатков (Luther, 1995). Даже в сравнительно недавнее время гагарки изредка появ-

Рис. 1. Бескрылая гагарка (из: Sedlag, 1983).

лялись в густонаселенных местах Европы. Так, в 1790 г. одну птицу поймали в гавани г. Киля на севере Германии. В 1830 г. труп гагарки нашли на нормандском берегу Франции (Брем, 1902, 1999; Йовчев, 1982).

У ученых нет единого мнения о причинах сужения ареала бескрылой гагарки в древности. С.-А. Бенгтсон (1984) считает, что оно началось задолго до начала воздействия человека и было вызвано изменениями климата. Однако, к ним птицы могут приспособиться, да и теплые моря – это не северная суша, где “разгуливал” ледник. Как показывает анализ, сокращение ареала копыеноса нельзя объяснить изменениями климата. Скорее всего в южной его части птица была истреблена человеком (Mouger-Chauviré, 1999). Бескрылая гагарка, неповоротливая и совершенно беспомощ-

ная на суше, была легкой добычей во все времена.

Из-за постоянного преследования людьми область ее распространения быстро сокращалась. Понятно, что древние охотники не могли причинить птице такого ущерба, как их потомки, но все же бескрылая гагарка исчезла на побережье континента, найдя убежище на труднодоступных скалистых островах. Тем более, что охота ради пропитания сменилась активным промыслом. К X в. н. э. добытчиков интересовало уже не столько мясо копыеноса, сколько жир и мягкие эластичные перья, которые стали ценным товаром во многих странах Европы (Моуэт, 1988). Постепенно бескрылая гагарка стала обитателем лишь северных неприступных островов. Но с развитием мореплавания человек добрался и туда. К концу XVIII века копыенос гнезился только на острове Фанк у северной части Ньюфаундленда, на маленьких островках у южного побережья Исландии и на побережье Гренландии. В восточной части Атлантики колонии бескрылой гагарки были уничтожены еще раньше, к XVII в. осталась всего одна – на неприступном о-ве Сент-Килда к западу от Гебридских о-вов. Но к 1800 г. эти птицы там уже не гнездились (Моуэт, 1988).

Бескрылая гагарка была прекрасно приспособлена к обитанию в воде. Гнездилась она на скалах и удаленных от берега островах, где ее не могли достать наземные хищники. Кроме одного. Как пишет Э. Фуллер (Fuller, 2002), эта птица была обречена с того самого дня, когда человек впервые придумал лодку.

Это была крупная, с гуся, птица (рис. 1). Высота взрослого копыеноса достигала 70–85 см. Длина крыла всего 150–170 мм. Спина и бока головы, подбородок, горло и крылья были темно-коричневыми. Второстепенные маховые перья имели белые верхушки, благодаря этому на крыле образовалась узкая белая полоска. В брачный период возле глаз красовались большие

овальные белые пятна. Радужина глаза была каштаново-коричневой. Клюв и ноги черные. Поперек клюва шло несколько узких бороздок. Самец и самка были окрашены одинаково. В зимнее время у птиц отсутствовало белое пятно у клюва, горло и подбородок были белыми. Особенности оперения молодых гагарок так и остались не известными науке (Luther, 1995).

Бескрылая гагарка гнездилась вместе с другими чистиковыми птицами на обрывах прибрежных скал. В наиболее благоприятных местах образовывались громадные скопления из сотен тысяч пар. Численность морских птиц в колониях в районе о-ва Ньюфаундленд потрясала первых европейских путешественников. Один из участников экспедиции французского мореплавателя Жака Картье в 1535 г. так описывал посещение о-ва Фанк: *“Этот остров столь изобилует птицей, что его можно было бы загрузить все суда Франции, даже не заметив убыли. Мы увезли с собой два барка птицы, чтобы пополнить наши запасы”* (цит. по: Моуэт, 1988). Колонии птиц, в том числе копыеносов, занимали в то время почти все побережье Ньюфаундленда. Некоторые острова моряки даже прозвали Вонючими из-за характерного запаха. По свидетельству Ж. Картье, два острова в заливе Св. Лаврентия, на которые он высадился в 1534 г., *“словно поле травой, были покрыты живым птичьим ковром”* (цит. по: Моуэт, 1988). На крупных колониях копыеносы гнездились так плотно, что птицы с трудом пробирались между гнездами.

О биологии бескрылой гагарки известно очень мало. Полость рта у копыеносов была ярко-желтой, возможно это играло какую-то роль в брачных играх или при общении взрослых птиц с птенцами. В конце мая – июне самка откладывала прямо на голые камни единственное яйцо грушевидной формы. Размер его составлял 110–140 x 70–84 мм. Окраска яиц была очень разнообразной. Одна из причин, по которой яйца копыеносов в свое время так привлекали коллекционеров, – практически невозможно найти два одинаковых. Толстая

Рис. 2. Яйцо бескрылой гагарки, коллекция Ливерпульского музея (из: Fuller, 2001).

скорлупа яйца была матовой и имела заметные поры. Основной цвет ее был серовато-белым, местами он переходил в желтоватый или зеленоватый. По всей скорлупе были разбросаны многочисленные пятна, завитки и линии коричневого, черного или серого цвета. Рисунок также очень варьировал. Большинство из сохранившихся до наших дней яиц имеют грязно-желтоватую окраску (рис. 2).

По аналогии с другими чистиковыми птицами считается, что насиживали яйцо обе птицы около 40 дней. Птенцы появлялись на свет в темно-сером пуховом наряде. Немного окрепнув, они уходили вместе с родителями в воду. В случае гибели яйца или птенца, к повторной кладке гагарки не приступали.

Облюбованные для гнездования скалы бескрылые гагарки покидали уже в июле. В местах с более теплым климатом сроки размножения могли быть и более ранними.

Так, по свидетельству очевидца, на о-ве Сент-Килда копыеносы появлялись в первых числах мая, а покидали его в середине июля.

Окончив гнездовые дела, копыеносы уплывали вместе с потомством далеко в море, до следующего гнездового сезона. Около 10 месяцев они проводили в море, держались в богатых мелкой рыбой местах, которой питались, искусно добывая ее под водой. Поедали гагарки также ракообразных и других мелких морских животных. Находили в их желудках и растения, но они могли попасть туда и с животной пищей. Взрослые еще долго обучали молодежь сложному делу подводной охоты. Половозрелыми молодые птицы становились лишь в возрасте 4–7 лет.

Наблюдатели сообщали, что плавали гагарки с высоко приподнятой головой и изогнутой назад шеей. При беспокойстве ныряли в воду (Брем, 1902, 1999; Bengtson, 1984; Моуэт, 1988; Luther, 1995; Fuller, 2001).

Бескрылая гагарка с древнейших времен была излюбленным объектом промысла приморских жителей. Неспособность летать, доверчивость, большие скопления на гнездовании делали ее легкой добычей. Ж. Картье вспоминал, что однажды его матросы убили больше тысячи птиц, почти не сходя с места (Sedlag, 1983). А. Брем (1902, 1999) пишет, что гагарки никогда не защищали свои яйца. Если нападали на самих птиц, они отчаянно кусались. “Северные пингвины” больше пугались шума, чем зрительных восприятий, и этим ловко пользовались охотники. При испуге птицы издавали слабое карканье. Спасаясь от опасности, они прыгали в воду с высоты 4–5 м.

Добыть бескрылую гагарку не стоило особого труда. Их убивали дубинками, веслами, палками, загоняли в лодки по перекинутой через борт доске столько, сколько их туда могло уместиться. Моряки, запасаясь провиантом на долгое плавание, солили крупных жирных птиц в бочках. От островов отходили корабли с набитыми гагарками трюмами. Издавна велся и промы-

сел яиц. Ими нагружали большие лодки до самих бортов.

Копыенос играл особую роль в питании древних обитателей побережий Северной Атлантики. Об этом свидетельствует огромное количество костей в кухонных отбросах и даже в местах захоронений. В одной из могил на о-ве Ньюфаундленд нашли более двухсот нижних челюстей, в другой обнаружили кость с вырезанным на ней изображением бескрылой гагарки. Причем птицы обеспечивали людей пищей не только летом, но и зимой. Гренландские эскимосы вытапливали жир и запасали его в мешках, сделанных из надутых воздухом пищеводов гагарок. Индейцы коптили или сушили мясо, после чего оно могло сохраняться месяцами. Коренные жители Ньюфаундленда растирали высушенное содержимое яиц, получалось что-то вроде яичного порошка (Моуэт, 1988).

Для средневековых моряков, вынужденных продолжительное время питаться соляниной и сухарями, колонии морских птиц оказались “манной небесной”. Наиболее выгодной и легкой добычей были бескрылые гагарки, поэтому им и доставалось больше всех. Птицам, гнездящимся в районе о-ва Ньюфаундленд, не повезло – они оказались как раз на торном пути из Европы к колониям Новой Англии. К птичьим островам то и дело подходили корабли для пополнения запасов провианта и уходили с полностью набитыми трюмами. Еще в 1570-х гг. капитан А. Паркхёрст писал о гагарках: “*Французы, которые рыбачат в районе Большого залива [залив Св. Лаврентия – В.Г.], берут из дома лишь небольшой запас мяса и все время питаются этой птицей*” (цит. по: Моуэт, 1988).

Позже к рыбакам подключились и поселенцы. Для многих из них птицы также были основной пищей. Примерно в 1615 г. Лескарбо сообщал, что “*наибольшую добычу [люди] привозят с некоторых островов, где утки, олуши, тупики, чайки, бакланы и другие птицы водятся в таком множестве, что невольно удивляешься их изобилию [и] для многих оно кажется по-*

чти невероятным... мы заходили на такие острова [близ Кансо], где в течение четверти часа доверху загружали птицей наш барказ. Нужно было только молотить их палками, пока хватало сил” (цит. по: Моуэт, 1988). По мере роста численности населения на Атлантическом побережье Америки заготовка мяса и яиц морских птиц становилась все более выгодным делом. Причем сбор яиц проводился неизменно варварскими методами.

Вот, например, какие рекомендации в то время можно было прочитать: “Если вы отправляетесь за яйцами на остров Фанк и хотите наверняка заполучить их свежими, придерживайтесь следующего правила: вы сгоняете с места, убиваете и сгребаете несчастных пингвинов в кучу. Затем вы сгребаете в кучу все их яйца так же, как вы это делаете с опавшими яблоками в вашем саду... эти яйца, пролежавшие какое-то время, уже несвежие и непригодные, однако очистив от них участок земли... вы покидаете его на день-другой... а вернувшись после этого на прежнее место, находите там много яиц, наверняка свежих!” (цит. по: Моуэт, 1988). Напомню, что бескрылые гагарки откладывали только одно яйцо и не приступали к повторной кладке. Можете себе представить какой огромный ущерб популяции приносился только таким несусветным сбором яиц.

А вот как описывает деятельность сборщиков яиц в 1840 г. на северном побережье залива Св. Лаврентия Дж. Дж. Одюбон: “Заветное желание сборщиков – разорить каждое гнездо, неважно где и невзирая ни на какой риск. Они налетают, словно чума, на пернатое племя, утоляя свою звериную склонность к уничтожению несчастных тварей, уже после того, как они их ограбили. Но я не мог полностью верить рассказам об этих ужасах, пока не увидел их собственными глазами.

Их судно – жалкая развалюха, из ее трюма, как из склепа, разносится тлетворное зловоние. Команда, насчитывающая восемь человек, спускает за борт шлюпку и рассаживается в ней, каждый

держит в руках ружье старого образца. Один матрос гребет к острову, веками служившему мириадам птиц местом рождения. При приближении подлых ворюг птицы тучей взлетают со скалы и, заполняя все окружающее пространство, с громкими криками носятся над головами своих недругов.

Слышатся звуки выстрелов нескольких мушкетов, заряженных крупной дробью, и вот уже падают на скалу и в воду убитые и раненые птицы. Остальные в паническом страхе мечутся над врагами, которые между тем высаживаются на берег и с выражением ликования на лице устремляются вперед. Вы только посмотрите на них! Продвигаясь вперед, они давят птенцов в скорлупе и топчут каждое яйцо на своем пути. И когда они наконец убираются с острова, там не остается ни одного целого яйца” (цит. по: Моуэт, 1988). То же самое повторялось на других островах. Попутно собирался гагачий пух и уничтожались все встреченные птицы.

Сложно подобрать слово, которым можно было бы назвать такого рода деятельность. Это не зверство. Этот термин в данном случае будет совершенно некорректным по отношению к зверям. Как ни прищербно звучит, скорее “человечность”. Волк, забравшийся в овчарню и ошалевший от вида легкодоступных и беззащитных жертв, через какое-то время все-таки успокаивается. Эти же твари, упиваясь своей жестокостью и безнаказанностью, не успокаивались никогда. Саранча уничтожает всю зелень, до которой может добраться, но она ей нужна для пропитания. Зажравшимся пассажирам первых трансконтинентальных поездов в США, с тупым самодовольством расстреливающим проходившие мимо стада бизонов, не нужно было ничего. Так может поступать только человек. Честно говоря, термин “гуманизм” после всего того, что натворили наши далекие и близкие предки, звучит как-то кощунственно.

Переселенцы в Америке “сорвались с цепи”. Психология их в это время – инте-

ресная тема для исследования. Европейцы давно уже отвыкли от такого изобилия природных богатств. Им казалось, что попали они чуть ли не в рай, и конца-края его “молочным рекам” не будет. Тем более, что опустошив одну местность, можно было двигаться дальше в глубь континента. Кроме того, дикая природа просто мешала привычному образу жизни. В Европе люди были не менее жестокими, но там природные ресурсы они использовали все-таки более рационально, бессмысленного уничтожения было гораздо меньше. Психология переселенца? Все равно, то, что вокруг – не моя родина и после нас хоть потоп? Главное – урвать свое, а там – будь, что будет. И ведь ехали туда не одни только отпетые негодяи. Среди переселенцев было много искренне верующих людей, гонимых в родном отечестве за свои религиозные убеждения. В колониях они старательно соблюдали все обряды и предписания. Но христианство не только не послужило защитой природе (или хотя бы людям – индейцам и “конкурирующим” колонистам), а, наоборот, было идеологической основой для тотального истребления. Колонисты были свято уверены, что все вокруг создано для них. А раз так, нечего и церемониться. Моряки, занимавшиеся в XVII в. добычей бескрылых гагарок, считали *“будто господь сотворил это жалкое существо столь простодушным, дабы оно служило человеку превосходным подкреплением его сил”* (цит. по: Мак-Кланг, 1974). Заповедь “не убий” оставалась лишь благопристойной декорацией не прекращающейся кровавой бойни...

Не меньшее опустошение, чем заготовка мяса и яиц, производила и добыча жира, спрос на который был в то время очень высоким. Бескрылая гагарка была для этого идеальным объектом. Суда, промышленявшие в XVII в. треску у берегов Америки, нередко увозили и по 10–12 бочек “пингвиньей” ворвани. Для этого требовались тысячи тушек копыеносов. Причем вытапливать ворвань можно было и на совершенно лишенных растительности скалах.

Огонь поддерживали при помощи шкур и тушек убитых птиц. Нередко шкуру сдирали с еще живых птиц, а других так же живо сжигали. Рыбаки обнаружили, что разодранные на куски тушки копыеносов – прекрасная наживка для ловли трески. Они прочесывали острова, уничтожая и взрослых птиц, и птенцов (Моуэт, 1988).

Ко времени американской войны за независимость на о-ве Фанк каждое лето 2–3 месяца жили промысловики. Они соорудили из камней несколько больших загонов, где отрезанных от моря птиц можно было спокойно глушить дубинками (Мак-Кланг, 1974). Подобные каменные изгороди и груды костей в них были обнаружены П. Штувитцем в 1841 г. и на других мелких островах у входа в залив Бонависта на севере Ньюфаундленда (Брем, 1902, 1999).

И несмотря на это безумное непрестанное истребление бескрылые гагарки продержались несколько столетий! Можете себе представить, какой колоссальной была их численность до этого. Добыл копыеносов возросший во второй половине XVIII в. спрос на перья и пух. Их использовали для изготовления постельных принадлежностей и обивки мебели. Предприимчивые дельцы стали снаряжать корабли на колонии морских птиц. Досталось и гагам, и многим другим видам. Последние колонии бескрылых гагарок у берегов Америки к началу XIX в. были уничтожены.

Вот свидетельство очевидца: *“Остров Фанк представляет собой пустынное место, населенное только пингвинами и другой птицей, которой здесь столько, что просто не верится. Как только вы ступили ногой на берег, вас окружают тысячи птиц, они путаются у вас под ногами и настолько ленивы, что даже не пытаются уйти с вашей дороги.*

Если вы пришли за пером, то вам нет нужды их убивать, надо просто схватить птицу в руки и выщипать у нее перья поллучше. После этого вы оставляете несчастную птицу на произвол судьбы, полуголую, с разодранной кожей – пусть себе не спеша издыхает. Не очень гуманный спо-

соб, но такова общепринятая практика” (цит. по: Моуэт, 1988). Другой “не очень гуманный способ” состоял в том, что оглушенных птиц заживо бросали в котлы с кипящей водой, чтобы было легче ощипывать перья (Fuller, 2001).

Жители прибрежных колоний, сами не особо щадившие птиц, стали наконец-то соображать, что они вскоре останутся без дешевого источника мяса и жира. В 1775 г. власти Ньюфаундленда обратились к Великобританиии с просьбой запретить уничтожение птиц ради перьев, разрешив их добычу только для еды и наживки. Моряки обнаружили, что потеряли важный навигационный ориентир. В течение почти трех столетий бескрылые гагарки и другие морские птицы служили возвращающимся из плавания судам безошибочным указателем того, что они прибыли на Большую Ньюфаундлендскую банку, а значит близко материк, чьи небезопасные для мореплавателей берега были часто скрыты туманом. Сведения об этом заносились даже в путевые карты и лоции (Моуэт, 1988).

По свидетельству моряков XVIII в., на Ньюфаундлендской банке “казалось, будто сюда слетелись пернатые со всего света. Глазам было больно от постоянного мелькания прилетающих и улетающих птиц, количество которых не поддается описанию. Не много найдется на нашей Земле мест, где можно увидеть подобное проявление плодотворности божественного созидания” (цит. по: Моуэт, 1988).

Лишь в 1794 г. лондонский министр по делам колоний запретил наконец уничтожение копыеносов для торговли пером, поскольку “они дают пищу и наживку и предупреждают суда о приближении к земле” (Моуэт, 1988). Мало того, что этот запрет пришел слишком поздно, так его еще и проигнорировали. К 1802 г. последняя в Северной Америке колония “пингвинов” на о-ве Фанк была окончательно уничтожена. Побывавший на нем в 1841 г. норвежец П. Штувитц обнаружил лишь огромные груды костей, скелеты и мумифицированные останки птиц – все, что напоминало о су-

ществовании крупнейшей из известных нам колоний. Во второй половине XIX в. натуралисты еще долго собирали здесь кости бескрылых гагарок для музеев (Дорст, 1968; Luther, 1995; Брем, 1999).

Вот как описывал посещение о-ва Фанк в 1887 г. У. Палмер (сравните с приведенными ранее цитатами): “*Какое же множество птиц должно было обитать на этом пустынном острове в прежние годы, когда он, вне сомнения, кишмя кишел бескрылыми гагарками, кайрами, гагарками, тупиками, полярными крачками и олушами, и ничто не нарушало их безмятежного существования, разве что случайные набегги ныне исчезнувших индейцев с Ньюфаундленда. Но как все изменилось после того, как его начали грабить белые рыбаки; сегодня, если не считать полярных крачек и тупиков, остров кажется необитаемым. [Если] раньше здесь за один раз набирали по шестнадцать бочек яиц кайр и гагарок для отправки в Сент-Джонс, то мы не увидели и дюжины яиц*” (цит. по: Моуэт, 1988). Закономерный эпизод безумия. Как не вспомнить Э. Хемингуэя: “С нашим появлением континенты быстро дряхлеют”.

Еще несколько десятилетий сохранялись жалкие остатки бесчисленных некогда колоний бескрылой гагарки на севере Атлантики. Они уже не представляли никакого интереса для промысла, тем не менее во времена наполеоновских войн к исландским островам снаряжались специальные корабли, которые заготавливали дешевое мясо копыеносов солдатам (Sedlag, 1983). Делалось все так же по-варварски, как и в Америке. Моряки с корабля “Феррор” так нагрузили яйцами лодки, что те от качки на волнах вываливались за борт. Целые кучи убитых птиц так и остались гнить на берегу, поскольку из-за приближавшейся бури кораблю пришлось быстро уйти в открытое море (Йовчев, 1982).

Два крохотных островка у юго-западных берегов Исландии возле полуострова Рейкьянес, собственно и островами их назвать сложно – просто скалы среди моря,

вошли в историю благодаря тому, что тут оставались последние места гнездования бескрылой гагарки. Это Гейрфугласкер (птицы дали ему и название – Гейрфугеловы шхеры) и Элдей. Хищнический промысел привел к тому, что к 20-м годам XIX ст. бескрылые гагарки оставались уже только здесь. На побережье Гренландии последние случаи добычи этих птиц датированы 1815 и 1821 гг. (Брем, 1999).

Гейрфугласкер служил надежным убежищем для птиц. Остров был почти недоступен из-за сильного прибоя, и не один из предприимчивых дельцов поплатился жизнью, так и не добравшись до лакомого кусочка. Промысел, к тому же, был мало выгодным: два расположенных неподалеку монастыря требовали себе в качестве пошлины 3/4 добычи. Тем не менее копыеносов не оставляли в покое и там. В 1808 и 1813 гг. его посещали военные корабли для заготовки мяса и яиц. Но зимой 1830 г. о-в Гейрфугласкер поглотило море в результате подводного вулканического извержения. Осталась лишь крохотная колония бескрылых гагарок на о-ве Элдей (Мак-Кланг, 1974; Гржимек, 1978; Йовчев, 1982; Fuller, 2002).

Добытки мяса и перьев к тому времени уже забыли о копыеносе как объекте промысла. И тут на арену вышли коллекционеры, поставившие последнюю точку в этой трагедии. Когда стало ясно, что дни “северного пингвина” сочтены, цены на чучела и яйца гагарок бешено подскочили, и многие музеи и частные коллекционеры не считались ни с чем, чтобы заполучить себе последние живущие экземпляры.

Примерно в 1830 г. купцы-экспортеры в Рейкьявике стали получать письма с просьбой о поставке гейрфугелей и их яиц и обещанием щедро расплатиться. Нашелся как минимум один торговец, который не упустил случая подзаработать. Звали его Сиемсон. Он договорился с рыбаками из сел Стадур и Хафнир, расположенных на конце полуострова Рейкьянес, после чего они стали совершать регулярные набеги на Элдей. К 1843 г. через руки Сиемсона про-

шло от 50 до 75 копыеносов и неизвестное количество их яиц, которые осели в коллекциях по всей Западной Европе (Моуэт, 1988). Это были последние копыеносы...

Когда бескрылых гагарок было много, добыча их еще была промыслом. Безрассудным, хищническим, но промыслом. Когда же началась погоня за последними особями, это уже было убийством. Убийством биологического вида.

Мы не знаем, даже примерно, какая численность копыеносов была во времена их процветания. Учетов тогда никто не проводил. Сухие цифры отражают лишь последние годы жизни вида. В 1830 г. на острове нашли 12 или 13 птиц, из которых 8 были убиты. Большая их часть пошла в коллекцию. В 1831 г. добыли 24 птицы, в 1833 г. – 13, в 1834 г. – 9. В 1840 и 1841 гг. добытки еще нашли трех птиц и несколько яиц (Luther, 1995). Это был конец.

Последний акт драмы состоялся 3 июня 1844 г. События того дня были восстановлены по воспоминаниям самих участников британскими орнитологами Дж. Уоллеем и А. Ньютоном. Всего в пиратском набеге на “последних из могикиан” принимало участие 14 человек. Они вышли на 8-весельном вельботе вечером предыдущего дня из Киркйевогра и утром приплыли к острову. Три человека выбрались на скалу, четвертый отказался, настолько рискованной была высадка (Luther, 1995). Звали их Кетил Кетилссон, Йон Брандссон и Сигурдур Ислефссон. Это были рыбаки из Стадура. *“Когда они взобрались наверх, они сразу увидели пару гейрфугелей, сидящих в окружении многих других морских птиц, и тотчас же бросились в погоню за ними. Гейрфугели не выказали ни малейшего желания сопротивляться, но засеменили прочь по высокой скале, вытянувшись во весь рост и расправив маленькие крылышки. Обе птицы двигались короткими шажками со скоростью пешехода, не издавая никаких тревожных криков. Йон, растопырив руки, прижал одну из них к скале и быстро ее связал. Сигурдур и Кетил погнались за второй и поймали ее у самого*

края скалы. Затем Кетил вернулся к положу уступу, откуда птицы начали свое отступление, и увидел яйцо, лежащее на глыбе застывшей лавы. Он знал, что это было яйцо гейрфугеля, поднял его, но тут же бросил, увидев, что оно разбито” (цит. по: Моуэт, 1988). Вскоре всей компании пришлось уносить ноги, потому что поднялся ветер и усиливался прибой. Обоих птиц задушили и продали. Их заспиртованные внутренние органы находятся в музее Копенгагена, шкурки же исчезли бесследно (Fuller, 2002). Интересно, что делец, снарядивший экспедицию на остров, так и не получил причитающихся ему шкурок. Воспользовавшись случаем, один из рыбаков продал их другому человеку по дороге в Рейкьявик (Fuller, 2001).

Были ли эти птицы действительно последними представителями своего вида, установить уже никогда не удастся. Во всяком случае именно так они вошли в историю. В любом деле существуют свои мифы, пусть это будет один из них...

После этого еще более десяти лет поступали сообщения о встречах бескрылых гагарок в различных местах, но проверить их так и не удалось.

По словам Б. Гржимека (1978), рыбаки, убившие двух последних гагарок, “совершили более тяжкое преступление, чем грек Герострат, поджегший, как известно, храм Артемиды в Эфесе только затем, чтобы увековечить свое имя”. Храм можно отстроить заново, а вот воскресить вид, однажды исчезнувший с лица земли, не сможет уже никто и никогда.

Бескрылая гагарка стала первой из европейских и американских птиц, полностью уничтоженных человеком. В память о первой потере своего континента, журнал Американского орнитологического союза называется “Auk” – гагарка.

От процветавшего некогда вида осталось 78 чучел и тушек в музеях, около 75 яиц да пара скелетов (Luther, 1995; Fuller, 2001). Сейчас они стоят бешеных денег. Уже в 1890 г. за чучело бескрылой гагарки давали до 400 фунтов стерлингов. В то вре-

мя это была стоимость 4–5 небольших домов (Fuller, 2002). Чучела и яйца часто продавались на аукционах в лондонском Ковент Гардене. Одна из фирм была настолько тесно с этим связана, что ее телеграфный адрес звучал: “Auks, London” (Fuller, 2001). На смерти также можно наживать состояния. К сожалению, это тоже чисто человеческая черта...

Интересно, что перемещения этих экспонатов по миру обуславливаются не только желанием заполучить редкий экземпляр, но и запоздалыми муками раскаяния. 4 марта 1971 г. директор Исландского музея естественной истории на знаменитом лондонском аукционе Сотби выложил 33 тыс. долларов за чучело гейрфугеля, убитого предположительно на о-ве Элдаей. Деньги были собраны по публичной подписке, причем, по словам директора, можно было собрать и вдвое большую сумму, так велико было желание исландцев вернуть на остров хотя бы в таком виде эту частицу утраченного природного наследия (Моуэт, 1988).

Литература

- Брем А. (1902): Жизнь животных. 2: 644-647.
 Брем А. (1999): Птицы. М.: АСТ. 1: 1-688.
 Гржимек Б. (1978): Для диких животных места нет. М.: Мысль. 1-268.
 Дорст Ж. (1968): До того, как умрет природа. М. 1-415.
 Йовчев Н. (1982): По следите на исчезайте животные. София: Наука и искусство. 1-150.
 Мак-Кланг Р. (1974): Исчезающие животные Америки. М.: Мысль. 1-207.
 Моуэт Ф. (1988): Трагедии моря. М.: Прогресс. 1-352.
 Bengtson S.-A. (1984): Breeding ecology and extinction of the great auk (*Pinguinus impennis*): anecdotal evidence and conjectures. - *Auk*. 101 (1): 1-12.
 Fuller E. (2001): Extinct birds. Oxford: Oxford Univ. Press. 1-398.
 Fuller E. (2002): Foreword. Extinct birds. - Handbook of the Birds of the World. Barcelona: Lynx Editions. 7: 11-68.
 Luther D. (1995): Die ausgestorbenen Vögel der Welt. Magdeburg: Westarp Wissenschaften. 1-203.
 Mourer-Chauviré C. (1999): Influence de l'homme pré-historique sur la répartition de certains oiseaux marins: L'exemple du Grand Pingouin *Pinguinus impennis*. - *Alauda*. 67 (4): 273-279.
 Sedlag U. (1983): Vom Aussterben der Tiere. Urania Verlag. 1-216.

ДВЕНАДЦАТЬ ОШИБОК В ЭКОПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ЗАПОВЕДНИКОВ

Отклики читателей

От редакции

В нашем журнале (2000 г., т. 2, вып. 2) была опубликована статья В.Е. Борейко “Двенадцать ошибок в экопросветительской деятельности российских заповедников”. Первоначально она готовилась для газеты “Заповедный вестник”, однако из-за цензурных соображений не была там опубликована. Однако после публикации в “Гуманитарном экологическом журнале”, она была перепечатана российской газетой “Зеленый мир”, что позволило широко распространить ее по различным заповедникам и национальным паркам стран СНГ.

Мы получили довольно много откликов на эту статью, что подтверждает важность затронутой темы. Часть из них публикуем ниже.

Чтобы наш читатель мог лучше ориентироваться в существе спора, мы еще раз вкратце перечислим все 12 ошибок в экопросветительской деятельности российских (да и не только российских) заповедников, о которых писал В.Е. Борейко.

1. Активное использование туризма и лагерей для школьников на базе заповедников.

2. Оценка экопросветительской эффективности работы заповедников листажом и тиражом.

3. Формальный, неадаптированный перенос экопросветительского опыта американских национальных парков на отечественные заповедники.

4. Превращение заповедников в центры экологического просвещения в регионе.

5. Отсутствие научного подхода.

6. Возрастающий формализм в проведении “Марша парков”.

7. “Спасение утопающих – дело рук самих утопающих”.

8. Экопросвещение – панацея от всех бед.

9. Ожидание быстрых положительных сдвигов в экологической сознательности местного населения.

10. Напряженные отношения между работниками отделов экопросвещения и научных отделов заповедников.

11. Экологическая цензура на серьезное обсуждение проблем экопросветительской деятельности российских заповедников.

12. Перекос в грантовой политике.

А.П. Генов

бывший директор Украинского степного заповедника, Украина

Считаю, что до тех пор, пока у нас в Украине и России не будет создана целая сеть национальных природных парков, заповедники должны определенное внимание уделять туризму, но не в классическом понимании этого слова. Для этого в каждом заповеднике, филиале или отделении должны быть созданы музеи природы или хотя бы комнаты-музеи, где могут демонстрироваться чучела некоторых животных, цветные фотографии, коллекции насекомых, особенно вредителей сельского хозяйства и т. п. Обязательным должен быть краткий видеофильм, дающий общее представление о заповеднике и возможно других природно-заповедных объектах этого региона. После осмотра музея – выход в природу по кратчайшему маршруту длиной 300–1000 м, приуроченному к существующей дороге, просеке, тропе. Длительность экскурсии 1,5, максимум 2 часа.

Экологическим лагерям в заповедниках места не должно быть. Для этого существуют другие объекты: берега рек и озер, бал-

ки, опушки леса и т. п. В заповеднике могут, по моему мнению, работать небольшие группы зеленого патруля, оказывающие помощь в охране, проведении учетов животных и т. п.

Функционирование в заповедниках экопросветительских отделов считаю необходимым, так как сотрудники научного отдела не отвлекаются от своей основной работы.

Ошибка вторая. С В. Борейко полностью согласен только в том, что эффективность экопросветительской работы в заповедниках не должна выражаться листажом и тиражом. Но заповедники должны по мере возможности издавать проспекты, буклеты, их работники публиковаться в газетах и научно-популярных журналах, читать лекции. Ведь на протяжении всей истории заповедного дела эта работа всегда проводилась.

Ошибка третья. С этим положением автора полностью согласен.

Ошибка четвертая. Считаю, что превращать заповедники в центры экологического просвещения в регионе не следует, но свой вклад в это дело должен вносить каждый заповедник.

Ошибка пятая. Полностью разделяю мнение В. Борейко.

Ошибка шестая. Полностью согласен с В. Борейко

Ошибка седьмая. К сожалению, на современном этапе для заповедников “Спасение утопающих – дело рук самих утопающих” актуально. Дай Бог, чтобы эта “актуальность” как можно быстрее канула в Лету. А пока что: “Если не я, то кто?”.

Основная формула сохранения ПЗФ: законодательная база + надежная охрана заповедной территории собственной службой охраны + научная разработка оптимальных режимов охраны ПЗФ, внедрение и периодическая их корректировка + экопросвещение + действенная помощь местных властей и властных структур.

Первые четыре слагаемых являются основными и нарушение одного из них ведет к диспропорции и вызывает ухудшение состояния охраняемых экосистем.

С. Ильных

заповедник “Вишерский”, Россия

Сокращение финансирования особо охраняемых территории Российской Федерации и развитие эколого-просветительской работы пришлось на конец 90-х годов XX века. Такое совпадение отнюдь не случайно, т. к. хорошо организованная эколого-просветительская деятельность приносит значительный доход. Существует также мнение о том, что “отдел охраны плодит врагов заповедника, а отдел экологического просвещения – друзей”. Кроме этого, считается возможным привлекать общественность к охране заповедной территории и решению экологических проблем региона.

Но в эколого-просветительской работе чрезмерное старание может привести к неожиданным результатам. Тем более, что для этого есть достаточно серьезные предпосылки. Первая – это заложенный в самом статусе заповедника как ООПТ конфликт с местным населением, связанный с изъятием из оборота больших площадей земли, где находятся объекты традиционного природопользования. Вторая предпосылка чисто психологическая – территория, внешне не привлекательная, но охраняемая, более заманчива для туризма потому, что ее посещение ограничено или запрещено. Третья предпосылка связана с получением большого количества денег без особых на то усилий, что на фоне плохого финансирования заповедников, безусловно, является соблазнительным способом заработать.

Что касается увлечения проведением экологических лагерей для школьников, то это явление никак не назовешь массовым т. к. большая часть заповедников находится в относительно труднодоступных местах, что способствует уменьшению количества участников. В соответствии с этим происходит отбор, в ходе которого остаются наиболее подготовленные ученики. Несомненно, что массовые экологические лагеря не имеет смысла организовывать в заповедниках даже чисто по экономическим сооб-

ражениям, так и по требованиям техники безопасности и санитарным нормам. Масовость – это удел национальных парков, для которых свойственны соответствующие коммуникации и опыт работы в данном направлении. Перспективна также организация экологических лагерей вблизи памятников природы, где имеются в наличии оборудованные экологические тропы, снижающие воздействие туристической деятельности.

Проблема массового туризма существует в основном в тех местах, где ранее имелись туристические тропы и маршруты. Для большинства заповедников характерно полное отсутствие соответствующей инфраструктуры и соответственно стабильный приток туристов. В данном случае опасность заключается в получении заповедником оплаты за пребывание на территории, что зачастую влечет вседозволенность со стороны богатых туристов. В качестве примера можно привести обстановку в заповеднике “Вишерском” в 1996 г., когда ныне уже покойный директор Рафаэль Камильевич Идрисов отзывал инспекторов с тех мест, где отдыхали богатые туристы. Тем более у богатых туристов есть возможности передвигаться на таком мобильном транспорте как вертолет, когда простые инспектора передвигаются на лодках по рекам, а еще чаще пешком.

В этой связи нужно вводить жесткие требования по организации пребывания групп на территории заповедников и обязательном их сопровождении инспекторами охраны или другими сотрудниками заповедника. Проблема, связанная с оценкой эффективности экопросветительской деятельности заповедников листажом и тиражом связана с самоизоляцией заповедников от местного населения. Забрасывание населения листовками и буклетами многим представляется наиболее удобным вариантом работы с общественностью, тем более для представления отчетности для вышестоящих организаций. Реальный выход в данной ситуации – это интеграция заповедника в структуры местного самоуправления

и более тесное взаимодействие с общественностью. Что касается “пропагандистского мониторинга” – то это совершенно необходимое условие для нормальной работы любого заповедника.

Экопросвещение на американский лад, к сожалению, требует большого количества времени и отдельного подхода в экологическом образовании, что весьма сомнительно в современных условиях. При создании визит-центров в их оформлении следует избегать элементов рекламы.

Заповедники как центры экологического просвещения – это не больше чем мечта, т. к. заповедники не являются образовательными учреждениями или учреждениями культуры. Отсутствие специально подготовленных кадров не позволяет проводить серьезные исследования в области экологического просвещения. Из-за отсутствия подобных исследований очень трудно оценить результаты эколого-просветительских мероприятий.

К. Возьмитель

заповедник “Денежкин камень”, Россия

Почему-то к делу экологического просвещения (ЭПР) привлекли не экологов. На первом месте оказались педагоги, психологи, социологи, конфликтологи, журналисты (далее – медики, поэты и художники, модельеры и парфюмеры, химики, связисты, железнодорожники, политики). Появились штатные экопросветители, экологов, биологов среди них не много. Перед отделами просвещения встала задача: формировать положительное общественное мнение о заповедниках, зарабатывать деньги. “Просвещенческая заповедная” газета “Заповедные острова” рассказывает о том, как хорошо и богато в нацпарках Америки, Африки и Австралии. Прочитав в газете отчеты редактора о путешествиях по нашим заповедникам, кто-то заметит, что и у нас, в общем-то, неплохо. Хорошая реклама для туристов. Вот удивится турист, и обидится, если его в заповедник не пустят. Обижать

нехорошо. Неэтично. Так возникают проблемы с этикой. О том, что плохо, говорить нельзя – неэтично. Это отпугнет туристов и спонсоров. Этично умолчать, немножко приврать. Этично то, за что платят. Неэтично не иметь денег. Неэтично критиковать природоохрану в Америке. Неэтично говорить правду о чужих и собственных провалах в деле сохранения природы. Этично неудачу обернуть в красивый фантик и выдать за успех. Это и есть экологическое просвещение? Не назвать ли вещи своими именами? Если так, то называется это – “публик релейшнз” (ПР). Нас заставляют верить фантикам, и не особенно интересоваться, а что там внутри. Если вы хотите рассказать, что там внутри, навряд ли для вас найдется место в “заповедной” газете. Нас рекламируют в СМИ как туристический ресурс. Почему бы, “просвещая”, не показать “товар лицом”, не рассказать о работе заповедников, о проблемах, неудачах?

Чем отличается ЭПР от ПР? ПР – дело заказное. Пиарщикам хорошо платят. Плохим пиарщикам платят хуже. Теперь экопросвещение в заповеднике тоже заказывают, заказчик – руководитель заповедника, и ЭПР превращается в ПР. В стремлении выглядеть прилично руководители доходят до абсурда. У нас, в заповеднике “Денежкин Камень”, например, корректировали даже Летопись природы по правилам ПР: из нее удалили информацию о том, что данные по температуре имеют низкую достоверность, потому что у нас нет метеопоста. Однако данные по температуре, приведенные в летописи, не стали от этого достовернее. Одни стремятся быть приличными, другие – прилично выглядеть, и покупают для этого журналистов. Так просвещение в заповедниках оказалось под особой опекой, то есть под строжайшим контролем и под крылышком руководителя. Зачем?

У нас, в заповеднике “Денежкин Камень” случилось так. Может, в других заповедниках тоже не все прекрасно с просвещением, но рассказывать об этом неэтично, потому что установка такая – просвещение хвалить. Что ж, чтобы разобрать-

ся с этикой, продемонстрирую вам пример неэтичного поведения. Одно время я был даже замом по просвещению. Оказалось, что нельзя уметь просвещать, не обладая набором определенных конкретных знаний. А вот пиарещать – можно, обладая определенным инструментом, технологией. Сначала было в заповеднике два методиста по ЭПР, учитель географии и учитель литературы. Нетрудно догадаться, что географ, обладающего знаниями о природе, уволили скоро. На его место взяли, по совместительству, не трудно догадаться кого – журналиста. И тогда в заповеднике “появились” лешие и снежные человеки. Появились выдающиеся ученые, открывающие по тридцать новых видов животных за сезон. На лесных кордонах, кого ни ткни – Серафимы Саровские и Сергии Радонежские. Организована акция по спасению лосеночка. Один мужик подобрал в лесу лосенка, а когда его попросили “положить его на место”, заломил цену – полторы тысячи. А каким благодетелем выглядел этот мужик в газете! Но и заповедник не отстал от него – назначил цену в десять тысяч – чтобы выкупить лосенка, увезти на кордон, покупать молоко и платить лесникам за уход. И собрали с народа около двух с половиной тысяч, выставив все это за акцию милосердия. Пока проявляли милосердие, лосенок помер, естественно. Ситуацию прояснил охотовед: человек, подобранный лосенка в лесу, поступил как браконьер, и его следовало оштрафовать, а лосенка вернуть в лес, и как можно скорее. Штрафовать неэтично. Нужна была акция добра, и нужны были благородные герои. Потом все прятали глаза и разводили руками.

О. Стародубцева

*зам. директора по научной работе
заповедника “Рдейский”, Россия*

1. Полностью согласна на счет экологических троп и маршрутов на территории. У себя, например, мы планируем организовать экологические тропы вне террито-

рии заповедника. И экскурсоводами, по-видимому, станут местные учителя и дети. Что касается экологических лагерей, то в том случае, если это небольшие группы и они помогают сотрудникам в охранных мероприятиях и НИР, то это хорошо, с моей точки зрения. Так начиналось и у меня – я попала на 2-недельную практику биологического класса. И теперь, поддерживая традиции, к нам приезжают юннаты – помогать закладывать пробные площади, делать простую юннатскую работу.

2. А что касается оценки эффективности работы отделов экопросвещения, с этим я тоже согласна. Скорее, количеством буклетов и изданий можно заявить лишь о предпринимательских и организационных способностях сотрудников, а не об эффективности просвещения.

3. Полностью согласна.

4. Насчет превращения заповедников в центры экопросвещения. Знаете, в некоторых местах заповедник – это единственный культурный центр. Он может и должен иметь такую задачу. Потому что, как правило, в научных и просветительских отделах в большинстве случаев люди работают не за мизерную зарплату, а потому что это ИХ ДЕЛО. Если не заниматься просветительской деятельностью, не будет ни помощников, ни молодых сотрудников, ни доброжелателей заповедника. Так что я считаю, что экопросвещение – одна из главных задач заповедника.

5. Здесь я тоже не совсем согласна. Конечно, в этих направлениях еще мало люди работали. Однако Вы, например, упоминаете различные фонды. Насколько мне известно, например, в ВВФ уже давно ведется работа с пиарщиками, в направлении разрешения конфликтов с местным населением, оценки социологической и психологической ситуации в месте работы. Фонд национальных парков также в этом году объявил конкурс на проекты, одним из приоритетов был, цитирую: “Экологическое просвещение – новый взгляд на местные традиции природопользования”. Поговорив с автором идеи этого конкурса, мы поняли,

что подчеркивается именно это направление, указанное Вами в ошибке 5. Кстати, наш заповедник подал на этот конкурс проект с направлением исследований в области экологической этнографии региона.

6. Согласна. И название дурацкое, и каждый год в определенном числе заповедников одно и то же. Хочется чего-то новенького, интересного. Настоящего праздника заповедника. Правда, не во всех заповедниках к вопросу Марша подходят формально. Не так уж все и плохо. Мне кажется, Вам нужно пообщаться не с отчетами, а с людьми, которые этим занимаются. И с местным населением, которое участвует в Маршах. Думаю, мнение Ваше немного поколебалось бы.

7. К сожалению, сейчас спасение всех утопающих – дело рук их самих. Конечно, нужно объединяться. Только ведь энтузиастов до такой степени мало...

8. А я в слово экопросвещение вкладываю и эти понятия, главное – этическое и эстетическое отношение к миру, который тебя окружает.

9. Согласна.

10. Ну, этого мы еще не испытали. А что касается антропоцентризма – по-моему, это действительно стало модным – планы управления территорией и т. д.

Д.С. Салпагаров

директор Тебердинского заповедника

Ю.В. Саркисян, И.В. Ткаченко

*работники отдела экопросвещения
Тебердинского заповедника, Россия*

В Тебердинском заповеднике к статье г-на Борейко отнеслись очень внимательно, она вызвала полемику среди работников экопросветительского и научного отделов. Некоторые высказывания автора нашли одобрение, но во многом мы с ним не согласны. С 1996 года, пользуясь замечательной книжкой “Дорога к заповеднику”, изданной Экоцентром “Заповедники” (автор Борейко), мы и не подозревали, что не тем занимаемся, не в том направлении движем-

ся. Как прокомментировал позицию автора статьи сотрудник нашего научного отдела: “Так же поступил в свое время Иосиф Виссарионович, загнал крестьян в колхозы, а затем в статье “Головокружение от успехов” предостерег от опасных тенденций и ошибок”.

В Тебердинском заповеднике отдел экопросвещения создан 1,5 года назад, хотя экопросвещением сотрудники заповедника занимались на протяжении всей истории существования заповедника (самый посещаемый в системе российских ООПТ). И в том, что туризм на этой территории начал развиваться намного раньше, чем был создан заповедник, ничьей вины нет. Ну, а раз уж так произошло, то приходится с турбизнесом находить приемлемые и взаимовыгодные формы сотрудничества.

На примере нашего заповедника можем привести отрицательный опыт “ликвидации” туризма. С началом перестройки, распадом советской империи и известных событий на Северном Кавказе туристический поток стал ослабевать, а к середине 90-х практически иссяк. Можно было бы вздохнуть с облегчением. Так нет, антропогенное воздействие на природный комплекс только увеличилось. “Несознательное” местное население хочет нормально существовать, а без доходов от туризма это невозможно. Где еще эти доходы можно получить? Только в заповеднике – это лес (деловой), грибы и ягоды, выпас скота, охота и др. Несмотря на усиление охраны браконьерский прессинг на охраняемую территорию возрос.

В настоящее время развитие турдеятельности находит понимание у всех слоев населения. Люди связывают свое благополучие не столько со скотоводством (экономически не выгодным) и другими видами природопользования, а с развитием туризма, и сохранение заповедной территории в этих условиях становится для них важным фактором. Это, видимо, касается не только Тебердинского заповедника, но и многих других: “Столбы”, Воронежский, Кивач, весь Кавказский регион и т. д.

Что касается летних экологических лагерей на территориях ОПТ, тут можно согласиться с автором, в том смысле, что их необязательно устраивать на территориях заповедников. Но то, что они играют значительную роль в экообразовании и воспитании подрастающего поколения, мы убеждены.

Автор утверждает, что “листаж и тираж” не нужен, вреден в деятельности заповедников, и в их задачи, по большому счету, не входит выпуск книг и тиражирование листовок. Возможно, некоторые ОПТ могут добиться больших успехов, занимаясь распространением экологических сведений устным способом (например при помощи священников)... К сожалению, пока еще священнослужители у нас редкие гости. Да, в плане воздействия на умы и чувства людей священнослужители имеют огромный опыт, и это надо использовать в экопросветительской деятельности. Но сможет ли священник объяснить необходимость сохранности таких “вредных” для человека видов как шакал, гадюка или скорпион? Конечно, устное общение – важная форма работы с местным населением, но и использование методов “наглядной агитации” не менее важно.

Заповедники – не типографии, и выпуск книг не их задача. Но почему бы, имея хорошую оргтехнику, нам не тиражировать в нужных количествах листовки и простые буклеты? Лично мы этим пользуемся и это значительно дешевле и продуктивнее.

Что касается переноса заокеанского опыта экопросвещения на отечественные заповедники, мы согласны; “...опыт зарубежных ОПТ нужно изучать, популяризировать и использовать. Но обязательно адаптируя его к нашим реалиям”. Да и где же этого опыта нам еще набираться? Ведь в наших ОПТ экопросвещение сводилось только к проведению обязательных, идеологически выверенных лекций, а термина “экотуризм” мы до 90-х годов вообще не знали. Поэтому: “...и турист в Америке более культурный: недаром там его именуют “экологическим”, а у нас – “диким”. Так

может экопросвещение для того и нужно в наших заповедниках, чтобы и наших туристов перестали называть “дикими”?!

Брать на себя функции центров экопросветительства в регионах заповеднику достаточно сложно. Но координирующие функции на данном этапе заповедники нести просто обязаны, хотя бы в силу того, что сейчас они во многих регионах пока единственные организации, в структуре которых имеются отделы экопросвещения.

Самая “серьезная”, по мнению автора, ошибка пятая: “Пренебрежение серьезными исследовательскими разработками по экопросвещению”. Мы с ним в корне не согласны. Экоцентр “Заповедники”, ЦОДП и другие общественные организации обеспечивают нас необходимой учебно-методической литературой: как отечественной, так и зарубежной. К сожалению, мы даже не всегда успеваем ее осваивать и использовать в своей деятельности. Скорее здесь, да и во всей статье прослеживается явный намек на приоритет в деле этих разработок самого автора. Склоняясь перед его авторитетом, мы, однако, не думаем, что его и только его разработки можно брать за основу экопросвещения на Руси.

По поводу “ошибки шестой”, в акции “Марш парков” пока еще формализм присутствует, и надо всем работникам ОПТ много и очень хорошо поработать, чтобы этот праздник действительно превратился в народную традицию. Возможно и само название не совсем удачно для российских ОПТ, но мы к нему уже привыкли. Как показывает анкетирование проведенное по итогам “Марша парков–2000” в нашей республике (200 анкет), и название и акцию люди воспринимают правильно.

В своей книге “Дорога к заповеднику” автор справедливо отмечает, что прагматический подход к природе у местного населения всегда будет приоритетным, изменить его у большинства людей достаточно сложно. В той или иной степени он будет проявляться у человека всегда, наверное, это заложено у него в генах. А сделать так, чтобы этот подход был разумным и цивилизованным, предстоит нам всем сообща.

Быстрых сдвигов в экологической сознательности местного населения мы не ожидали, но то, что авторитет заповедника растет, показывают результаты опросов.

И вообще, знакомясь со статьей г-на Борейко, нам не совсем понятно каким образом он предлагает “...формировать экологическое сознание местного населения...”? Рекламно-издательскую деятельность он отвергает. С религиозной пропагандой не ясно: то ли она нужна (комментарий к ошибке 2), то ли вредна (ошибка третья). Проведение экологических уроков и летние экологические лагеря он относит к несовместимой с ОПТ деятельностью. Визит-центры в заповедниках, по его мнению, так же не нужны. Может быть г-н Борейко сторонник гипнотического воздействия? Ходят работники ОПТ среди народа, в толпе и гипнотизируют его: “Даю установку: заповедники – это здорово, это – спасение от экологической катастрофы ваших внуков и правнуков...”.

Интересно спросить, довелось ли г-ну Борейко поработать хоть в одном заповеднике? Пытался ли он хоть как-то изменить отношение местного населения к ОПТ с отрицательного на положительное? А если такие попытки с его стороны имели место, то интересно было бы ознакомиться с их результатами.

Во всем мире охраняемые природные территории обращены к человеку, и через человека сохраняются. В удовлетворении духовных и интеллектуальных запросов посетителей нет ничего ужасного. Конечно, идея сохранения дикой природы, как учил Г.А. Кожевников, только ради ее самой, сама по себе замечательна. Но то, что это такая же утопия, как построение коммунизма в отдельно взятой стране (России, Украине) понятно, наверное, всем. Здорово замечает автор критической статьи, что люди должны открыть для себя мифологическое, сказочное, поэтическое измерение дикой природы. Но как этого достичь, если, по Борейко, человек, прошедший по туристической тропе, уже своим присутствием наносит вред живой природе. Мы безусловно согласны, что воздействовать нужно не

только на разум, но и на сердце человека, именно воспитание духовное и эстетическое является нашей приоритетной задачей.

И еще по поводу антропоцентризма. Мы убеждены – будет хорошо человеку, будет сохраняться и дикая природа. По-другому не получается, об этом говорит мировой опыт.

Ф.Р. Штильмарк

доктор биол. наук, Россия

Не только каждый подлинный эколог, но и всякий юрист, знающий наши законы, подтвердит тот непреложный факт, что любые виды туризма (в том числе и “экологический”, хотя сам термин “экотуризм” вызывает большие сомнения) представляют собой совершенно определенные формы **ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**. И как ни толкуй, как ни заворачивай эту простую и горькую истину в экологические облатки и фантики, суть дела от этого не изменится. А ведь “экотуризм”, как можно прочесть в тех же “Заповедных островах”, “есть часть экологического просвещения”, и вывод отсюда напрашивается сам собой. Недаром такой страстный приверженец экопросвещения как В. Борейко ПЕРВОЙ ошибкой в этом деле считает “активное использование туризма и школьных лагерей на базе заповедников”, а ТРЕТЬЕЙ (из десяти) “формальный, неадаптированный перенос экопросветительного опыта американских национальных парков на наши заповедники”. Полностью соглашаясь с этим, нужно еще подчеркнуть огромную и принципиальную разницу в отношении к природе со стороны вполне обеспеченных, традиционно законопослушных американцев и населения нашей страны. Слишком уж разный у нас, как принято теперь говорить, “менталитет”, обычаи и привычки. Первые привыкли к праздному отдыху на лоне природы, любованию ее красотами (подчас из своих автомобилей), а вторые без ружья, удочки или корзины для сбора лесных “даров” вообще в лес не ступят.

ЛЮБОЙ ТУРИЗМ В ЗАПОВЕДНИ-

КАХ НЕДОПУСТИМ И ПРОТИВОРЕЧИТ НАШИМ ЗАКОНАМ, ибо там должны прекращаться ВСЕ формы хозяйственного пользования, здесь просто нет почвы для обсуждений и дискуссий.

Другое дело, когда проблема ставится так, как на развороте “Заповедных островов” (вынесено в аншлаг) “Экотуризм и ООПТ – совместимость или полярность?” Такая формулировка вопроса просто наивна или скорее лицемерна, ибо полностью **НЕСОВМЕСТИМ ЛЮБОЙ ТУРИЗМ ТОЛЬКО С ЗАПОВЕДНИКАМИ**, тогда как со **ВСЕМИ ДРУГИМИ** охраняемыми природными территориями, включая национальные и природные парки, безусловно совместим, хотя и в разной степени.

Возможности туризма – в самых разных его проявлениях – для России поистине неограниченные, и это подтверждается несколько оригинальной, но интересной статьей Б. Пестрякова в “Природно-ресурсных ведомостях”, где автор предлагает придать статус “свободных туристических территорий” обширным пространствам Сибирского Севера и Дальнего Востока. В самом деле, настоящий любитель дикой природы стремится вовсе не в строго закрытые научные лаборатории, которыми должны быть “по идее” наши государственные заповедники, ему хочется “на волю, в пампасы”, ему не нужны эконоаставники, проводники и надзиратели. Если же турист действительно хочет углубить свои познания в экологии, что ж, прекрасно, милости просим в национальные и природные парки, судьбой и законом предназначенные для общения людей с природой (за исключением заповедных участков или зон, разумеется!). Здесь и экологические тропы, и музеи природы, а кое-где, возможно, и территории ограниченного природопользования для сбора грибов и ягод, купания, даже и рыбной ловли. Правда, на примере столичного нацпарка “Лосиный остров” (живу на его окраине) можно с горечью убедиться в полнейшей беспомощности наших реальных экопросветителей – столь убоги выставленные в людных местах аншлаг, призывы и вывески, хотя уж здесь-то имеются

все возможности для подлинной и убедительной экопропаганды.

Не стоит скрывать того, что так называемый “научный” или “экотуризм” в наших заповедниках есть следствие великой нужды, невнимания государства к передовому краю охраны природы. Но нельзя же кривить душой, выдавая черное за белое, нельзя хитрить и лицемерить, получая иностранные гранты за пользование заповедной природой. Жизнь есть жизнь, и всякое в ней бывает. Был период, когда посещение знаменитой долины гейзеров в Кроноцком заповеднике решили строжайше запретить. Однако люди все равно стремились туда сквозь все природные препоны и любые запреты (избранных сам же заповедник возил, конечно, вертолетами), и долго так продолжаться не могло. Есть простое правило – нельзя заповедовать, полностью закрывать от населения такие достопримечательные места, которые как бы предназначены для любования ими. Заповедники есть ЭТАЛОНЫ ландшафтов, а НЕ МУЗЕИ В ПРИРОДЕ, для последних существуют иные формы ООПТ. Это не значит, что нужно немедленно изъять Долину Гейзеров на Камчатке или красоты Карадага на юге Крыма из границ соответствующих заповедников (теория не всегда согласуется с практикой), но СТАТУС этих уникамов природы должен отличаться от строго заповедного. То же самое со знаменитыми красноярскими “столбами”, которые НИКОГДА не были и не будут заповедными,

они существуют на режиме природного парка.

* * *

Быстрое развитие туризма угрожает экологии планеты, особенно бедных стран, лишенных возможности вкладывать серьезные средства в сохранение окружающей среды. С таким предупреждением выступили эксперты Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП).

За последнее десятилетие количество туристов в районах, важных для сохранения биоразнообразия Земли, возросло вдвое, говорится в докладе, подготовленном ЮНЕП. При этом число посещающих Камбоджу и Лаос, например, возросло в 20 раз. Южную Африку – в пять, Бразилию – в три. Ожидается, что к 2020 году количество туристов увеличится еще в два раза и достигнет почти 1,5 млрд в год. Между тем, в 1950 году цифра составляла лишь 25 млн.

“Очевидно, что туризм может принести как пользу, так и зло”, – прокомментировал публикацию доклада исполнительный директор ЮНЕП Клаус Топфер. “Сейчас туризм дает 11 % мирового ВВП, а в 37 развивающихся странах служит главным источником наполнения госбюджета. Вместе с тем при хаотичном развитии отрасль загрязняет окружающую среду, уничтожает природные ресурсы и ведет к насильственному изменению уклада жизни коренных народов”, – отмечается в документе, передает ИТАР-ТАСС. (Известия.Ru, 12 сентября 2003 г.)

Патриотические и националистические мотивы в охране природы

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

*Марширующие в одной колонне не
обязательно направляются к одной цели*
В. Тшаспильский.

Патриотические и националистические мотивы в охране природы то и дело стано-

вятся предметом спекуляции различных политических группировок, бизнесовых

структур, а то и откровенных демагогов и негодяев. К сожалению, этой теме очень мало посвящено аналитической литературы, она редко становится темой для обсуждения не только среди социологов, психологов, историков, но и самих природоохранников. Однако, кроме теоретических, есть еще практические вопросы, с которыми постоянно сталкиваются экологические организации, вынужденные выбирать приоритет между охраной природы с одной стороны, и защитой нации или Родины с другой.

В своем небольшом исследовании я не претендую на окончательные оценки, и мои выводы могут считаться предварительными, требующими широкого обсуждения.

Экопатриотизм

Российский энциклопедический словарь (2000) трактует патриотизм как любовь к родине, привязанность к месту своего рождения, месту жительства (от греческого “*patris*” – родина). Под экопатриотами можно понимать таких природоохранников, для которых патриотическая мотивация является главной в их деятельности. Как правило, они любят и защищают преимущественно только родную природу, рассматривая ее как часть Родины. Природа не является для них самоценностью, а рассматривается только как средство для достижения целей человека. К охране природы других стран экопатриоты нередко бывают равнодушны, так как разделяют природу на “родную” и “неродную”.

Сам по себе экопатриотизм явление довольно неоднозначное. С одной стороны, патриотические аргументы в охране природы, особенно с целью мобилизации населения для решения локальных экологических вопросов, очень эффективны, так как эмоциональны, понятны и не требуют специальных знаний и опыта со стороны широких слоев населения. Более того, сама защита памятников природы способствует росту патриотизма. На патриотические аргументы в своих работах опирались такие

известные идеологи охраны природы XIX – начала XX веков как англичанин Джон Рескин, поляк Ян Павликовский, немец Гуго Конвенц.

Джон Рескин писал: “Может быть в этом созерцании родных картин природы заключается источник многих великих идей, руководящих миром, и основа так называемого патриотизма (...). Невольно задаешься вопросом – не должна ли эта красота служить главной задачей патриота, так как она преимущественно и воспитала его? Что толку в заботах об увековечивании идеи родины, если мы не стараемся увековечить ее дорогой образ” (Сизеранн, 1900).

Ян Павликовский (Pavlikovski, 1913) полагал, что у природоохраны имеется три главных мотива: естественно-научный, эстетический и чувственно-патриотический, то есть сохранение любимых, присущих родной земле черт. По его мнению “любовь к родине предусматривает заботу о памятниках этой земли, устранение недостатков, появляющихся на ее любимом лице, заботу о ее красоте” (Pavlikovski, 1913).

Патриотические и националистические чувства были очень характерны для американских защитников природы середины XIX века, испытывавших комплекс культурной неполноценности перед европейскими шедеврами культуры. В качестве замены они выдвинули свои, американские природные шедевры – Ниагарский водопад, гейзеры Йеллоустоуна, равных которым не было в Европе. Эти чувства и продвинули американцев первыми к идее создания национальных парков (Нэш, 2001).

Но есть и вторая сторона медали. Всем хорошо известно изречение М. Пришвина: “Охранять природу – значит охранять Родину”. Одно время оно мне очень нравилось. Однако постепенно, размышляя об экопатриотизме, пришел к выводу, что он довольно однобок. Дело в том, что здесь подразумевается защита только родной природы, природы как части Родины. Получается, что природу нужно охранять не потому, что она ценна сама по себе, а потому, что является частью Родины. Отсюда при-

рода, которая не входит в понятие Родины, или находится за ее пределами (неродная природа), не имеет особой ценности и, возможно, может быть уничтожена.

Любопытный случай произошел на I съезде (совещании) естествоиспытателей Украины в августе 1918 г. в Киеве. После одного из докладов об охране заповедника Аскания-Нова разгорелись дебаты. Профессор П.А. Тутковский высказал мнение, что “хотя Аскания-Нова и есть ценный памятник природы, но из украинской природы он имеет лишь одну степь”. На что известный природоохранник профессор В.И. Талиев возразил: “Охрана природы преследует более широкие цели, чем считает профессор Тутковский”*.

Однако давайте снова вернемся к лозунгу “Охранять природу – значит охранять Родину”. Он не только одноклобок, но и не точен, ибо между “охраной природы” и “охраной Родины” нельзя ставить знак равенства. Охрана Родины предполагает нечто большее, чем просто охрана природы. Это еще и охрана местных памятников культуры, народных традиций, защита от внешнего врага, защита экономических интересов и т. п. Более того, любое из перечисленных направлений охраны Родины в некоторых ситуациях может войти в конфликт с охраной природы. Например, военные предлагают в оборонительных целях вырубить под создание аэродрома уникальный старовозрастный лес. Этому противятся экологи, которых тут же могут обвинить в отсутствии патриотизма. Да и сами экопатриоты оказываются порой в тяжелом положении. Руководитель харьковской экологической организации С. Шапоренко справедливо пишет, что пока экопатриоты “будут стоять одновременно на несовместимых позициях, с одной стороны защищая интересы институтов власти, а с другой – интересы природы (окружающей среды) и отдельных индивидуумов – стратегических побед, движения вперед у них быть не может. “Лебедь, рак и щука” тянут воз в раз-

ные стороны. Так и будет тянуться: патриотические силы, с одной стороны, будут принимать отличные экологические законы, а с другой – поддерживать строительство Одесского нефтетерминала, мостов через Хортицу и т. п. По одному из определений патриотизм – это любовь к Родине и готовность ее защитить. От кого ее в настоящее время нужно защищать? В первую очередь – от своего же института государства...” (Спор..., 2004).

“Патриотизм, – говорил Н. Карамзин, – не должен ослеплять нас: любовь к отечеству есть действие ясного разума, а не слепая страсть” (Энциклопедия афоризмов, 1998). Конечно, нет ничего плохого в защите своей родной речки, рощи. Плохо начинается тогда, когда дальше защиты своей родной речки или рощи люди ничего не видят. Экопатриотизм может быть очень полезным на уровне локальных, местных действий – расчистить родник, посадить дерево, но становится неэффективным и даже антиэкологичным на уровне природоохранной идеологии и философии. Так как не является до конца последовательным, ибо в случае конфликта интересов природоохраны с интересами Родины (государства) отдает предпочтение последней.

Узвем экопатриотизм и с позиции экологической этики. Ведь экопатриоты рассматривают природу не как самоценность, а как средство для достижения целей человека. Что не может считаться этичным.

Эконационализм

Немецкий народ должен быть очищен, а природа?

Адольф Гитлер.

Российский энциклопедический словарь (2000) трактует национализм следующим образом – “идеология и политика в национальном вопросе, основанные на понимании нации как высшей ценности и формы общества”.

Под эконационалистами можно понимать таких природоохранников, для кото-

* ОРЦНБ НАН Украины, ф. X, д. 157–180, л. 44.

рых националистическая мотивация является главной в их деятельности. Они рассматривают природу не как самоценность, а как средство для достижения целей человека и защищают ее потому, что здоровая природа способствует здоровью нации и процветанию национального государства. Некоторые из них полагают, что виновниками всех экологических проблем является пришлые этносы. К охране природы других стран эконационалисты чаще всего бывают равнодушны. Эконационализм еще более неоднозначное явление, чем экопатриотизм.

Известный немецкий природоохранник Гуго Конвенц, стоявший на позициях экопатриотизма и национализма, как представитель Германии на международной конференции по охране природы в 1913 г. в Берне, настаивал, что охрана природы является частью защиты родины и таким образом является национальной, а не международной задачей. После этого он торпедировал все попытки согласованных международных природоохранных акций (Dominick, 1992; Доминик, 1997). С ним был согласен профессор Вальтер Шониген, директор Прусского Государственного агентства по охране природы, который заявил в 1933 году: “Охрана природы заботится о большем, чем находящиеся под угрозой виды птиц и редких растений, о большем, чем дюны, торфяники и леса... Она заботится о немцах” (Dominick, 1992). Это очень важная цитата, ибо в ней – суть эконационализма, как разновидности антропоцентризма, рассматривающего природу и ее защиту только с точки полезности для человека (нации, национального государства и т. п.).

Немецкие природоохранники, стоявшие на ультра-националистических позициях, защищали свою природу, ничего не имея против ее уничтожения в Польше, Украине или России. Они не переставали цитировать того же Гитлера, однажды заявившего: “Германская природа должна быть сохранена при любых обстоятельствах, потому что она является и всегда являлась источником силы и величия нашего народа” (Dominick, 1992).

Нередко эконационалисты начинают обвинять в экологических проблемах своей страны представителей других этносов. Например, 4 Конференция Киевской городской организации “Зелений світ” в 1993 году приняла такую резолюцию: “... добиваться сохранения коренного этноса..., заявить о приоритете права интересов нации над абстрактными правами человека, считать экономически опасным для украинского этноса преобладание в органах власти и управления представителей других этносов, что является одной из причин современного кризиса в Украине” (Борейко, 2000)

Или другой пример. В декабре 1997 года в Киеве состоялся очередной съезд Украинской экологической ассоциации “Зелений світ”. На нем выступил один из основателей этой организации, писатель С. Плачинда и почему зря принялся ругать евреев, якобы виновных в экологических бедах Украины.

Националистические лозунги в своих целях очень успешно используют различные бизнесовые структуры, заинтересованные в получении прибыли любой ценой. Так, Партия зеленых Украины, стоящая на националистических позициях и обслуживающая интересы нефтяного бизнеса, в середине 1990-х годов выступила за строительство крайне экологически опасного Одесского нефтяного терминала, доказывая, что, якобы, без этого терминала Украина не выживет (Листопад, 2003). Противники же терминала именовались ими не иначе как враги украинского народа.

В 2002 году Всеукраинская экологическая лига, организационная структура Народно-демократической партии Украины, лидером которой являлся министр транспорта Украины Пустовойтенко, стала лоббировать предложение Минтранса Украины о строительстве судоходного канала через абсолютно заповедную зону Дунайского биосферного заповедника. В качестве аргументов использовались все те же тезисы националистически-державнического содержания.

Подытоживая вышесказанное, можно

сказать, что идеология эконационализма, с точки зрения природоохраны, не может быть эффективной, так как, во-первых, не будет пользоваться широкой поддержкой населения, ибо может настраивать представителей одной национальности против другой, и, во-вторых, не противится уничтожению природы в том случае, если это служит интересам нации или национального государства.

Вместе с тем нельзя не упомянуть о положительном влиянии здорового, неагрессивного национализма, как дополнительной мотивации для привлечения людей к охране природы.

Выводы

1. Согласно теории мобилизации ресурсов с целью привлечения как можно более широких слоев населения к охране природы, необходимо применять различные мотивации. В том числе патриотические и националистические. Однако, они должны рассматриваться как не единственно возможные или главные.

2. С точки зрения прав природы, природа не принадлежит ни отдельным людям, ни нациям, ни государствам. Экопатриотизм, также как и эконационализм – разновидность антропоцентризма, когда природа рассматривается не как цель, сама по себе, а как средство для достижения целей человека, нации, государства.

3. Задачи у эконационалистов, экопатриотов и экологов могут быть во многом сходными, но цели – разные.

4. Природа и ее охрана не признают национальных или государственных границ. Как говорится, “думают глобально, действуют локально”. Миграционные пути животных, водосборы рек, горы, моря, океаны, кислотные дожди, ядерное загрязнение, озоновые дыры, парниковый эффект, как правило, затрагивают территории нескольких или многих стран и могут решаться только посредством международных усилий. Более того, возможно, уже пришло время, когда охрана природы должна быть

поставлена выше национального суверенитета. Если какое-либо государство не в силах защитить уникальный природный объект, то его защиту должна брать на себя влиятельная международная организация типа ООН. (Как пример – тушение военных конфликтов силами ООН). Пришло время подумать и над созданием охраняемых природных территорий под двойной юрисдикцией – конкретного государства и ООН.

5. Тем, кто не видит ничего опасного в занятиях патриотизмом и национализмом, следует напомнить о “лестнице Соловьева”, формуле, разработанной выдающимся русским философом Владимиром Соловьевым, убедительно показывающей, как неосмотрительность в обращении с патриотизмом вызывает цепную реакцию, приводящую страну и народ к самоуничтожению (тому пример наполеоновская Франция, гитлеровская Германия, царская Россия, милитаристская Япония и т. п.). Эта формула звучит так: “Национальное самосознание – национальное самодовольство – национальное самообожание – национальное самоуничтожение” (цит. по: Янов, 2002).

Литература

- Борейко В. (2000): Записки природоохранника. Киев: КЭКЦ. 1-208.
- Доминик Р. (1997): Антимодернизм, национализм, романтизм, мораль и религия в природоохранном движении Германии начала 20 века. - Любовь к природе: Материалы международной школы-семинара “Трибуна-6”. Киев: КЭКЦ. 26-46
- Листопад О. (2003): Кто виноват и что делать? - Зеленый салат. Грудень – січень. 3-6
- Нэш Р. (2001): Дикая природа и американский разум. Киев: КЭКЦ. 1-204.
- Российский энциклопедический словарь. М.: Книжное издательство “Большая Российская энциклопедия”, 2000. 2: 1029, 1153.
- Сизеранн Р. (1900): Рескин и религия красоты. М. 1-202.
- Спор о национализме, патриотизме и экологии. - Гуман. экол. ж. 2004. 6 (1): 38-42.
- Янов А.Л. (2002): Патриотизма и национализм в России. 1825–1921. М.: ИКЦ “Академкнига”. 1-398.
- Энциклопедия афоризмов. М.: АСТ, 1998. 1-720.
- Dominick III R. (1992): The environmental movement in Germany. Bloomington: Indiana Univ. Press. 34-61.
- Pavlikovski I.G. (1913): Kultura a natura. Kraków – Warszawa: Lamus. 1-64.

Немецкий ландшафт и немецкая душа

Франц Макс Веб

Немецкая душа одержала победу над не вызывающим уважения и чуждым религии интеллектом. Силы неосознанного, вера и любовь, кровь и преданность народу поднялись против хладнокровно анализирующего образа мыслей. Христианская немецкая душа в этой борьбе черпает силы из земли и расы, из веры. И из немецкого ландшафта.

Немецкая родная мать-земля дает нам свои соки и не только лишь крестьянину – мы все живем этой народосохраняющей коренной силой.

Нашему исследованию немецкой истории и расы всегда препятствуют и мешают его осуществлению. Ландшафт, который Бог дал нашему народу как жизненное пространство, еще существует в чудесной красоте и самобытности. (К сожалению, не повсюду!) А загадочность немецкого человека разве не является тайной частью нашего ландшафта? Кто однажды узнал на собственном опыте природу Тироля, тот также знает и тиролецев, и кому северные немецкие равнины однажды запали в душу своими песнями, тот поймет также и своеобразие этой немецкой природы. Человек имеет в земле корни своего существования. Так как каждый народ должен иметь свое жизненное пространство, так он нуждается и в участке земли, чтобы иметь возможность органически развиваться и работать. Об этом ясно говорят поселки индустриальных рабочих вокруг наших городов.

Евреи, народ без родины и земли, не могут быть душевно здоровыми. Их наилучшие стремления зовут, поэтому, на родину, в Палестину.

Большой город сегодня испытывает на

себе сильный удар, наступление земли. Ландшафт приобретает власть над людьми. Он формирует людей согласно своим законам. Человек прошлого материализма верил, что он все силы получает от себя самого, по собственным законам, не зависящим от Бога и природы, развивается и действует. Однако судьба и земля сбросили человека с его трона, воздвигнутого им самим. И теперь вновь бросается человек в объятия природы, заново переживает животворную силу и власть ландшафта. Немецкий народ, который испытал так много бед и лишений, который очень ослаб, этот народ дает возможность своей душе опять окрепнуть благодаря могуществу и власти природы, немецкой земли, через которую с ним говорит Бог. Кто потерял критерий истинной жизни, тот пусть вернется к природе! Кто хочет создать будущее нашей нации, должен созерцать и лучше узнать немецкий ландшафт.

Этот ландшафт с многообразием его форм и величественными Альпами, которые всему населению навязывают неторопливый жизненный шаг, спокойное течение жизни, лаконичный характер, особенно тем, кто не желает подчиняться силам горной природы. Немецкий ландшафт с грациозной горной и холмистой природой, с широкими равнинами и лугами. Он обязательно должен был сформировать своеобразных, отличающихся друг от друга людей.

Немецкий ландшафт – это не исполненная тоска, убегающая в широкие равнины Россия. Однако, в глубине большого немецкого пространства есть многочисленные ландшафтные единицы, естественно, не в полном смысле этого слова. Это имеет важнейшее значение для жизни и сути нашего народа. Так как эти небольшие ландшафты формируют не только своеобразные типы людей, они также являются природ-

Опубликовано: Web F.M. Deutsche Landschaft und deutsche Seele. - Natur und kultur. 1934. № 4, S. 147–151. Сокращ. перевод с немецкого Киевского эколого-культурного центра.

ными основами для культурных центров. Они придают национализму определенную окраску, не имеющую ничего от однообразия русского, английского, французского.

Когда народ должен стать нацией, когда должны подняться инстинктивные чувства родины, расы и народа осознанно, то ландшафтное и характерное различие страны и людей несомненно будет замедлять этот процесс становления нации. Будут необходимыми нравственные силы отдельным частям народа, чтобы прийти к пониманию нации и желанию стать нацией, разве только при большом сходстве ландшафтов и братстве народов.

Мы имеем замкнутые ландшафты, которые, как кажется невнимательному наблюдателю, образуют гармоничное единство. Также мы имеем такие части народа, как например, тирольцы, которые благодаря своеобразному ходу истории и четкому отделению своего ландшафта кажутся маленьким народом в большом, даже говорят и о “тирольской нации”.

Несомненно, это разнообразие нашего ландшафта, наряду с различием типов рас и относительное богатство различных склонностей, благодаря ландшафту, является более глубокой причиной для часто мелочно критикуемого нами “немецкого несогласия”.

Определенно, это различие ландшафтов и людей таит в себе опасность для нации. Но кто хотел бы преодолеть в немецкой душе северонемецкие трудности жизни, или душевное тепло и жизнерадостность австрийцев? И, прежде всего – мы, немцы, никогда не стали бы понимающим, сочувствующим, космополитическим народом, не смогли бы передавать культуру другим народам, если бы граничащая с Польшей и Россией Германия существовала бы также, как “Остмарк” и “Зюдмарк”, которые должны жить в постоянном контакте с итальянцами и венграми.

Также, если бы наш сегодня пластичный и жизнерадостный народ застыл бы в одной нации, как французский, которая могла бы стать бесчеловечной из страха перед молодежью других народов, то наш разнообразный ландшафт не сформировал бы немцев Германии различного вида. Объединение всех немцев мы переживаем именно сегодня, несмотря ни на что. И только потому это так мощественно и эффективно, что к этому национальному становлению будут приложены большие душевные силы отдельных частей народа. И так как это национальное становление еще не закончено, будет освобождаться новая энергия из этих сильных противоположностей. Этой народной энергии пугается мир, боялись иудеи и приходят в ужас те государства, у которых есть часть захваченного ими немецкого пространства.

Германия лежит в центре Европы. В душе немца должно быть все то, что необходимо для способностей и добродетелей для общения со всеми окружающими народами, поскольку сейчас в немецкой душе имеется изобилие дарований, талантов, то этот народ пользуется необходимым жизненным пространством. И, прежде всего, народ может лишь тогда превратиться в нацию, может полностью исполнить свою миссию в отношении других народов, когда от него не будут отделяться жизненно важные области и части народа.

Германия без немцев и границ, и, прежде всего, Германия без Австрии, не может полностью трудиться, немецкая душа происходит не из гармонического изобилия, как могло бы быть обусловлено целым немецким ландшафтом. Вся поэзия немецкой души, – не возникла ли она также из немецкого ландшафта? Песня, которая формирует общество, является все-таки сформированным отображением немецкой судьбы и немецкой истории в сердцах немецких деятелей искусства.

Природоохранная идеология в нацистской Германии

Р. Доминик III

Германская природа должна быть сохранена при любых обстоятельствах, потому что она является и всегда являлась источником силы и величия нашего народа.

А. Гитлер.

Идеология национал-социализма и охрана природы

Национал-социализм, казалось, отвечал чаяниям народнического сегмента кампании в защиту природы. Это было воинствующее и растущее политическое движение, которое, казалось, верит в те же вещи, которые Вильгельм Гейнрих Риль и Эрнст Рудорф проповедовали в предыдущем столетии. Имелось движение, которое, казалось, ценит важность охраны природы в сохранении здоровья и благополучия.

Многое в мировоззрении национал-социализма, например, слепая вера в Адольфа Гитлера или милитаризм, который был так убедителен в стиле и сути нацизма, было чуждо традициям охраны природы. Напротив, многие из интеллектуальных нитей охраны природы, например, научная экология и восточные философии, были чуждыми и даже враждебными нацистскому кредо. В результате некоторые сторонники охраны природы сохранили иммунитет против притягательной силы нацизма.

В этой бурлящей центральной области общих требований и идеалов, как нацисты, так и сторонники охраны природы защищали национальное возрождение. И те и другие остро чувствовали боль от военного поражения в Первой Мировой войне, и те и другие предлагали свои собственные кредо в виде пути к обновлению. В течение

всей войны публикации по охране природы утверждали, что природоохрана буквально защитила Отечество, и они утверждали, что видение неиспорченной родины вдохновляло боевой дух народа. Когда наступил разгром, широко известный натуралист Конрад Гюнтер утверждал, что рейх рухнул, потому что “его основание не было твердо укоренено в почве”. Согласно Гюнтеру, для того чтобы перестройка имела успех, нация должна признать, что “основанием, на котором стоит народ, может быть только почва родины. Чем тверже он укоренен, тем труднее его искоренить. ... Люди, которые любят свою родину, защищают ее до конца, и завоевать их нельзя. Но что любят в родине?... Любят природу!”

В поисках вдохновляющей исторической параллели Гюнтер вернулся на столетие назад, к тем темным дням, когда Наполеон овладел Германией. В те времена, говорил он, немцы восстановили свою силу через двойное движение романтизма и национализма, которое обновило связь народа с природой, и с традициями, и обычаями страны. В суровых обстоятельствах 1920-х Гюнтер выдвинул решительный выбор для Отечества: “или немецкий народ станет единым, радостно растущим вместе в свежих зеленых окрестностях или он станет “культурным удобрением” для других наций”.

Аргумент Гюнтера основывался на освященном веками убеждении, что природное окружение формировало национальный характер. Расширенное и очищенное, это положение составило второй критический пункт в области пересечения между нациз-

Опубликовано: Dominick III R. The environmental movement in Germany. Bloomington: Indiana University Press, 1992. P. 34-61. Сокращ. перевод А. Елагина.

мом и идеями охраны природы, знаменитое положение о крови и почве в нацистской пропаганде. В этой формулировке немецкий народ, в особенности крестьянство, сформировало свой характер во взаимодействии с почвой Отечества. Предполагаемые добродетели крестьянства – непоколебимость, храбрость, усердие, честность и верность, перечисляя только немного, – все каким-то образом произошли от связи с почвой. Ясно, что эти добродетели не могли разделяться кочевыми народами без корней, подобными евреям. Эта часть аргумента “крови и почвы” могла быть перефразирована из работ Вильгельма Генриха Рилия, семьдесятю годами ранее, и о многом говорит то, что “Естественная история немецкого народа” Рилия выдержала четыре новых издания при нацистском режиме, включая специальное издание 1944 года для вермахта. Новаторство нацистов в этой формулировке включало в себя преобладающее ударение на “крови”, их живом синониме для генетической наследственности и расы. Позже будет больше сказано об этом аспекте нацистского мировоззрения, но сейчас достаточно отметить, что согласно нацистскому пониманию, кровь и почва взаимодействовали взаимовлияющим образом для создания германского народа.

Теория крови и почвы была чисто антропоцентрической. С этой точки зрения, природа имеет ценность только как источник бодрости для немецкой национальной души. Встраивая эту идею в дело охраны природы, Гюнтер писал, что “первоначальной окружающей средой для развития народа является первозданная родина”, которая стала “фундаментом характера народа”. В случае с Германией лес стал формирующий элементом, и, согласно Гюнтеру, можно отличить подлинного немца по его постоянному восхищению лесом. В этом заявлении Гюнтер утверждал, что лесные жители были менее социальными, чем степные кочевники, поэтому современный немец сохранил в себе что-то от “одиночки”. Толкая географический детерминизм еще далее, Гюнтер настаивал, что разделя-

ющее и изолирующее влияние деревьев объясняет современную фрагментацию Германии на мириады политических партий и других ассоциаций. Установив, таким образом, к своему собственному удовлетворению, что германство укоренилось в природе, Гюнтер провозглашает: “Природоохрана несет в себе сохранение глубочайших источников творческой души народа”. Гюнтер вряд ли был одинок в этой точке зрения. Отто Грусман, директор Германского союза охраны природы, выражал точно такое же чувство, говоря: “Прекрасная и богатая природа является первоначальным источником всех сил народа, и защита природы является краеугольным камнем в сердце народа”. Как и в риторике нацистов о крови и почве, многие сторонники охраны природы идеализировали крестьянство как носителя германской традиции, находившегося в неразрывной связи с питательной почвой родины. Сторонники природоохраны рассматривали этих фермеров как истинных представителей германства, также как естественных защитников охраны окружающей среды.

Следующей областью перекрытия между мировоззрениями нацистов и многих сторонников охраны природы были взгляды на создание Великой Германии. Подобно нацистам, многие апостолы защиты природы настаивали, что этнические немцы на территориях, отрезанных согласно Версальскому договору, так же как их культурные родственники, рассеянные столетия назад от Швейцарии через Австрию до Эстонии, все в сообществе принадлежали к германской нации. Даже до Первой Мировой войны Общество природных парков объединило немцев второй империи с немцами Австрии в стремлении к идеалу сторонников заповедников, и созданные ими парки находились в обеих странах. Два десятилетия спустя, когда Евгений Дизель опубликовал свой обзор “Земля немцев”, он включил в порядке вещей Австрийские Альпы. Демонстрируя подобный потенциально экспансионистский дух, Вторая Германская конференция по охране природы в

1927 году получила особое удовольствие от присутствия делегации “окупированной территории” Данцига.

Расизм стал еще одной областью, где народническое движение за охрану природы нашло общую почву с нацистами. Еще в 1913 году Карл Вагенфельд, один из основателей Лиги Защиты родины в Вестфалии, настаивал, что фокус этой организации должен быть не на архитектуре, морали, ландшафте или диалекте, а скорее на расе. Указывая на прилив иммигрантов из славянских земель, которые наполняли индустриальные регионы Отечества, Вагенфельд предупреждал, что каждый “товарищ по нации” должен был участвовать в кампании за чистоту родины и расы. Журналист Фриц Блей разделял беспокойство Вагенфельда. В эссе для Общества Природных Парков он проводил параллель между разрушительным влиянием загрязнения воздуха на германские леса, летальным влиянием загрязнения воды на рыбу Германии, и наплывом “немытой кучи хорватов и поляков”, которые заменяли “парней и девушек с льняными волосами и голубыми глазами” Германии. Профессор, доктор Пауль Шульце-Наумбург, председатель Германского Общества Защиты Родины с 1904 по 1914 годы, опубликовал свою точку зрения о том, что безразличие большинства немцев по отношению к охране памятников истории и природы возникают из “расового упадка” немецкого народа. В особенности он осуждал захват социальных проектов и образования менее ценными расовыми элементами. Накануне захвата власти нацистами этот ветеран кампании в защиту природы кричал, что Германии угрожает увеличение численности “недочеловеков”, и подобно многим в образованной элите его дней, он защищал евгенику для улучшения расовой породы Германии. Профессор доктор Вальтер Шениген, преемник Гуго Конвенца на должности директора Прусского Правительственного Центра охраны природы в точности разделял чувства Шульце-Наумбурга. “Нет сомнения, – писал он в своем педагогическом учебнике

1926 года “Методы и техника обучения естественной истории”, – что расово-гигиенический распад угрожает нашему народу”. Уменьшается не только показатель рождаемости нации, но и элементы наименее достойные распространения воспроизводятся наиболее быстро. В этой книге, которая была задумана для обучения учителей охране природы, Шениген требовал социальных мер, которые поощрили бы расово ценных женщин интенсивно размножаться и запретили бы воспроизводство “дегенеративных элементов”.

По крайней мере со дней Эрнста Рудорфа народнические сторонники охраны природы рассматривали вырождение как убедительную тему в их охране окружающей среды, а в Веймарскую эру основания для их жалоб против современного мира распространились. Раздражающие нововведения, подобные джазовой музыке, гладкому стеклу и стальным линиям архитектуры Бахауса убедили многих сторонников природоохраны, что их страна качается на краю невосстанавливаемого спада. Шениген верил, что бездушная культура, “рожденная джазом и городским асфальтом” была первичной причиной разрушения природной окружающей среды Германии. Жалуясь по поводу наружной рекламы, грамофонной музыки и растущей армии автомобилей, которые портили окрестности, он предупреждал, что “опустошение почвы родины является концом культуры”.

Хотя взгляд нацистов на современность был глубоко равнодушным, общественный имидж этой партии включал защиту германских традиций от резких и эстетически непривлекательных нововведений. Это общественное положение позволило нацистам кооптировать большую часть большого антимодернистского течения в германской культуре. Демонстрируя их общую антимодернистскую эстетическую чувствительность, народнические консервационисты и нацистская партия объединились против предложения создания мемориала Герману Ленсу в Люнебург Хис, который должен был быть построен в соответствии с кубист-

скими линиями Бахаусской школы. Помимо эстетики сторонники природоохраны и нацисты также разделяли глубокую сдержанность по отношению к влиянию технологии. И те и другие также тяжело боролись против материализма, который, по их представлению, стал гораздо более извращенным и разрушительным за последнее время. Шульце-Наумбург синтезировал две этих жалобы, говоря: “Немыслимому стремлению к спекулятивным богатствам без совести или чувства нельзя позволять сочетаться с недавно приобретенной технической мощностью, что может сделать Землю необитаемой”.

Где-то в другом месте той же книги Шульце-Наумбург продолжал: “Простое материальное преимущество индивидуума не должно никогда одерживать триумф над правом сообщества”. Вместо эгоистичной, разрушительной свалки капитализма нацисты и многие из сторонников охраны природы предпочитали чувство социальной солидарности. Заключенный в нацистский девиз “Общее благо имеет предпочтение перед индивидуальным благом” энтузиазм по поводу уничтожения классовых делений в органическом единстве обновленного народа представлял собой центральную часть привлекательности нацизма. Используя смутный антикапиталистический жаргон о делении прибыли и контроле за спекуляцией, нацисты доказывали свое видение общества.

Первый номер журнала “Природа и родина” показал то же самое видение. Конечно, издатель провозгласил сражаться против продолжающейся вандализации окружающей среды, но он продолжал: “Есть разделения, которые надо уничтожить, разделение между бедными и богатыми, между высоким и низким, между различными политическими и конфессиональными точками зрения. Мы хотим забыть эти различия и стать на службу народу как мужчины и немцы”. Уже в 1920 году журнал любителей птиц призывал к народничеству с ядовитой биологической риторикой, предвосхитив риторику нацистов. “Индивиду-

ум еще раз должен понять – писал этот журнал, – что он неразрывно связан с процветанием целого: паразит, который этого не поймет, должен в таком случае быть уничтожен, чтобы он более не мог отравлять весь организм”.

Как нацисты, так и народнические сторонники охраны природы настаивали, что их позиция не имеет ничего общего с коммунизмом. В самом деле, антикоммунизм был одним из наиболее важных пропагандистских пунктов нацистов. Многие сторонники охраны природы разделяли эту точку зрения. Уже в 1907 году Эрнст Рудорф проповедовал, что защита природной и исторической окружающей среды могла бы противодействовать “идеалам красного интернационала”. Двадцать лет спустя его последователи кричали, что защита родины могла бы послужить прививкой для народа против большевизма. Таким образом, здесь мы имеем еще одно общее место между двумя движениями.

Привлекательность нацизма для сторонников охраны природы

Хотя существенное перекрытие между мировоззрениями национал-социализма и охраны природы обеспечивало очевидную возможность для нацистского рекрутирования, нацистская партия, кажется, делала небольшие усилия, чтобы рекрутировать именно сторонников природоохраны. По сравнению с основными моментами пропаганды - антикоммунизмом и оппозицией Версальским соглашениям, например, гитлеровская пропаганда уделяла мало внимания природоохране. Даже после 1928 года, когда нацисты перефокусировали свои агитационные усилия с городских рабочих в направлении более сельских частей Германии, идеи охраны природы не возникали как важная часть нацистской кампании.

Расизм и территориальная экспансия были центральной частью собственного мировоззрения Гитлера, и ни одна из этих позиций не имела никакой внутренней связи с охраной природы.

После того, как установилась диктатура Гитлера, сторонники охраны природы прочесывали его заявления в поисках какого-то знака внимания к их идеям, и два разных защитника природы цитировали следующее замечание как доказательство поддержки со стороны фюрера: “Человек не должен никогда принимать неверную концепцию, что он действительно рожден, чтобы быть хозяином и повелителем природы: скорее он должен понять фундаментальную необходимость власти природы и понять, как даже его собственное существование подчинено этим законам вечной борьбы”. Но когда эти слова прочитываются в контексте мировоззрения Гитлера, подобно многим другим многочисленным ссылкам Гитлера на природу, они учат социальному дарвинизму, а не охране природы или защите окружающей среды. Когда Гитлер использовал природу, он поступал так, чтобы получить оправдания безжалостному конкурентному преследованию собственных национальных или расовых интересов, как в следующих словах из речи 1931 года: “Каждый здоровый народ рассматривает право на расширение своего жизненного пространства как нечто естественное”.

Несколько ученых отметило явное противоречие между смотрящим назад пасторализмом, который был так соблазнителен для некоторых нацистов, и планами по завоеванию мира, которые занимали такое центральное место в собственных взглядах Гитлера. Второе противоречие возникло между расистами-нацистами, которые настаивали, что только гены формируют народ, и защитниками окружающей среды, которые провозглашали центральную роль природного окружения в формировании национального характера. Сам фюрер, казалось, не был обеспокоен этими несоответствиями. Для него природоохрана была немногим больше, чем своеобразной пропагандистской сценой в его разворачивающейся драме мирового господства и расового истребления.

Несмотря на убеждения Гитлера, пар-

тийная пропагандистская машина эксплуатировала многие вопросы помимо расы и жизненного пространства. В этом широком диапазоне вопросов несколько удивительно, как мало внимания получила охрана природы. Хотя в целом антимодернистское ударение характеризовало многое в нацистской пропаганде, локализованные исследования, изучения избирательных кампаний и конспектов нацистской пропаганды не сумели обнаружить каких-то существенных упоминаний о природоохране. Более того, даже хотя нацистская партийная бюрократия изобиловала различными специальными подразделениями для фермеров, учителей, студентов, архитекторов, докторов, чиновников и других, ни сторонники охраны природы, ни сторонники Родины не заслуживали своего собственного отдела. Мой обзор различных прокламаций дал подобную картину упущения в области охраны природы.

Для обеспечения более систематического анализа степени природоохранного комментария, имеющегося в этой части нацистской пропагандистской машины, я исследовал в качестве образца номера центральной партийной газеты “Der völkische Beobachter”.

Комментарий по поводу окружающей среды редко занимал переднюю страницу, но когда тщательно исследовалось целое издание, ссылки на окружающую среду (обычно краткие) появлялись в примерно 35 процентах номеров. Более того, каждый раз, когда рассматривался вопрос, связанный с окружающей средой, издатели стояли на стороне сторонников охраны природы. Когда они приводили свои причины поддержки природоохраны, издатели игнорировали соображения научной экологии, общественного здоровья или другие рациональные доводы. Вместо этого достаточно предсказуемо они проповедовали эстетические ценности или еще более часто народнический аргумент о том, что охрана природы поддерживала силу нации.

Когда “Der völkische Beobachter” обсуждал проблемы охраны окружающей сре-

ды, он переключал предмет вопроса на националистическую или расистскую точку зрения. Например, в одной из немногих передовых статей о вреде, причиненном природе, 15 апреля 1930 года газета сообщала о том, как французские оккупационные части в Сааре (территория с преобладающим немецким населением, оккупированная Францией до 1935 года и поэтому, особенно большая точка для националистических чувств) намеревались вырубить лес, который представлял собой “одну из наибольших лесных областей Германии... и подлинный национальный парк”. Нацисты подобным образом эксплуатировали кампанию против жестокости по отношению к животным. Во время движения за всеохватывающий законопроект о защите животных, который поставил бы вне закона не только вопиющие издевательства над животными, но также большую часть научных испытаний, так же как иудейские ритуальные жертвоприношения, Гитлер провозгласил, что он является решительным врагом жестокости по отношению к животным и что эти практики злоупотреблений будут запрещены в его новой Германии. Конечно, в их публичной агитации нацистские пропагандисты сконцентрировали свои нападения на иудейском ритуальном жертвоприношении. В апреле 1930 года персональный поверенный Гитлера и будущий генерал-губернатор оккупированной Польши доктор Ганс Франк обратился к обществу любителей животных в Мюнхене. Выступая после двух женщин, активисток из Англии и неполитического медицинского эксперта, который отрицал медицинскую ценность испытания на животных, Франк сфокусировался исключительно на утверждениях о негуманности иудейского ритуального жертвоприношения. По его настоянию собрание приняло саркастическую резолюцию, провозглашающую: “придет время освобождения животных от теперешнего преследования отсталыми недочеловеками”.

Дальнейшая оценка позиции нацистов по вопросам окружающей среды во время возвышения этой партии затруднена все-

поглощающим преобладанием экономических забот между 1929 и 1933 годами. Только иногда дело охраны природы протискивалось в дебаты в национальных и государственных законодательных органах. Когда это происходило, оно обычно было окрашено заботой по поводу безработицы, как во время дискуссий о потенциале создания рабочих мест при ассигнованиях на каналы и супершоссе. Если учитывать это ограничение, записи заседаний Рейхстага могут открыть еще одно окно на способы, которыми нацисты заигрывали со сторонниками охраны природы.

В тех редких случаях, когда нацисты говорили о вопросах охраны природы в законодательных органах, их замечания показывали те же штрихи, которые были заметны в “Der völkische Beobachter”, беспричинно выплескивая ксенофобный национализм и антисемитизм.

Сторонники охраны природы среди нацистов

Архитектор, который строил элегантные дома для богатых – Шульце-Наумбург, стал пионером как охраны родины, так и природоохраны. С 1904 по 1914 год он был председателем Германской Лиги защиты Родины. Его популярная книга “Формирование ландшафта человеком” задокументировала в словах и картинах многие жалобы современных ему сторонников охраны природы. Она предлагала подумать об экологической роли лесов и о последствиях шахтной и открытой добычи полезных ископаемых. Он подчеркивал разрушительное состояние водных путей Германии и призывал к всеохватывающему федеральному закону о защите вод. Он даже советовал ввести биологический контроль пестицидов против насекомых, утверждая, что полагаться на отравы эквивалентно вытаскиванию одной неисправной шестерни, не думая о том, что это действие может повредить весь механизм. Несмотря на эти размышления, основной упор книги Шульце-Наумбурга был эстетическим. Основная

масса его жалоб была нацелена на уродливость современного развития, которая проявлялась в рекламных щитах и лишенной искусства архитектуре современных городов и промышленности. Это не был трактат сторонников охраны природы, он не защищал полную охрану природы от культуры, но скорее универсальную гармоничную культуру, которая объединяет утилизацию Земли с уважением к ней.

В этой популярной книге Шульце-Наумбург провозгласил немного из того, что могло бы привязать его к нацизму. Даже третье издание, которое появилось в 1928 году, оставалось невинным с точки зрения нацизма. Единственным намеком на симпатии к фашизму было предложение, которое отвергало “угнетающее распространение международной демократии, которая более не связана с родиной”. И, однако, в то же самое время, когда он опубликовал этот комментарий, Шульце-Наумбург присоединился к группе писателей в Мюнхене, которая включала Розенберга и Дарре. В этой среде Шульце-Наумбург стал одним из основателей и любимым оратором в Воинствующей Лиге за Германскую культуру. Он также помог организовать архитектурное подразделение в этой передовой нацистской организации. В дополнение к этому он предоставил свое гостеприимство Дарре, в то время когда Дарре писал “Новое дворянство из крови и почвы” и в благодарность Дарре посвятил эту книгу Шульце-Наумбургу. В 1930 году Вильгельм Фрик, нацистский министр внутренних дел в Тюрингии, назначил Шульце-Наумбурга директором известной школы искусств в Веймаре. В ноябре этого года Шульце-Наумбург вступил в партию с членским номером 347541. В 1932 году он был избран делегатом от нацистов в Рейхстаг. В этот же самый год он опубликовал “Битву за искусство” в качестве взноса в серию книг от официальной нацистской прессы. В этой народнической тираде Шульце-Наумбург кричал, что расовая чистота является наиболее срочной задачей Отечества. Он осуждал последствия загрязнения, указывая

на современное искусство, жанр, к которому он относился пренебрежительно, как к достойному сожалея продукту “звероподобных недолудей”. В “Искусстве, связанном с расой”, опубликованной двумя годами позже, Шульце-Наумбург предупреждал, что падение древней Греции и Рима было результатом “грехов против крови”. Но из-за недавнего установления расистского режима Германии не о чем беспокоиться. “Расовая наука” стала теперь фундаментом государства. “Устранение менее ценных не является больше непрактичной идеологией, – радовался он, – но скорее оно прочно укоренилось в законодательстве”. И с подобным гитлеровскому предвидением, он предрекал: “Если сильный антагонизм между немцами и евреями в конце концов приведет к катастрофе ... не последний взнос в это внесет ненасытная расовая самоподдержка евреев, которая в конце концов истощит терпение даже самых терпеливых немцев”.

Случай с доктором Евгением Дизелем, соиздателем “Германского обозрения” и автором нескольких книг, может выполнить важную задачу опровержения того положения, что каждый антимодернистский критик современного немецкого общества, по крайней мере тайно, разделял взгляды Шульце-Наумбурга на расу и нацию. Помимо каталогизирования прямого вреда, причиненного природной окружающей среде, в своих различных работах Дизель часто, казалось, разделял положения народнического национализма. Он принял идею о том, что природная окружающая среда выплавляла национальный характер, и он оплакивал современный “триумф машины, организации, официальности над почвой и крестьянином”. Розенберг нашел “Землю германцев” Дизеля идеологически подходящей для включения в его модель библиотеки из 400 названий. И тем не менее по вопросам расы Дизель отделялся от агрессивного национализма. Согласно Дизелю, расы настолько перемешались по всей Европе, что концепция расы стала бесполезной при объяснении национального харак-

тера. С определенной отвагой в своей книге 1944 года он писал, что “сегодня часто можно услышать как именно наиболее отвратительные и наименее благородные люди кричат о расе”. В более ранней книге он подробно отвергал антисемитизм, утверждая, что “по своему менталитету, по своему духу и по своей судьбе немцы и евреи замечательно близко связаны”. С проницательностью намного более острой, чем у большинства так называемых расовых экспертов в нацистской партии, Дизель отмечал, что “нельзя делать обобщений в большей степени о немецких евреях, чем о самих немцах, поскольку имеется почти столько же различных типов одних, как и других”. Тем не менее, Дизель сам обобщал, что “евреи всегда были связаны с Германией особенно близкими, почти братскими связями”, – и он настаивал, что близкая связь между евреями и немцами была ответственна за некоторые из величайших достижений Германии в музыке, поэзии, науке и промышленности. Дизель также нападал на ксенофобный национализм, сказав, что он способствовал “ленивому стремлению масс к самоутверждению”. В мировоззрении Дизеля национальная лояльность должна быть трансформирована и поднята до уровня паневропейской лояльности. С такими взглядами неудивительно, что Дизель никогда не вступил в нацистскую партию. Правительственное расследование 1944 года его политических взглядов показало, что он вел уединенный образ жизни и не показывал явного интереса к текущим событиям. “Но его жена неоднократно и негативно высказывалась по поводу существующей у нас политической системы”, – добавил следователь.

Весной 1933 года во время первых месяцев после прихода нацистов к власти все в немецком обществе подверглось процессу синхронизации с нацистскими идеалами и организационными принципами. Хотя это преобразование сопровождалось значительным уличным насилием и арестом приблизительно 25 000 политических диссидентов, по большей части существовавшие ранее организации, политические и другие

добровольно приспособились к новому режиму, большинству даже удалось продемонстрировать энтузиазм.

Сторонники охраны природы не были исключением в этом. Несмотря на ограниченность нацистской пропаганды, направленной прямо на их интересы, когда нацисты захватили власть, большинство сторонников охраны природы с готовностью равнялись на них. Журнал Лиги Охраны Природы в Баварии заявлял: “Никакое время не было более благоприятным для нашей работы, чем нынешнее под знаменем со свастикой национального правительства”. Направляя свои усилия на грядущее обновление Германии, этот журнал планировал свою задачу как “преобразование любви к природе в великую любовь к нации и Отечеству”. Крича о критически важной связи между народнической охраной природы и кредо национал-социализма, издатели утверждали, что: “Природа определяет расу и все выражение расы. Поэтому природа должна быть сохранена в своем *Eigenart*” (термин для “индивидуальности”, который нацисты использовали, чтобы обозначать национальные черты). Принимая националистическую окраску тех дней, издатели делали вывод: “Немецкий человек – не немец без немецкой природы”.

Ежегодный доклад Лиги Защиты Птиц демонстрировал равный энтузиазм по отношению к новому режиму. Вспоминая слабость начала 1930-х годов, этот листок восклицал: “случилось чудо... Германия объединилась”. После указания на то, как германские корни в “крови и почве” могли бы в скором будущем питать восстановление, памфлет делал вывод: “Мы радостно стоим за фюрером, давая обет использовать всю нашу силу ради высокой цели”. Последовательно в течение 1930-х годов ежегодные доклады этой организации отмечали триумфы Гитлера: сокращение безработицы, перевооружение, повторный захват Саара, аншлюс с Австрией и другие события, которые не имеют ничего общего с охраной природы.

Нацистская тирания ожидала большего от групп и индивидуумов, чем простые дек-

ларации поддержки. Она требовала включения принципов национал-социализма в их речи, книги и организационную структуру. В этой новой атмосфере тоталитаризма многие сторонники охраны природы присоединились к хору, воспевающем Гитлера. Дело доктора Конрада Гюнтера, автора дюжины книг по охране природы и члена как Общества природных парков, так и Лиги Защиты Птиц, иллюстрирует эту разительную метаморфозу. В 1918 году он подчеркивал, что природоохрана была национальным обязательством, обязательством, выполнение которого должно было напоминать людям об их общей человечности. Несколькими годами спустя его опубликованные рациональные обоснования уважения к природе включали восторженные ссылки на индийскую философию. А его отчет 1927 года о его путешествиях в Бразилии не показывал ничего, кроме уважения к местным краснокожим и чернокожим жителям. В самом деле, в то время Гюнтер поддерживал политику поддержки смешанных браков, проводимую бразильскими властями. Но после января 1933 года Гюнтер морально и интеллектуально капитулировал перед Третьим рейхом. Он теперь считал замечательным руководство фюрера, восхвалял мудрость правительства, которое сконцентрировало всю власть у одного человека. Он повторял бессмысленную болтовню расистов об измерении черепов, и, обладая тренированным взглядом натуралиста, сообщал, что люди с белыми волосами и голубыми глазами испытывают более сильные чувства по отношению к природе, чем другие. И конечно он повторял смутную идею, что охрана природы служит расовой гигиене. Каким-то образом Гюнтер пропустил первую волну записи в партию в 1933 году и, начиная с 1934 года, партия временно прекратила прием в свои члены. Но когда списки были снова открыты в 1937 году, Гюнтер вступил в партию.

Профессор Вальтер Шониген, директор Прусского государственного агентства по охране природы, двигался более поспешно, чтобы вступить в новую правящую пар-

тию. Его стремление к членству в партии было одобрено всего месяц спустя после назначения Гитлера канцлером. Работы Шонигена в 1920-х годах уже демонстрировали народническую риторику о расе и нации, которая так легко сливалась с национал-социализмом. В качестве дополнительной иллюстрации его ревностного патриотизма в 1928 году, когда он принял редакторство важного журнала по охране природы, он немедленно изменил подзаголовок с нейтрального “Журнал по охране природы и связанными с ней вопросами, особенно по охране птиц” на утвердительно немецкое “Ежемесячник для всех друзей немецкой Родины”. Когда новый режим пришел к власти, Шониген поместил на обложке фото пяти молодых и полных энтузиазма последователей Гитлера, изучающих природную тропу в немецкой местности.

Его сопутствующее эссе заимствовало в качестве заголовка угрожающую фразу Гитлера: “немецкий народ должен быть очищен, а немецкая природа?” После нападок на наводнение “негерманской культуры”, которая почти затопила Германию в недавнее время, он восхвалял усилия нацистов, направленные на очищение театра, средств массовой информации, искусства и образования. Затем он признавал три фактора, которые определяют германский национальный характер: расовое наследие, исторический опыт и природное окружение, но из этих трех он признавал безоговорочное преимущество за расой. “Между арийцами и неарийцами, – утверждал он, – существуют фундаментальные непреодолимые различия, как, например, особенно в областях сексуальности, отношения к природе и т. д.”. Он высказывал благодарное восхищение фюрером за то, что тот отодвинул в сторону те расово чуждые элементы, которые старались врыться в нацию.

Шониген также играл заметную роль во включении существующих групп охраны природы под знамя новой нацистской группы Лиги Рейха за Родину, которая была основана в октябре 1933 года. В своих замечаниях на учредительной конференции

Шониген разрабатывал новую идеологию, говоря: “Охрана природы заботится о большем, чем находящиеся под угрозой виды птиц и редких растений, о большем чем дюны, торфяники и леса....Она заботится о людях и здесь у нас о немецких людях”. Он утверждал, что внутри движения за охрану природы это положение неоднократно высказывалось в течение многих лет. Но до 1933 года, согласно Шонигену, слова “народнический” и “национальный” могли произноситься только шепотом, и кто бы ни произносил их, не находил слушателей в официальной Германии до того, как появился фюрер и завоевал все сердца силой своих проповедей: долой либерально-марксистский рационализм, который привел всю нашу культуру на путь, отчужденный от природы.... И назад к древней силе крови и почвы, которая предлагает источник жизни для всего нашего народа.

В своей книге 1934 года “Охрана природы в Третьем рейхе” Шониген ликовал по поводу того, что с основанием Лиги Рейха за Родину фрагментация, делавшая недееспособным более раннее движение в защиту природы была преодолена, теперь он ожидает великих достижений от нацистского режима. В частности, он думал, что Гитлер покончит с преувеличенным уважением к правам собственности, которое разрушило так много проектов охраны природы. Теперь могла бы быть запрещена наружная реклама. Теперь сплошная вырубка и монокультуры в лесу могли бы быть запрещены. Теперь могло бы быть учреждено планирование землепользования для природных окрестностей. Шониген даже ожидал, что нацистский лозунг “Общее благо имеет приоритет перед индивидуальным благом” потребует перехода к возобновляемым ресурсам, так что будущие поколения немцев имели бы необходимые средства для процветания. Шониген ожидал всех этих изменений в рамках нацистского “Народного сообщества”, которое ликвидирует преувеличенный негерманский индивидуализм последних лет и восстановит первозданное эмоциональное и мистичес-

кое мировоззрение чистой арийской расы. Согласно Шонигену, глубокая связь с природой была характерна для этого арийского мировоззрения. “Не больше залы, не храмы, – писал он, – а скорее святой вереск был местом для наших праотцов, где с торжественным чувством они воспринимали близость божества”.

После захвата нацистами власти большинство авторов восхваляло новый режим в своих работах. В своей книге экономический географ профессор доктор Эдвин Фелс счел благоразумным включить целую главу, отражающую нацистскую линию в области культуры и расы. В других книгах небольшое количество слов приветствия Гитлеру во введении и в заключении были только единственными видимыми свидетельствами нового порядка в Германии. Понятно, что некоторые из этих комментариев писались просто для профформы, также как некоторые из чествований Гитлера на конгрессах по охране природы. Но параллельно с полным энтузиазма шумом влиятельных лидеров, подобных Шульце-Наумбургу, Гюнтеру, Шонигену и Линднеру, эти вялые комментарии усиливали впечатление, что немецкие сторонники охраны природы были единодушны в своей поддержке третьего рейха.

Обращение нацистов с клубами охраны природы

Обращаясь к судьбам склонных к левизне групп охраны природы, дело “Друзей природы”, этой лиги любителей природы низших классов, слабо связанных с социалистами, освещает несчастную судьбу так называемых марксистских групп охраны природы при гитлеровском правлении. Манифест 1932 года “Друзей природы” перечислил их цели следующим образом: распространять сознание красоты природы, пробудить любовь к природе, распространять знания о народных традициях и обычаях, поддерживать природоохрану и укреплять здоровье, особенно у молодых людей, при помощи программ пеших походов.

Хотя формально они были независимы от всех политических партий, “Друзья природы” рекрутировали своих последователей почти исключительно из городского пролетариата, и таким образом членами лиги были обычно или социалисты, или коммунисты. Ко времени прихода Гитлера к власти “Друзья природы” построили 229 сельских домиков для своих членов по всей Великой Германии и количество членов лиги выросло до более чем 100 000.

29 марта 1933 года, на основании чрезвычайных антимарксистских постановлений, правительственные власти распустили “Друзей природы” и конфисковали всю собственность лиги. Последовавшие патетические письма руководителей группы сохранились, документируя то, как они пытались выскользнуть из-под запрета. 11 апреля служащие национальной организации сообщили о резолюции своей группы, провозглашавшей поддержку “Народу, и государству и нации”. 9 мая они с гордостью сообщили, что их группа преодолела произвольные границы “Версальского диктата”, объединяя немцев в Австрии, Швейцарии, Шлезвиге, Богемии, Польше и Германии. Они также вспоминали, как члены их группы сражались и погибали в Первой Мировой войне, и они подчеркивали, что в их группу входили немецкие “Народные товарищи”, которые поддерживали защиту Родины, чтобы сохранить “германскую сущность”. Думая сохранить себя путем отмежевания от коммунистов, они вспоминали, как их клуб был целью “фанатичных нападок коммунистов, которые хотели использовать группу для своих темных целей”. Они сообщали, что каждая нападка большевиков твердо отражалась, добавляя, что в 1933 году около пятидесяти местных отделений были исключены за коммунистические тенденции. Председатель группы в Людвигсхафене использовал подобный подход, умоляя власти сохранить их клуб, потому что он не был “ни марксистской, ни еврейской организацией”.

Низкопоклонство ничего не принесло. Власти повторно утвердили порядок рос-

пуска и конфискацию собственности, которая включала денежные средства в четверть миллиона марок и 229 домиков. В течение следующих нескольких лет солидные здания “Друзей Природы” пришли в состояние заброшенности, в то время как громоздкая нацистская бюрократия откладывала со дня на день вопрос о праве распоряжаться ими. В конечном счете их вытребовали кредиторы или они распространялись среди партийных и правительственных ведомств. Согласно информации бюрократов, отвечавших за операцию, доходы, вырученные во время этого процесса, с трудом покрывали причиненные расходы.

Судьба “Друзей природы” напоминает об одной из основных причин, по которым капитулировали некоторые из немецких сторонников охраны природы: запугивание. В конечном итоге нацистский режим контролировал весь аппарат правительства, включая законоисполняющие ведомства. Демонстрируя шокирующую безжалостность и неуважение к бывшим положениям законов, отряды Гитлера подвергали политических оппонентов арестам, публичному битью и даже убийствам. Люди, особенно те, кто находился слева в политическом плане, обоснованно боялись за свою собственную судьбу и за судьбы организаций, которыми они руководили. Этот страх мог парализовать протест.

Но другие соображения также вели к такому отношению соглашательства даже среди левых. Некоторые из сторонников охраны природы очевидно верили, что путем сотрудничества они могут направить новый режим в позитивном направлении, “в направлении, поддерживающем природоохрану и другие похвальные цели”. В ретроспективе эта точка зрения могла показаться безнадежно наивной или даже преднамеренно слепой. Но за восемнадцать месяцев при нацистском режиме, Шониген мог заявить с определенной долей справедливости, что со времени захвата нацистами власти было больше достигнуто в области охраны природы, чем в предыдущем десятилетии.

Послесловие

Подводя итог, можно сказать, что только один вид охраны природы, ее народнические разновидности, сочетались с нацизмом. Выросший из рокового фетиша аграрного романтизма, который так сильно повлиял на немецкую культуру, этот народнический тип природоохраны преобладал в Германии в 1930-х годах. Но другие разновидности движения в защиту природы, например те, которые основывались на научной экологии или пантеизме, сохранились, и у них не было никакой внутренней интеллектуальной связи с нацизмом. Для этих ненароднических видов охраны природы нацизм был в лучшем случае чуждым, а в худшем – враждебным мировоззрением, а ненароднические виды охраны природы были видами, которые процветали в послевоенный период.

Можно также вспомнить, что политические жертвы национал-социализма, особенно социал-демократы, решительно поддерживали меры по охране природы десятилетиями ранее, чем нацисты появились на сцене. Хотя процедурные требования демократии замедляли прогресс защиты окружающей среды при Веймарской респуб-

лике, этот факт не противоречил симпатии к охране окружающей среды в демократических кругах. Напротив, статья 150 Веймарской конституции, длинный список успешных и отмененных законодательных инициатив на государственном и национальном уровне и сильное развитие левых “Друзей природы”, все является напоминанием о том, что различные ненацистские силы всегда поддерживали охрану природы.

Хотя аргументы, приведенные здесь, имели целью сократить вред, причиненный репутации кампании охраны природы ее хорошо заметными связями с нацизмом, остается правдой, что немецкое движение охраны природы потерпело серьезный удар из-за этих связей. После разрушения Третьего рейха сторонники природоохраны сгрудились далеко от центра политической сцены, гадая, как бы им теперь принять “защитную окраску” восстановленной демократии. Как выяснилось, должны были пройти годы, прежде чем смущение от связей с нацистами развеялось и восстановившееся экологическое мировоззрение, нетронутое кровью и почвой, смогло мобилизовать новое поколение энтузиастов защиты окружающей среды.

Спор о национализме, патриотизме и экологии

Продолжая применять усвоенный в прежние времена понятие “интернационального долга” к сегодняшним природоохранным постсоветским реальностям, в рассылках постоянно прослеживается анафема “украинским националистам”. Вместе с религиозно-философскими мудрствованиями о правах дикой природы проводится идея “экологию всех стран, соединяйтесь для спасения земли”, и как следствие – позор националистам, заботящимся толь-

ко о своей реке и ландшафте, обозреваемом из окна. С одной стороны – невозможно в отдельно взятой стране остановить деградацию окружающей среды, с другой – потратить время и усилия на создание экоиностранного, хотя бы в пределах раннее “единой и неделимой”. Между желанием отстоять права дикой природы в мировом масштабе и созданием для этой цели политического инструмента не может (или нет желания) разобраться, почему родной очаг греет только избранных (вернее, самоизбранных)? Почему в вековых странах с поправкой на национальный колорит беды одни и те же – невозможность противосто-

Дискуссия велась в июне – июле 2003 г. по электронным рассылкам “Дискуссия CoЭC” и ENWL, сокращенный вариант.

ять желанию первых, вторых и т. д. лиц “конституционным путем” продолжить свои полномочия?

Беде века – глобализации, кроме противостояния на саммитах, можно и нужно успешно противостоять, обустроив свою родную землю, обеспечив достойную жизнь людей. В сложившихся границах – этой во многом для нас противоречивой и зачастую грустной реальности.

В. Сандул, Украина

* * *

Патриотизм Пришвина – любовь к малой родине с малой буквы – это не сталинский патриотизм, который (Сталин) во фразе Пришвина изменил только одну лишь букву. Впрочем, сомневаюсь, чтобы наши националисты читали или помнили Пришвина (“За волшебным колобком”). “Охранять природу – значит охранять Родину” в Украине снова приобрело именно сталинско-брежневский национал-патриотический смысл.

И если Родине плохо – значит виноваты в этом экологи: слишком много лишних территорий и черноземов назаповедали. Поэтому для наших “националистов” это был моральный подвиг – выступить в защиту Дунайского заповедника. Но с такими героями “в разведку ходить” все-таки нельзя.

А. Левин, Украина

* * *

Национализм, если быть энциклопедично точным – это идеология, основанная на понимании нации как высшей ценности и формы общности. Не могу также согласиться, что, мол, украинцы, (или кто другой), поскольку выросли на своей земле, будут лучше охранять природу, а приезжие, мол, ее только грабят. Это никак социологически не доказанные умозаключения. Я специально занимался этим вопросом, издал даже несколько книг по экологическим традициям – но к такому однозначному выво-

ду не пришел. Да, каждый народ вырабатывает некие экологические традиции, но сейчас их влияние на природоохрану очень незначительно.

Кстати, как историк я могу привести Вам массу примеров, когда защитой природных уголков Украины занимались именно приезжие из России. Конкретный пример – профессор Талиев или генерал Козлов, спасший Асканию.

Что же касается намеков на негативную оценку евреев, то это вообще ни в какие рамки не годится. Кстати, автор гимна Украины Павло Чубинский предлагал всем украинцам жениться на еврейках. Среди пионеров охраны природы Украины также были и евреи, например, профессор Шалыт. Что же касается охраны природы – то эта деятельность, по определению, не может замыкаться в тесных национально-государственных рамках. Подход здесь может быть только международным.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Главная идея любого национализма – самоопределение нации. Этот подход был актуален в то время, когда нация была окружена соседями, готовыми с оружием в руках захватить ее территорию, и таким образом навязать свои правила поведения. Поэтому очень важной ценностью для державника является ГОСУДАРСТВО как институт власти – для упорядочения внутренней жизни и защиты от внешних врагов.

Но сейчас своей основной функции институт государства уже не может выполнять: он при любом правительстве будет защищать интересы не народа, а кланов. Грубо говоря, “враги” не только снаружи, они уже и внутри Украины. Это, кстати, хорошо подтверждается на примере Львовской области: руховские политики также гнобили и народ, и природу, как и заедуны, и эсдеки...

Вот пока “националисты-экологи” будут стоять одновременно на несовместимых позициях, с одной стороны защищая ин-

тересы института власти, с другой – интересы природы (окружающей среды) и отдельных индивидуумов, стратегических побед, движения вперед у них быть не может. “Лебедь, Рак и Щука” тянут воз в разные стороны.

Так и будет тянуться; патриотические силы, с одной стороны, будут принимать отличные экологические законы, а с другой – поддерживать строительство Одесского нефтетерминала, мостов через Хортицу и т. п.

По одному из определений, патриотизм – это любовь к Родине и готовность ее защитить. От кого ее в настоящее время нужно защищать? В первую очередь, от своего же института государства...

С. Шапаренко, Украина

* * *

Поскольку в биосфере все связано, грамотный эколог просто не может быть националистом. Мне, например, одинаково больно и за Беловежскую пушчу, и за Дунайский заповедник, и за горящие американские леса, и за соседний Арал. Но, разумеется, у меня больше возможности повлиять на ситуацию в Туркмении, нежели в Украине; а у вас – наоборот. И если мы будем жить по принципу “Мыслить глобально, действовать локально”, то не потребуются никаких разборок на тему национализма и интернационализма, пришлых и коренных этносов и так далее. Все мы – представители одного вида, причем очень несовершенного с эволюционной точки зрения. Вот над этим и надо работать, если хотим выжить.

А. Затока, Туркмения

* * *

Только массовое общегражданское движение, в котором зеленые играют существенную роль в формировании идеологии, способно подвинуть наши страны к решению экологических проблем. (Но зеленые устранились от участия в идеологической работе, их интересуют только локальные

природоохранные акции.) И это движение может победить только в том случае, если будет опираться на здоровые национальные чувства, на здоровый национализм, подразумевающий гордость своим народом, желание блага ему, но не в ущерб другим народам. А когда в ущерб другим народам, принято называть это нацизмом, расизмом, национал-шовинизмом, фашизмом. Да, эта мерзость вырастает иногда из национализма, когда им утрачивается здравый смысл. Но точно также космополитизм, интернационализм и либерализм легко порождают фашизм, когда здравый смысл исчезает из них. Вспомните хотя бы, сколько фашистских, диктаторских режимов породили и США, и СССР, оплоты либерализма, интернационализма, космополитизма.

Здоровый национализм разных народов является хорошей основой для создания общегражданского движения, в котором находят отражения чаяния и особенности образа жизни каждого народа. Только понимая и принимая ценности и культуру собственного народа, можно научиться уважать культуру и ценности других народов. Иначе союз народов не будет прочным. Если говорить о России, то одной из основных причин всех ее проблем, включая экологическую, является упадок духа и ценностей русского народа, утрата самосознания, способности к самоидентификации, полный и длительный отказ от какого-либо национализма. У многих других народов России положение гораздо лучшее, но они не смогут выбраться из той общей ямы, куда мы угостили, пока русские люди не вернут себе самоуважение и достоинство

Любомир, Россия

* * *

По-моему, как бы ни любил человек свой народ и свою родную природу, пренебрежительное и враждебное отношение к другим народам, конфессиям, культурам свидетельствует, прежде всего, о крайней незрелости его собственной личности, ее духовном и культурном убожестве.

Позвольте усомниться в том, что такой

вообще в состоянии успешно руководить людьми или быть координатором программ, ОСОБЕННО если речь идет об охране природы, территориальном развитии и построении гражданского общества. Все это безмерно сложные междисциплинарные задачи, где требуется системное видение ситуации, учет глобального контекста, терпимость к инакомыслию, умение улаживать конфликты и постоянное взаимодействие с представителями разных секторов общества, выразителями (часто лишь внешне) непримиримых интересов, взглядов, позиций, разнопредметными специалистами, разговаривающими на разных языках.

Узко националистически мыслящий экологист по большому счету нонсенс. И от деятельности его следует ждать скорее вреда, чем пользы. И не в последнюю очередь – для его же родного края.

А. Кожара, Россия

* * *

Патриотизм – это любовь к своей Родине. При проведении экологического воспитания на этом базируется краеведение. В большинстве случаев для детей краеведение – это единственный вариант эмоционально-этического направления экологического воспитания, так как научно-экологический вариант, чаще всего, не создает у детей потребности в сохранении природы.

Обычно любовь к природе удается прививать на конкретных примерах очень ограниченной территории – так называемой, малой родины – вблизи места проживания конкретного человека. Нередко на большее уже и замахиваться не приходится.

А вот национализм, в отличие от патриотизма, предполагает не только любовь к своей родине, но и нелюбовь к чужим родинам. Вот с этого момента возникает опасность.

В Питере мне известно всего несколько экологов, которые имеют националистические убеждения. Но эти убеждения не мешают им заниматься охраной природы. Но они их особо не афишируют.

А вот среди тех, кто активно публично выступал по поводу экологии с позиции фашизма или нацизма – сплошь оказались микрантами. Юрий Беляев из “партии Свободы” – преемницы Национал-социальной партии (аналог национал-социалистов Германии), создавший группировку “гринскин” (зеленые скинхеды) – тоже многие слышали. Питерская неоязыческая группировка “Солнцеворот”, по идее, могла бы заниматься природоохранным воспитанием с тех благодатных позиций, которое дает язычество. Однако они скатились на позиции махрового неонацизма и криминала, создав крупнейшую в Питере военизированную группировку скинхедов. А экологию они вспоминают только тогда, когда начинают пропагандировать идею телегении – передачу наследственности неким информационным полем, обосновывающим запрет на межрасовые браки. В 1998 году их попытки участвовать в природоохранных мероприятиях ограничились задержанием негров с елками. Разумеется, возможна миграция патриотизма в экстермизм (об обратном варианте я не слышал), но с этим придется смириться. Сам патриотизм слишком важен для формирования первичной мотивации сохранения природы, чтобы от него отказываться.

В. Гуцин, Россия

* * *

Хотелось бы взглянуть на эконационализм и эконатриотизм с точки зрения экологической этики. Дело в том, что эконационализм и эконатриотизм рассматривают природу не как самоценность, имеющую свои интересы, цель, внутреннюю ценность, права, а только как средство для достижения целей человека, нации, родины, государства. По сути, эконационализм и эконатриотизм – это всего лишь разновидности антропоцентризма – главного виновника сегодняшнего экологического кризиса. Природа приравнена антропоцентризмом к ресурсу, вещи, уличной девке, которую каждый может попользоваться для сво-

ей потребности. Например, способствует природе здоровью нации – значит природу надо охранять. Не способствует – можно не охранять, а то и переделывать придется. Более того, цели человека, нации, родины и государства – не всегда могут совпадать с целями защиты природы. По тем или иным причинам нация, например, древние греки, может желать уничтожения дикой природы. Государство, ради экономического процветания, может захотеть построить канал через заповедник, Дунайский, например, или разрешить ввоз на свою территорию ядерных отходов для переработки. Как в России. Или вообще расформировать экологическую службу.

Отсюда вывод – эконационалистические и эконатриотические мотивации в охране природы могут использоваться, но очень осторожно, они не должны быть определяющими.

Вл. Борейко, Украина

* * *

В силу множества обстоятельств так уж исторически сложилось, что патриотическое воспитание в славянской части СССР играло большую роль, чем экологическое воспитание. И экологическое воспитание обычно давалось как часть этого патриотического, если не считать, конечно, тех разделов экологии, которые назывались “экологией”, но никто их таковыми не воспринимал.

Сейчас ситуация не та, чтобы ломать это. При любом экономическом кризисе экология уходит на второй план. Поэтому остается использовать то, что есть: экология как часть патриотизма.

Если этого не делать, то тему патриотизма оседлают продажные подонки. За примером далеко ходить не надо. Недавно в одной наци-патриотической газетенке

описывалось, как продажные экологи-цэрэушники целенаправленно препятствуют восстановлению русской промышленности, для чего срывают строительство Всеволожского алюминиевого завода. Напомню, что во Всеволожке – одном из городов-спутников Питера – восстало местное население, не пожелавшее добровольно помириться от кислотно-фторидных выбросов. И русский предприниматель Сабодаш организовал истерическую анитиэкологическую кампанию в прессе. Однако самой продажной в плане черного пиара оказалась пресса “наци-патриотическая” (от патриотов-державников и национал-большевиков).

Мне постоянно приходится читать такую фашистско-патриотическую ересь, так как наш отдел готовит ежемесячный доклад для правительства Санкт-Петербурга по нарушениям в СМИ закона об экстремизме. Так вот в этой, с позволения сказать фашистско-патриотической “прессе”, чаще всего имеются либо абстрактные слащаво-слоноточивые статьи о русской природе, но как только речь заходит о конкретных местах, где возникают конфликты хозяйственного характера, там уже появляются исключительные приоритеты промышленности-типа Всеволожского алюминиевого завода.

Временами возникает ощущение, что какие-то проходимцы попытались за столбить за собой брэнд “патриоты”, а затем начали торговать им направо и налево, а еще чаще – вкривь да вкось – кто больше заплатит. У экологов денег нет – значит будут на стороне промышленников. Благо у тех деньги имеются, и много!

Так что не вижу причин, чтобы оставлять этим самозванцам брэнд “патриоты”, который ранее верой и правдой служил делу охраны природы.

В. Гуцин, Россия

Критика экономики с позиции экологической этики

Стивен Келман

На самом широком и “смутном” уровне анализ “затрат-выгод” может восприниматься как системное мышление, касающееся принятия решений. Есть ли такой человек, спрашивают иногда экономисты, который не желает мыслить в “системном” духе о последствиях различных вариантов своих поступков? Наверное есть, скажете вы, и альтернативой для этого человека будет принятие решений без предварительного изучения.

Но определяющий анализ “затрат-выгод” предпочитает действительное регулирующее принятие решений. Возможно, у инициаторов, побуждающих к использованию этой методики, на вооружении имеется более обширное предписание. Я допускаю, что их предписания включают следующие пункты:

1. Имеется тенденция не предпринимать действие, если их выгоды не превышают затрат.

2. Для определения того, является ли выгода по сравнению с затратами большей, желательно выражать все выгоды и затраты в общей шкале или знаменателе, чтобы их можно было сравнивать друг с другом, даже если у них нет рыночной стоимости и поэтому нет долларовой оценки.

3. Для тех, кто принимает решения, использование методики “затрат-выгод” достаточно важно для оправдания усилий, необходимых для сбора информации для улучшенной оценки “затрат-выгод” и действий, требуемых для придания приоритета какому-то одному поступку.

Я сфокусировал внимание анализа “затрат-выгод” в контексте экологии, безопасности и здоровья. Я исследую каждое из

вышеизложенных предложений с перспективы формальной этической теории, то есть пытаюсь разобраться, какие действия будут морально правильными предпринять. Мои заключения будут следующими:

1. В области экологии, безопасности и здоровья многие решения могут быть правильными, даже если их выгоды не превышают затрат.

2. Имеются основания воспрепятствовать попыткам оценивать долларовой стоимостью нерыночные затраты и выгоды.

3. Учитывая то, что в областях экологии, безопасности и здоровья часто правило превышения выгоды над затратами не является приоритетным, и учитывая нежелательность денежного выражения рыночных выгоды и затрат, что является необходимым для анализа выгод-затрат, будет неоправданным направлять главные силы на сбор информации для расчетов выгод-затрат или предпринимать усилия по “распространению веры” анализа затрат-выгод дальше.

1

Как мы решаем, является ли данный поступок правильным или неправильным, и отсюда предпринимать его или отказываемся от него, при условии, конечно, что мы желаем действовать морально? Подобно мольеровскому герою, говорившему прозой и даже не знавшему этого, экономисты, пропагандирующие применение анализа затрат-выгод для общественных решений, являются философами, не знающими этого: ответ, предлагаемый анализом затрат-выгод – предпринимать действия такие, чтобы это привело к увеличению максимально чистой выгоды – представляет собой один из классических ответов моральных философов, обычно это были утилитаристы. Для определения правильности или неправильности действия утилитарист взвешивает все позитивные последствия с точ-

ки зрения человеческого удовлетворения. При данных обстоятельствах поступок, который способствует максимальному удовлетворению, будет являться правильным. То, что ответы экономистов и философов одной из школ совпадают, не должно удивить. Прежде экономика была одной из ветвей моральной философии и лишь позже стала независимой дисциплиной.

Перед тем, как продолжить, следует отметить тонкости утилитарной позиции. Позитивные и негативные последствия действия ради удовлетворения могут быть намного большими, чем непосредственные его результаты. Легкая версия утилитаризма морально одобрила бы, например, ложь, если удовлетворение индивидуала, достигнутое при помощи лжи, было бы больше, чем страдание жертвы лжи. Но с этим согласилось бы немного утилитаристов. К списку негативных последствий они добавили бы то, что человек, солгавший раз, будет делать это и в будущем, даже при получении меньшего удовлетворения для себя и большего вреда другим. Они также указали бы на социальную полезность говорить правду. К тому же, в самом лгущем появляется чувство того, что он неправильно поступает, что с позиции утилитаризма также нежелательно. В соответствии с этими взглядами, среди позитивных последствий, принимаемых в расчет утилитаристами, является удовлетворение, вызванное тем, что говорящий правду “поступает правильно”. Однако этот взгляд ошибочен, так как согласно ему именно расчет должен определять, что говорить правду в конкретном вопросе будет правильным поступком.

Экономисты, правда, на это скажут, что все чувства и переживания должны быть включены в расчет “затрат-выгод”, в том числе чувство неудовлетворения при неправильном поступке. Действительно, расчеты “расходов-выгод” экономистов должны включать, по крайней мере в идеале, такие чувства. Однако, давайте рассмотрим разницу между расчетами “выгод-затрат” экономистов и философов. Экономист может включить чувства неудовлетворения в свой

расчет, но что он ответит, если его спросить: “Почему будет правильным оценивать действия на основе расчета затрат-выгод?” Если ответ на этот вопрос дадут (что обычно не волнует экономистов, но волнует философов и нас с вами, кому нужно, чтобы его убедили в том, что анализ затрат-выгод правилен), то тогда возникает проблема замкнутого круга. И также возникает другая трудность с подсчетами количества чувств неудовлетворения от неправильного поступка при расчете затрат-выгод. Это приводит к извращенному результату, что, например, ложь при определенных обстоятельствах может быть морально правильна, если индивидуал не чувствует угрызения совести, солгав, и морально неправильна, если индивидуал чувствует такие угрызения!

Эта ошибка, однако, проявляется, так как она начинает способствовать критике утилитаризма. Утилитаризм – это важная и мощная моральная доктрина. Но среди моральных философов ее придерживается меньшинство. Удивительно, как экономисты могут так единогласно одобрить анализ выгод-затрат, ведь их концептуальная структура противоречит дисциплине, откуда она произошла – моральной философии.

Давайте изучим критику утилитаризма. Логическая ошибка, обсуждаемая ранее, свидетельствует, что понятие о том, какие поступки правильные и какие – нет, у нас имеется еще до подсчета затрат и выгод. Представим себе случай со старым человеком в нацистской Германии, который к режиму относится враждебно. Он не знает, следует ли ему выступать открыто против Гитлера. Если он сделает это, то он потеряет свою пенсию. И его действия не увеличат шансы того, что режим нацистов падет: окружающие считают его эксцентриком, и никто не спрашивает его мнения о политике. Задание этого упражнения заключается в определении того, будет правильным или неправильным в данных условиях высказаться, поэтому мы не можем добавить к выгодам высказывания любое удовлетворение от “правильности” дей-

ствия. Каким образом происходил бы подсчет утилитариста? Выгода от высказывания старика была бы нулевой, раз в результате он потерял бы пенсию. Поэтому затраты акции превысили бы выгоду. По утилитаристскому подсчету затрат и выгод, высказываться для старика было бы морально неправильным. Для тех, кто считает, что для старика высказываться не было бы морально неправильным, утилитаризм, как моральное воззрение, будет недостаточен. Мы верим, что некоторые поступки, чьи затраты больше, чем выгоды, могут быть морально правильными и, наоборот, некоторые поступки, чьи выгоды больше затрат, могут быть морально неправильными.

В дополнение к вопросам, включающим обязанности и права, существует также ряд вопросов финансового характера, где, по моему, вопросу о том, превышают ли выгоды затраты, не следует влиять на моральное суждение. Прежде я отмечал, что для обычных вопросов, стоящих перед индивидуалами и обществом, будет возможным начать и закончить наше суждение просто определением того, превысят ли выгоды конкретного действия его затраты. Это означает, что единственным способом показать большую важность или ценность чего-то, будет сказать, что решение по этому вопросу не должно определяться расчетом затрат-выгод. Это, я думаю, касается взгляда, которого придерживаются многие экологи в отношении решений по природной окружающей среде. Когда чиновники решают, какой уровень загрязнения повредит определенным категориям людей – астматикам или пожилым, и в то же время будет безвредным для других, то одним из вопросов может быть право тех людей не быть отданным в жертву ради более высокого уровня жизни всех остальных. Но многие экологи боятся, что отдавая право окончательного решения в вопросах о чистом воздухе и воде тестам затрат-выгод, мы лишаем их качества вещей, оцениваемых по-особенному.

II

Для того, чтобы расчеты затрат-выгод происходили в должном порядке, все зат-

раты и выгоды должны быть выражены общим мериллом, обычно в долларах, причём сюда включено и то, что нельзя обычно купить и продать на рынке и к которым долларовую цену подобрать нельзя. Наиболее драматическим примером таких вещей является человеческая жизнь; но и многие другие выгоды, достигаемые в результате экологической политики, такие как мир и спокойствие, свежий воздух, чистые реки, зрелищные пейзажи, также не могут быть представлены на рынке в качестве товара.

Экономисты, делающие анализ выгод-затрат, полагают, что поиск долларовой выгоды в “нерыночных” вещах очень непростое дело, но, тем не менее, делают они это с особым смаком. Они разработали методы, по которым люди согласны платить за такие вещи; обычно они стараются увязать рыночные товары с вещами нерыночными. Поэтому свежий воздух не является рыночным товаром, но дома в различных частях Лос-Анжелеса с различным уровнем смога таковыми являются. Тишина и спокойствие – нерыночный товар, но дома поблизости и вдали от аэродромных площадок – рыночный товар. Риск смерти измерить нельзя, но работы с различными уровнями риска – можно. Экономисты проявляют немало изобретательности при попытках перенести долларовые цены на нерыночные товары, оценивая выше недвижимость с чистым воздухом, чем недвижимость в загрязнённых районах, или работу, связанную с риском, чем работу неопасную.

Но эти изобретательные усилия подвержены критике по целому ряду технических причин. Очень трудно оценить качество нерыночных вещей, единственным критерием может быть лишь ее присутствие или отсутствие. Ещё более важно то, что в нашем мире, где люди имеют различные предпочтения и подвержены различным сдерживающим факторам при осуществлении выбора, долларовая цена, придаваемая нерыночным вещам, которые большинство людей хотели бы избежать, будет ниже, чем в тех случаях, когда на эти вещи будет спрос, потому что люди, не сопротивляющиеся этим вещам, или не имеющие вы-

бора, захотят приобрести рыночный товар в нежелательном месте с меньшей скидкой, чем другие люди. Поэтому представлять скидку на стоимость собственности вблизи аэродрома, как мерило желаний людей платить за тишину, значит сделать полномочными представителями всего населения тех, кто нечувствителен к шуму самолетов, или служащих аэропортов, для которых ценно близкое расположение работы, или просто поддавшихся заверениям агентов по продаже, что “это не так уж и плохо”. Использовать же денежные прибавки, соответствующие опасной работе, как меру ценности жизни, будет означать, что от лица всех людей будут говорить лишь те, у кого не было большого выбора или кому это просто нравится.

Второй проблемой будет то, что попытки экономистов мерить людские желания платить за нерыночные вещи, заставляют полагать, что нет разницы между ценой, которую индивидуал потребует за свой отказ от того, на что у него уже было право, и ценой, которую он должен заплатить для приобретения того, на что у него нет права. Таким образом, анализ не видит разницы между количеством денег, которые нужно заплатить владельцу дома, чтобы он отказался от ничем не заслоняемого зрелищного вида гор и которым он уже наслаждается, и тем, сколько он будет готов заплатить, чтобы убрать препятствие, заслоняющее вид гор. Имеющиеся примеры свидетельствуют, что большинство людей согласились бы с тем, чтобы им заплатили за ухудшившуюся для них ситуацию, а не с оплатой самим для улучшения этой ситуации. Такое положение является следствием таких факторов, как наша привычка и психологическая привязанность к тому, чем якобы наслаждаются по праву. Но это создает проблему замкнутого круга при любой попытке использования анализа выгоды-затраты, когда мы будем определять, например, стоит ли давать владельцу дома право на беспрепятственный горный вид. Готовность же платить будет различной, в зависимости от того, является ли даваемое право первоначальным. Поэтому, сперва нуж-

но сделать ценностную оценку того, стоит ли давать такое право. Для того, чтобы установить верхний предел на ценность выгоды, можно гипотетически дать индивидуалу право и затем определить, сколько пришлось бы заплатить, чтобы он от него отказался.

Третья проблема заключается в том, что усилия экономистов в их приписывании всем желания платить, приводят к изменению отношения к рыночным вещам в процессе частных сделок. Те, кто использует цифры, полученные в результате таких анализов, для обеспечения руководства к общественным решениям, не допускают разницы между тем, как люди ценят некоторые вещи в частных сделках и тем, как они хотели бы видеть те же самые вещи оцененными общественными коллективными решениями. При этом экономисты незаметно вставляют в свой анализ важное и противоречивое оценочное суждение, вытекающее из крайне индивидуалистской микроэкономической традиции, а именно, того взгляда, что не должно быть разницы между частным поведением и поведением, проявляемым в общественной жизни. Альтернативным взглядом будет тот, что пользуется большей популярностью среди граждан – то, что при социальных общественных решениях некоторые вещи могут быть оценены выше, чем при частных делах.

Таким образом, оппоненты жесткого регулирования риска для жизни и здоровья часто утверждают, что нашим ежедневным рискованным поведением мы показываем, что мы не очень-то ценим жизнь. И поэтому наши общественные решения не должны отражать очень высокую ценность жизни, предлагаемую сторонниками жесткого регулирования. Однако альтернативный взгляд в равной степени вероятен. Именно потому, что мы не можем по разным причинам придать в наших повседневных личных решениях нашей жизни ценность, которую, как мы полагаем, нам следует придать, то мы можем желать, чтобы наши социальные решения способствовали проявлению уважения к жизни, которое мы

одобряем, но не всегда показываем. Согласно этому взгляду, у людей нет твердых, недвусмысленных предпочтений, которые они выражают своим частным поведением, и которые, поэтому, должны быть выражены общественными решениями. Скорее, у людей может быть то, что они сами рассматривают, как “более важные” и “менее важные” предпочтения. Последние могут выйти на передний план при частных решениях, но люди могут пожелать, чтобы первые вышли на передний план в общественных решениях. Иногда они могут проявить расистское предубеждение, но поддерживать законы, направленные против дискриминации. Они могут купить какой-то товар, поддавшись соблазнительной рекламе, но скептически относиться к тому, что правительство закрывает глаза на эту рекламу. В подобных случаях использование частного поведения для выражения ценностей, что должно проявиться в общественных решениях, как это сделано при использовании готовности платить в частных сделках, сильно противоречит взгляду на поведение граждан, глубоко укоренившемуся в наших демократических традициях. Согласно этому взгляду, политика не должна играть независимую роль в обществе и в своих действиях ей следует отталкиваться от частного поведения.

Наконец, можно воспротивиться попытке назначить цену на нерыночную вещь и запустить ее на рынок из опасения, что сам факт этого уменьшит “настоящую” ценность вещи. Другими словами, назначение цены на выгоду может уменьшать ценность этой выгоды. Поэтому анализ выгод-затрат можно уподобить термометру, который, если его положить в жидкость, чтобы измерить ее температуру, сам меняет температуру жидкости.

Примеры того, как мы удешевляем ценность вещи самим фактом ее купли-продажи, изобилуют в нашей жизни. Отвращение к идее покупки и продажи людей основано на опасении, что это драматически понизит нашу ценность. Выражение вроде “он продан с потрохами” отражает тот взгляд,

что некоторые вещи не следует продавать, потому что это уменьшает их ценность. Ценность того, что куплено, уже не такая большая, даже для того, кто купил это. Рассказывают анекдот об экономисте, перешедшем работать в другое учреждение и пожаловавшегося на то, что у него нет друзей. Лаконичным ответом одного из его коллег было: “Если тебе нужен друг, почему бы тебе не купить его”. В этом анекдоте отражен тот взгляд, что для некоторых вещей сам факт придания им цены уже будет уменьшать их подлинную ценность.

Первой причиной того, что придание чему-то цены уменьшает ее подлинную ценность, будет то, что нерыночные отношения ассоциируются с производством некоторых ценностей, которые не имеют отношения к рынку. Этими ценностями могут быть непосредственность и различные другие чувства, которыми пронизаны личные человеческие отношения. Если вещь станет меньше ассоциироваться с производством позитивно оцененных чувств из-за рыночных отношений, то подлинная ценность этой вещи будет падать до уровня, позволяемого этими чувствами. Это можно проследить в случаях, когда вещь может быть задействована при помощи как рыночных, так и нерыночных механизмов. Желание платить за секс с проституткой будет меньше, чем подлинная стоимость секса с любимой женщиной. (Представьте себе практика, аналитика “затрат-выгод”, подсчитывающего выгоды от секса, основанного на стоимости услуг проститутки). Более того, если кто-то будет ценить существование нерыночного сектора из-за того, что он производит определенные ценные чувства, тогда он будет приписывать добавочную ценность любой нерыночной вещи лишь потому, что она является “вместилищем” ценностей, представляемых нерыночным сектором и которые оценивающий их желает сохранить. Это особенно верно по отношению к вещам в природе, таким как дремучие леса или необузданные реки. Для многих ценящих их людей какая-то часть их ценности истекает из качества “вместилищ”

ценностей, представляемых нерыночным сектором.

Вторым способом уменьшения подлинной стоимости вещи из-за придания ей рыночной цены будет устранение возможности объявления того, что вещь “не для продажи”, тогда как вещи на рынке существуют как раз “для продажи”. Само утверждение, что нечто “не для продажи”, подтверждает, усиливает и защищает во многом ценность вещи. Во-первых, это утверждение показывает, что вещь ценится ради нее самой, в то время когда продажа вещи за деньги демонстрирует то, что она ценна только с точки зрения ее полезности. Более того, сообщение, что вещь “не для продажи”, помещает ее в особую категорию – когда человек заинтересован в ее приобретении, он должен представить взамен что-то иное, тоже особого рода, а не просто предложить деньги. Это усиливает ее ценность. Если я говорю кому-то, что он хороший человек только потому, что он платит мне за это, то моя похвала при этом способствует потере ценности этого качества у этого человека.

Если мы решим, что мы очень ценим какую-то вещь, одним из способов подтверждения ее высокой ценности будет объявление того, что она “не для продажи”. Однако такое заявление играет большую роль, чем просто отражает существовавшую всегда высокую ценность конкретной вещи. Оно свидетельствует об исключительной ценности этой вещи для других и помогает нам уговорить их ценить ее больше, чем они могли бы. Оно также выражает нашу решимость сохранить эту исключительную ценность. Утверждение того, что вещь “не для продажи”, является, таким образом, также дополнительным источником ценности для этой вещи, так как если ценность вещи легко подтвердить или защитить, то она будет стоить больше, чем подобная вещь без такого заявления.

Если мы объявляем, что что-то “не для продажи”, мы заявляем этим раз и навсегда об особой ценности этого. Когда же что-либо оценивается в денежном эквиваленте, то вопрос о ее подлинной ценности по-

стоянно возникает, как бы приглашая к пересмотру первоначального суждения. Когда люди постоянно сталкиваются с вопросами типа “сколько денег ты бы пожелал за отказ от своего права свободной речи?”, или “сколько бы ты запросил за свой голос на выборах?”, то подлинная ценность свободы речи или права голосовать могла бы девальвировать, и люди в момент слабости, например, говорили бы, что они, может, и не стоят так много. Желательно было бы вообще не доводить до положения, при котором подобные вопросы задаются. Нечто подобное на деле случилось, когда во время холодной войны некоторые пацифисты провозгласили, что “лучше быть красным, чем мертвым”. Критики этого указали, что уже сама постановка вопроса или выбора на деле означала “согласились ли бы вы отказаться от вашей жизни в обмен на то, что вы не будете жить при коммунистическом режиме”, уменьшала ценность людей, любящих свободу и, таким образом, уменьшала сопротивление нападкам на свободу. Наконец, в некоторых вещах, очень высоко ценимых, говорят, что они “бесценны”, или что они имеют “бесконечную ценность”. Такие выражения применяют в отношении вещей “не для продажи” – таких как жизнь или здоровье. Экономисты обычно высмеивают подобные разговоры о бесценности. Для них бесценность вещи заключается в том, что ее можно обменять на бесконечное число других вещей, такая ситуация, конечно же, эмпирически невозможна. Для большинства же людей слово “бесценные” полно другого смысла. Его функции, подтверждающие и защищающие ценность, не могут быть в полной мере отражены выражениями, которые пусть и высоко, но все же определяют и тем самым ограничивают ценность вещи. Д. Кеннеди в своем обращении при вступлении в должность президента сказал, что страна была готова “заплатить любую цену и нести любую ношу, чтобы обеспечить выживание и успех свободы”. Скажи он вместо этого, что они готовы заплатить “высокую цену” или “нести большую ношу” ради свободы, то заявление прозвучало бы вхолостую.

Спор об экономике и экологии

Человечество переживает какую-то особую, звериную стадию антропоцентризма. Нынешняя система рассматривает не только природу, но и человека не как цель, а как ресурс, как средство. Причем, главным считаются не права человека, его жизнь и свобода, а деньги, власть и средства производства. Причем, как при коммунизме, социализме, так и при капитализме. Прискорбно, но распространение рыночных ценностей ведет нас к катастрофе. Лично меня корбит, когда ценность видов или экосистем пытаются подсчитать только экономическим путем. Мне кажется, что мы, экологи, проиграем вчистую, если будем играть на чужом поле и по чужим правилам.

Вл. Борейко, Украина

* * *

В экономике все предметы и явления (объекты), находящиеся в пользовании, имеют определенную ценность/стоимость, выраженную в деньгах. В большинстве своем сумма ценности не является абсолютно точной, поскольку она зависит от многих факторов и может часто изменяться, дешеветь или дорожать. Помимо этого, стоимость должна быть достигаемой, т. е. такой, благодаря которой в случае нанесения ущерба одному предмету/явлению, можно было бы с различной степенью точности заменить этот поврежденный объект на другой, более-менее равноценный. Этим в экономике достигается сохранение экономического равновесия, точно также как в экологии достигается экологическое равновесие (в экологии, например, лиственные леса приходят на место хвойных после вырубки последних, смена биоценозов).

Обычно экономическая ценность скла-

дывается из других ценностей, поскольку экономическая ценность в экономике является конечной и поэтому собирательной, т. е. включающей в нее экологическую, социальную, культурную и др. ценности. Если вот эти составные ценности не учитывать или учитывать недостаточно, то и возникает видимость того, что используется грубый (от неумелости и близорукости в получении постоянной и долгосрочной, но что важнее – сбалансированной /многоотраслевой прибили) экономический подход.

А. Тентюков, Эстония

* * *

Мне кажется, что принципиальный недостаток экономического подхода заключается в том, что в конечном итоге все сводится к одному числу – стоимостной ценности. Другими словами, из многомерных объектов конструируется некая одномерная проекция F , а затем используется решающее правило (если $F > a$, то...). С недостатками такой методологии в науке уже сталкивались неоднократно. Например, в биологии сходным способом пытались решить проблему т. н. биологического прогресса. Но получалось, что, например, человек и цианобактерия одинаково прогрессивны, т. к. их популяции способны выживать в очень широком диапазоне условий среды. Разумеется, используя разные средства, но при “одномерном” подходе эти различия оказываются скомпенсированными множеством других прогрессивных и регрессивных свойств, например, скоростью воспроизводства, социальностью и т. д. Сходные проблемы возникали (и возникают?) при тестировании на профессиональную пригодность, при некоторых компьютерных методах прогнозирования результатов в случае использования тех или иным методов лечения и т. п. “Идеология” такого подхода заложена и в математическую теорию игр, в рамках которой под выигрышем

Дискуссия велась в июле – августе 2003 года по электронным рассылкам “Дискуссия СоЭС” и ENWL, сокращенный вариант.

понимается достижение экстремума специально определенной “функцией цели”. При этом размерность такой функции, как правило, ниже размерности параметров пространства, в котором протекает игра, т. е. функция цели является собирательной. Стоит, правда, отметить, что в случае теории игр экстремумов может быть множество, ведь все в конечном итоге зависит от того, какие исходы мы принимаем за выигрыш. Но если в математике мы можем назвать выигрышем все, что нам захочется, то это совсем не так как в экономике. Там я выигрываю, если у меня больше денег (в середине игры, конечно, их может быть немного, но к концу – я обязан превзойти других игроков, иначе “вылетаю”).

Возможно, до какой-то степени такая “одномерная” философия взаимосвязана с физикой: ведь все в физических процессах определяется энергией: нет энергии – нет процесса. Но в физике одни формы энергии могут преобразовываться в иные и, в конце концов, в тепловую. А в экономике? Что в ней является “теплом”? Если “тепло” – это потери, то приходится все время заимствовать из окружающего мира “низкоэнтропийные”, нетепловые формы энергии...

Одномерная философия и идеология ведут к селекции “одномерного человека”. Одномерные люди составляют “мясо” общества. Согласитесь, что на разных этапах развития человеческих цивилизаций были свои “одномерности” (выражаемые в императивах) – религиозные, социальные, научные, культурные. Сейчас вот – экономическая. Все они (одномерности) оказываются рано или поздно слишком тесными рамками для человека, ограничивают его свободы. Я боюсь давать какие-либо рекомендации, поскольку “сам грешен” и тоже имею для себя императивы (один из которых – как раз свобода, точнее говоря – возможность ею пользоваться, возможность выбора, поскольку именно в свободе, экзистенции проявляется отличие живого от неживого). Но я считаю, что настраивать человека (в т. ч. подспудно) руководствоваться во всем экономическими критерия-

ми, а не, скажем, проявлять благородство, следовать за романтическими настроениями, – это тоже ограничение прав и свобод.

В. Левченко, Россия

* * *

Стоимостная ценность, если я не ошибаюсь, это важнейшая часть экономики. Нет цены – нет и экономики. Если смотреть не через “экологические”, а через “экономические очки” на все остальное, что и делают люди, занимающиеся экономикой, то для них эта стоимостная ценность есть принципиальное преимущество.

По одному из определений, экономика есть стратегия и тактика хозяйственной деятельности, охватывающие все звенья товарного производства, распределения, товародвижения и потребления материальных благ.

На мой взгляд, в экономике важно учитывать экологические моменты, как и в экологии экономические, поскольку экология и экономика в определенный момент времени и обстоятельств пересекаются, “входят” в друг друга и начинают друг друга контролировать/управлять. Момент управления можно узнать по тому, насколько в конкретной ситуации можно обходиться в экологии без экономики и в экономике без экологии. Если без привлечения, например, экологии нельзя решить ситуацию, или же она решается невыгодно (наносит ущерб любой тяжести и временного влияния), то момент управления уже наступил. А раз наступил, то уже решение ситуации идет по смешанным правилам, методам, инструментами и т. п.

Например, стоимость недвижимости в экологически неблагоприятных зонах ниже, чем в экологически благоприятных. Т. е. ситуация, где в конкретной отрасли экономики на рыночную стоимость товара или услуги влияют и экологические факторы. Вот на этом междисциплинарном пересечении нужно работать, чтобы экология управляла экономикой, а не наоборот, как сейчас.

А. Тентюков, Эстония

* * *

Принципиальный недостаток экономического подхода заключается в том, что экономика (в смысле “народное хозяйство”) принимается как целое, а экосистема – как часть. Эта важная часть отвечает за некоторые скрытые издержки производства, составляет сырье и служит приемником отходов, влияет на стоимость труда и т. п. Одни школы придают ей больше, другие – меньше внимания, но это – ПОДСИСТЕМА.

Это допущение позволяет специалистам эффективно считать деньги, хотя на самом деле человеческое хозяйство является подсистемой, а не наоборот. Выходя играть на экономическом поле, нужно всегда помнить ограниченность этого подхода.

Т. Беркелиев, Туркменистан

* * *

Согласен с критикой экономического подхода в оценке природы, высказанной В. Левченко и Т. Беркелиевым. Меня, в частности, беспокоит практическое осуществление экономической оценки природы.

Например, возьмем участок дикой природы. Он обладает как экономическими, так и неэкономическими ценностями. С экономическим – все понятно, можно подсчитать их стоимость в рублях. А как быть с неэкономическими ценностями дикой природы – эстетической, религиозной, научной, патристической, ценностью свободы, ценностью наследия, образовательной – ведь их стоимость просто невозможно подсчитать. Или внутреннюю (присущую) ценность дикой природы – можно ли измерить в рублях? Здесь экономика вообще бессильна!

Другой пример – есть виды, хозяйственная или эстетическая и другие полезности которых ничтожны для человека. Мала очень или неизвестна их экологическая ценность. По идее, их можно назвать “нересурсами”. Как быть с ними? Исходя из экономической оценки, они будут стоить копейки, а то и меньше. Но ведь это неправильно.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Как узкий специалист, я занимаюсь, в частности, выявлением у рыб популяций, обладающих уникальными свойствами (систематики-дробители со временем даже описывают их как новые виды). В США такие популяции, получившие название “evolutionarily significant units” (ESU) приравнены Актом о видах, находящихся под угрозой (ESA), к самостоятельным видам.

В Калмыкии, например, в родниковых ручьях, стекающих с Ергенинской возвышенности в сторону Каспия, водится совершенно особенная форма плотвы. Если вымерет – уже не восстановить. И для меня это такая же потеря, как всеми признанного вида. Таких примеров сколько угодно.

Не понимаю, какой вообще смысл имеет здесь стоимостная оценка? По-моему, это профанация всего, что определяет неравнодушное отношение к природе.

Формально ценность выступает здесь всего лишь как негэнтропийный информационный показатель – отражение установленного экспертами факта уникальности. Все остальное зависит от ценностных установок общества. Вот достроили бы знаменитый канал “Волга – Чограй”, проведя его поближе к подножью Ергеней – и растворились бы уникальные популяции в мощном потоке волжской плотвы. Я бы, допустим, пришел к строителям, начал объяснять “Не там вы канал собираетесь вести, здесь же популяции уникальные, пропадут они все”. А мне на это: “Да пошел ты”.

А. Кожара, Россия

* * *

Непростительной ошибкой является бросать на одни весы такие совершенно различные понятия как священная территория, национальное достояние, альтруизм, добро, любовь, Ноев ковчег – с одной стороны, и рыночная стоимость, деньги, полезность, выгода – с другой. Рекомендаций экономистов в конечном итоге влекут нас как раз к такой дикой морали, когда хоро-

шим и правильным считается только то, что можно съесть, или за что можно получить деньги. Боюсь, это как раз и является сейчас базой всех экологических проблем.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Друзья! Мне кажется, что есть смысл различать два типа денежной оценки видов живой природы:

- как ресурса;
- как сожителя по планете.

Первый не обсуждаю.

Вторая оценка базируется на факте, что страховыми компаниями жизнь человека как-то оценивается, что позволяет, проинтегрировав данные основных страховых компаний, дать денежную оценку суммы особой вида *Хомо сапиенс*.

С этической точки зрения все виды равноценны, поэтому любой вид стоит столько же, сколько стоит человечество в целом. А стоимость особи любого вида равна стоимости человечества, деленной на число особей данного вида.

Комар – копейка.

Плотва ергенинская – миллиард.

С. Забелин, Россия

* * *

Надо постоянно обращать внимание всех на ограничения использования экономического подхода. Причем двоякого характера – по области применения, как было только что рассмотрено на примере уникальных нересурсных (по крайней мере пока) объектов, – и внутренние ограничения самого подхода, проистекающие из того, что экономическая система есть лишь подсистема более сложной социобиогеосистемы (ноохоры). Полная оценка экономических последствий в этом случае невозможна, а эффективная – определяется доступной глубиной просчета по цепочкам эколого-социально-экономических обратных связей (как в шахматной партии), т. е., в общем случае, глубиной фундаментальных

знаний о ноохорах и совершенством методов.

А. Кожара, Россия

* * *

Стоимость – это такая характеристика, которая показывает, сколько СТОИЛЮ производство какого-либо предмета. Т. е. сколько затрачено на его производство экономической системой. Ваша плотва сама выросла и оформилась в особенную форму, поэтому она, так же как и любые другие природные объекты (та же самая нефть, например) стоимости в принципе иметь не может.

Причем это не с точки зрения морали, а с точки зрения экономики.

Одум еще чуть ли не в середине прошлого века очень наглядно показал, что работа экосистемы по производству чего-либо, представляющего интерес для экономики в качестве ресурса, в принципе не может быть оценена экономически.

В экономических системах цена и стоимость товара не тождественны друг другу, но очень жестко связаны. Природные объекты/ресурсы могут иметь цену, но эта цена к стоимости никакого отношения не имеет. Она может устанавливаться волевым образом (таксы) или определяться платежеспособным спросом населения на услуги, как определяется размер страховых премий (цена человеческой жизни) у тех же страховых компаний. Но, опять-таки, ни экология, ни этика здесь ни при чем. На одной из байкальских конференций наблюдал как-то некоего доктора экономических наук, который, бия себя пяткой в грудь, вопил: “Давайте считать рубли, может быть, нам выгодно загрязнять Байкал!”. Понимал, гад, что если мы начнем считать рубли, то непременно обнаружим, что Байкал загрязнять выгодно.

Н. Сухомлинов, Россия

* * *

На данный момент я закончил разработ-

ку теории экологической стоимости, цен и денег. Исходным посылом для концепции послужило убеждение, что социализм и капитализм – равным образом экологически затратные системы хозяйствования, поскольку работают на основе единственного целевого критерия – максимизации экономических доходов к экономическим расходам. Экономисты марксистской школы и экономисты-рыночники делают отдельные попытки модифицировать свои теории и придать экономической ценность экологическим благам. Идея экологического налога и купли-продажи права на загрязнение – один из результатов их стараний.

Но все большее число обеспокоенных состоянием экологии экономистов признается, что те экономические механизмы, которые действуют ныне, в принципе не могут разрешить экологических проблем. 10 лет после Рио убедительно свидетельствуют о том, что требуются кардинальные системные преобразования существующего механизма хозяйствования.

Ключевые идеи органической экономики, основанной на представлении об экологической стоимости:

1) Право каждого человека в каждом акте производства-потребления знать свою долю экологической ответственности, организовать свое поведение в соответствии с этим знанием и нести ответственность перед обществом и Землей в соответствии с размером этой доли. (Это право обеспечивается экологической стоимостью, ценами и деньгами).

2) Родовая ответственность за экологические нарушения: если человек не может самостоятельно компенсировать созданные им нарушения, то эта ответственность передается на потомков и ближайшую родню, пока они не компенсируют нарушения, а также передача экологической ответственности вместе с породившей ее экономической собственностью при дарении или наследовании.

3) Построение универсальной меры отклонения от экологического равновесия на основе внеэкономических показателей, что

необходимо для определения экологической стоимости и всеобщего экологического эквивалента (экологических денег).

4) Инвентаризация всех экологических благ и квотирование их на душу населения и по местным сообществам, с закреплением личной и родовой ответственности за использование своей квоты.

Таким образом, решение глобальной экологической проблемы передается с уровня государств, огромных корпораций и научных институтов на уровень личностного принятия решений каждым человеком и местным сообществом!!! И это при сохранении свободы производства-потребления и рыночного характера экономики.

Д. Георгис, Россия

* * *

Друзья, а я вот что подумал, является ли экономика наукой? Вот несколько интересных цитат:

– Юджин Харгроув, американский эколог-философ и культуролог: “Экономика – это не наука, а следствие этической теории XIX века, претендовавшей на звание науки. Современная экономическая теория основывается напрямую на утилитаризме, принявшем научный вид благодаря применению экономического жаргона в духе логического позитивизма. В отличие от настоящих наук, основывающих свои теории на эмпирических исследованиях, экономика основывается на размышлениях об экономическом поведении так называемого экономического человека, действующего полностью в соответствии с рациональным эгоизмом, не являющемся даже рекомендуемой этической теорией”.

– Исламский теолог Умар Ибрагим Вадилло: “Изучение экономики – недавнее изобретение (примерно 200-летней давности). Многие считают, что это наука, но это не так. Например, в отношении конкретной экономической ситуации, в зависимости от политики и идеологии пишущего, существует много, часто конфликтующих интерпретаций”.

В заключение я хотел бы пару слов сказать по поводу идей, изложенных в последнем письме Д. Георгиса. Его предложение ввести экологические деньги по сути является лишь видоизменением современного узкого экономического подхода. Просто приоритет вместо хозяйственной ценности отдается экологической ценности природы. Поэтому в подходе Георгиса наследуются все слабости и недочеты экономического подхода. В частности, как при помощи нового подхода оценить ту же экологическую ценность видов-нересурсов, не имеющих (или неизученных) экологическую важность для экосистемы? Непонятно, как можно при помощи данного подхода оценить другие нематериальные ценности природы – ту же религиозную, эстетическую, этическую и др. И последнее. Как экономический, так и подход Георгиса оценивают полезность видов или природных объектов для человека. Оценка же их полезности для экосистемы в обоих подходах практически не исследуется, а что касается полезности вида для самого себя-то это вообще не учитывается.

Вл. Борейко, Украина

* * *

Дионис Георгис высказал в своем интересном письме близкие мне идеи. Сходные мысли высказывались и американским экономистом, идеологом антимонополизма и антиглобализма Линдоном Ларушем.

Систему хозяйствования, интегрирующую циклы производства к потреблению с биосферными циклами вещества-энергии-информации мы называем ноосферной экономикой. Важным шагом надо считать и его уход от одномерности денег.

Вместе с тем разделение денег и отношений на “экономические” и “экологические” представляется искусственным. В целостных социобиогеосистемах (ноохорах) любая проблема, связанная с территориальным развитием, является, в конечном счете, “экологической”, в том числе и проблемы в подсистеме экономики.

Стоимость – глубоко субъективный по своей природе показатель. Он целиком опирается на структуру человеческих потребностей и на ценностные ориентации людей и обществ. Полагаю, что этот показатель не двумерен, а многомерен, и многомерность его порождается многообразием ситуаций оценки и ролей, в которых выступают субъекты экономических отношений.

А. Кожара, Россия

* * *

Деньги как посредник в экономических операциях связаны с правоспособностью “персонажа”, с правами собственности, с правами на совершение сделок и пр. Без системы управления правами собственности, насколько я понимаю, деньги не работают. А вот с правами собственности на живые организмы и на экосистемы возникают проблемы, в том числе – этического плана. Тут я полностью согласен с Борейко и другими, кто исследует эту проблему на конференциях по биоэтике.

А. Карпов, Россия

* * *

Как “экологично мыслящий”, но по образованию – экономист, хочу вставить свои пять копеек в интересную дискуссию. За пять лет учебы я сам часто сомневался, есть ли экономика наукой в полном смысле этого слова. Слишком уж много в основных ее разделах субъективного – особенно в маркетинге, менеджменте и основах экономической теории. А уж кто учил советскую политэкономия, да еще с разделением на политэкономия капстран и марксистскую, тот с ее субъективностью согласиться просто обязан.

Возьмем, к примеру, ценообразование. Еще в XVIII веке природа цены была для людей загадкой, вполне серьезно принималась теория божественного вмешательства в этот процесс. А. Смит, и позже очень детально К. Маркс разработали теорию трудовой стоимости, где цена товара раскла-

дывается на много оплат труда. Потом добавились теории граничной полезности, приняли во внимание баланс спроса и предложения. Однако до сих пор экономисты практически не рассматривают такой аспект, как стоимость природного сырья в цене товара. Стоимость дерева в цене табуретки, конечно, сидит. Но это цена, за которую владелец леса согласился разрешить его вырубить + оплата труда лесорубов + транспортные расходы... Сколько же стоит само дерево (с точки зрения его роли в кислородном балансе, водорегулировке, биоразнообразии...) – ответа нет, и большинству экономистов даже не приходит в голову задуматься об этом (знаю по опыту дискуссий с сокурсниками во время учебы). То же с нефтью. Помните, еще Менделеев говорил: топить нефтью – все равно, что топить ассигнациями (а российские ассигнации того времени свободно менялись на золото). Тем не менее, топят до сих пор, а цена нефти определяется практически полностью благодаря спекуляциям бирж и в результате договоренности нефтяных компаний. Цена же большинства потребительских товаров типа стиральных порошков, напитков, парфюмерии – это вообще полное на-

дательство. В основе ее сидит стимуляция сбыта (реклама, маркетинг), сырье же составляет жалкие проценты.

Так наука ли экономика? Во многом не больше, чем наука социология, которой крутят, как хотят политтехнологи и прочие пиарщики.

Супруненко, Украина

* * *

Я тоже многого не понимаю в экономике и тоже полагаю экономику “как бы наукой”. На мой взгляд, она по своему развитию сейчас подобна физике времен Ломоносова и флогистона. Но и ничего страшного. Фейнман говорил, что не все, что не наука – это не обязательно плохо, например, любовь. Поэтому можно относиться к экономике как к определенной деятельности и как к некоторым размышлениям о ее закономерностях и вероятностных прогнозах относительно результатов этой деятельности.

Н. Саппа, Украина

Чаталья Калинина против Владимира Тетеры

В. Тетера

*ВНИИ охотничьего хозяйства и
звероводства, г. Киров,
e-mail: tink@ink.kirov.ru*

Второй год с большим интересом слежу за вашей дискуссией. Позвольте высказать свое мнение по поводу наиболее часто затрагиваемых тем.

1. Создание религии природоохранны на основе язычества

Попытки представить язычество как наиболее экологичную религию выглядят неубедительно. Язычники не смогли нанести ущерб природе вовсе не из-за своих ве-

рований, а потому, что в те далекие времена не было необходимых для этого технических средств. Древнегреческий парусник с амфорами для перевозки оливкового масла – это все-таки не супертанкер с нефтью, а кожевенные или гончарные мастерские – не целлюлозный комбинат или нефтеперерабатывающий завод. Что относительно немногочисленные люди античных времен могли сделать с природой? Соткать из нее рубище или построить в ней капище. Высший уровень развития языческого мира – это Рим с его Колизеем (снабженные зрительскими трибунами Бухенвальд и бойня в одном месте) и Афины с “Санта-Барбарой” склочных и похотливых олимпийских бо-

гов. Язычников надо принимать такими, какими они были на самом деле, со всем багажом, а не представлять их по типу современных ряженных энтузиастов, которые призывают возродить то, чего на самом деле никогда не было. Наши славянские предки, наверное, с огромным удовольствием врезали бы по степным кочевникам парой-другой ядерных ракет, да не было их под руками, гой еси.

Не надо обижаться на ислам и христианство за якобы недостаточное внимание к экологическим проблемам. Полторы-две тысячи лет назад таких проблем не было. Они возникли гораздо позже, когда многократно возросла численность и потребности людей, живущих больше инстинктами, чем рассудком. Вырубили леса, отравили воздух, поля и реки.

Можно попытаться объявить дикую природу священной и неприкосновенной, но вряд ли из этого что-нибудь получится. Как известно, “идея, брошенная в массы – девка, брошенная в полк”, а “революции замышляются идеалистами-мечтателями, совершаются фанатиками, плодами революций пользуются негодяи”. Обыватели будут за двести долларов в месяц работать до обеда в природоохранной конторе и молиться осинам, а после обеда – торговать за эту же сумму осиновыми срубами. Идеологи, или, точнее, пророки зеленой религии пока не могут обосновать свои идеи ничем, кроме учащенного стука своего сердца. “Уже не я живу, но священное чувство необходимости священной борьбы за священные права священной Природы живет во мне. Не примете мое учение – ждите конца света”. Проблема в том, что в XX веке было уж слишком много идей, претендовавших на святость и абсолютную истину. Хочется чего-нибудь более рационального, чем фанатичный блеск в глазах.

Идея религии природоохраны поразительно похожа на раннее христианство, в котором подменен тезис. Только вместо Сына Божьего, искупившего на кресте грех человечества, призывают поклоняться Дочери Вселенной – прекрасной Дикой При-

роде, которая уже устала страдать от ошибок людей.

2. Защита природы и защита прав животных

Зачем природоохранники считают защитников прав животных своими союзниками, не совсем понятно. Стремиться сберечь природу – это одно, а фанатично повторять лозунги вроде: “Все живые существа делятся на травоядных и хищников, человек – травоядный” и “Убивать животных – все равно, что убивать людей” – совершенно другое. “Смешались в кучу кони, люди”. Несмотря на свои природоохранные претензии, подавляющее большинство защитников прав животных более всего озабочено откармливанием телятиной своих кастрированных домашних хищников – собак и кошек. Да еще защитой живых “плюшевых игрушек” – бельков. Современное российское или украинское общество, мягко говоря, далеко от совершенства (природа лучше), но это все-таки не причина, чтобы перестать отличать представителей своего биологического вида. А то договоримся до того, что физиология питания – лженаука.

3. Охота

Бернгард Гржимек относился к любительской охоте отрицательно, но отмечал, что если бы не интересы охотников, то в Западной Европе дикие звери были бы истреблены. Спросите у рядового обывателя: “Что такое счастливая жизнь?” Он ответит: “Много денег, машина каждому члену семьи, квартира, загородный дом”. Охотник и рыбак к этому добавляют: “Обширные леса, поля и чистые реки, чтобы там можно было охотиться и ловить рыбу”. Для кого-то это звучит не очень благородно, но мы живем в реальном мире, где на каждого Борейко приходится по тысяче природоохранных чиновников-взяточников с силиконовыми щечками, и где люди медленно, но верно вырубают реликтовые леса, травят реки, забрасывают окурками и пивными банками пляжи и т. д. Именно “моральные уроды с

дробовиками” (цит. по Борейко) и удочками возмущаются этим в первую очередь. А Васья слушает да ест.

Предлагаю вашему вниманию анкету, которая была применена в странах Европейского Сообщества для исследования мнений ведущих ученых в области естественных и гуманитарных наук. Подобный опрос мы сейчас проводим в России и странах СНГ.

(Вопросы см. ниже вместе с ответами).

Н. Калинина

*Экологический клуб “Улукиткан”,
г. Благовещенск, e-mail: grus01@yandex.ru*

Мы не создаем языческую религию природоохраны, а лишь пытаемся воссоздать гармоничные отношения человеческого общества и природы, существовавшие у наших с Вами далеких предков. Для чего? Чтобы не наступить дважды на те же грабли. К вопросам, затронутым в Вашем письме. Приведу лишь вкратце высказывания людей, связанных с Рериховским наследием.

Праславяне – язычники были выразителями и хранителями древнейшего образа жизни людей. Тогда они были гармонично вписаны в природу и представляли из себя управляющую структуру ее биоценозов. Древняя же Греция была ярким выражением нового глобального этапа в развитии человечества, связанного с отчуждением от природы и стремлением покорить ее, т.е. Древняя Греция в действительности явилась в духовном отношении тем зерном, из которого выросло дерево нашей цивилизации, постаравшейся подавить и забыть все, что связано с предшествующей цивилизацией, существовавшей гораздо дольше греческой.

Мы привыкли считать себя венцом творения, а наших предков, как преподносят нам некоторые горе-историки, примитивными “недочеловеками”, но это в действительности далеко не так. Когда мы читаем в китайских хрониках о “ящике, который

мог считать” или в русских сказках о “блюдце”, через которое можно наблюдать любую точку планеты, нам может с трудом прийти в голову мысль, что в первом случае речь идет о компьютере, а во втором – о видеосистеме, принцип которой до сих пор не обнаружен.

В 1965 году итальянский ученый Колосимо обобщил данные всех известных тогда археологических экспедиций и древних письменных источников и сделал вывод, что в прошлом Земля была аренной военных действий с применением ядерного оружия. В “Пуранах”, в “Кодексе Рио” майя, в Библии, у Арваков, у индейцев племени чироки и у некоторых других народов – везде описывается оружие, очень напоминающее ядерное. Вот как описывается оружие Брахмы в Рамаяне: “Тромадное и извергающее потоки пламени, взрыв от него был яростнее как 10 000 Солнц. Пламя, лишённое дыма, расходилось во все стороны и предназначалось для умерщвления всего народа. У уцелевших выпадают волосы и ногти, а пища приходит в негодность”.

Насчет охоты (извините за резкую смену “декораций”), но среди рядовых охотников бытует мнение, что самым действенным природоохранным мероприятием на текущий момент было бы разогнать всю охотслужбу. Это привело бы в конечном итоге к естественному увеличению поголовья копытных, о чем так печется господин Саурин.

Вряд ли позиция лоббирования цеховых интересов любой ценой достойна сотрудников такого уважаемого учреждения как ВНИИОЗ. Не стоит недооценивать общественников природоохранников и переоценивать себя! Вы как бы на перепутье, не знаете, к какому берегу податься. А половинчатые решения лишь преумножают проблемы. В конце концов, но даже разработанные Вашим отделом “гуманные капканы” ничего кроме чувства раздражения у трапперов не вызывают. Зверь уходит из них, факт. Капканы действительно оказались гуманными! За этот вольный (или не вольный?) экотаж Вам огромное спасибо от

всех “зеленых”. Поэтому решайтесь и окончательно уходите с позиций ресурсизма!

Прилагаю заполненную анкету.

1. Подобна ли “этическая корректность” “политической корректности”?

– Здесь вопрос не в корректности, а в воспитании.

2. Какова связь между этикой и чувством вины?

– Без чувства вины не будет морально-го человека.

3. Какова связь между этикой и эмоциями?

– Бесчувственность и нравственность несовместимы.

4. Есть ли особая связь между этикой и экологией?

– Особой связи нет. Этика – это наука о морали, ориентированной на отношения между людьми.

4. В чем заключается сущность процесса перехода (если такой существует) от этического отношения к людям к этическому отношению к животным?

– Процесс заключается в расширении сферы морали.

6. Почему люди сегодня кажутся более обеспокоенными страданиями животных, чем страданиями людей?

– Животные более беззащитны перед натиском цивилизации.

7. Являются ли страдания животных аналогом выражения человеческих страданий?

– Являются.

8. Кратко, каково развитие этики по отношению к животным?

– Переход от принципа милосердия к признанию моральных прав.

9. Сознает ли этика различия между статусом различных животных, какие животные рассматриваются как представители видов, группы, породы, индивидуумов и т. д.?

– Признает, например различие между высокоорганизованными животными и простейшими.

9. Существует ли особая этическая точка зрения, которая применяется к опреде-

ленным видам и группам животных чаще, чем к другим?

– Непричинение страданий (применяется чаще всего в отношении птиц и млекопитающих).

10. Кратко, есть ли различие между этической позицией и моральной позицией по отношению к животным, и как бы Вы определили это различие?

– Этическое, моральное, нравственное – это взаимозаменяемые понятия.

11. В средствах массовой информации мы часто читаем, что наше отношение к животным – это вопрос “общественной морали”. Что это значит?

– В любом обществе существуют общепринятые нормы морали, которые могут не совпадать с индивидуальными этическими взглядами. В данном случае имеются в виду нормы отношения к животным, которые должны быть восприняты обществом. Те нормы, нарушение которых будет вызывать существенное осуждение.

13. Не думаете ли вы, что эмоции зачастую влияют на обсуждения этического отношения к животным?

– Здесь не должно обходиться без эмоций.

14. Как этика пытается объяснить амбивалентность общественного мнения по отношению к животным вообще, и к пушным животным в частности?

– Этика не рассматривает такие вопросы. В данном примере все зависит от технологий применяемых в популяризации определенных идей.

15. Что более важно в этических дебатах: споры о типе охоты на охотничьих животных или о типе охотничьих технологий (траппинг и т. д.), или и то, и другое одинаково важно?

– В данном случае приоритетным является рассмотрение проблемы охотничьей этики, а не техники и технологий охоты.

16. Думаете ли вы, что охота у аборигенов более приемлема, чем у каких-либо других социальных групп?

– Да! Если аборигены ведут традиционный образ жизни.

17. Думаете ли вы, что использование животных, добытых в целях исследования окружающей среды, этически приемлемо?

– Только в случае крайней необходимости, по каждому случаю должна проводиться экологическая и этическая экспертиза. Если это учет мышевидных с использованием “давилок”, то должны рассматриваться альтернативные методы, например учет на основе анализа плотности гнездования и успешности размножения птиц-миофагов (ушастой совы в лесостепной зоне) + лабораторное исследование их погадок. Это пример возможно неудачный, но суть он передает точно.

18. В Швейцарии, например, шкуры добытых лисиц чаще сжигаются, чем используются как мех. Как Вы расцениваете такое явление?

– Ответу вопросом: а почему не используют конфискованный опиумный мах в медицинских целях, а сжигают его? Почему уничтожают пиратскую продукцию? На мой взгляд, было бы идеальным принятие закона, по которому незаконно добытая продукция, а также изъятые и невостребованные владельцем или незарегистрированное охотничье оружие также уничтожались, а не поступали в оборот.

19. Какой этический критерий делает неконтролируемое размножение лисиц более приемлемым, чем охоту на них?

– Во всем нужна мера, не нужно впадать в крайности. Но само построение фразы “неконтролируемое размножение” некорректно. Попробуйте применить ее к себе.

20. Почему разведение животных “только ради их меха” не будет этическим?

– Проблема этики заключается в условиях содержания клеточных животных. Проведите аналогии с заключенными. Страдания порождают страдания. И так по цепочке.

21. Есть ли виды животных, разведение которых является с этической точки зрения более приемлемо, чем разведение каких-либо других животных?

– Опять же дело не в видах животных,

а в условиях их содержания, целесообразности и необходимости таких проектов.

22. Является ли разведение животных этически приемлемым в том случае, когда этим занимаются аборигены?

– Ответ на этот вопрос см. выше

23. Как Вы объясните тот факт, что меховщики остаются одной из главных мишеней борцов за права животных, средств массовой информации и общественного мнения, несмотря на то, что эксплуатация дикой фауны, а также траппинг и пушное звероводство строго регулируются и осуществляются под гуманным контролем? Как объяснить сей факт?

– Словами сэра И. Ньютона “действие вызывает равное противодействие”. Сказку о том, что эксплуатация дикой фауны осуществляется под гуманным контролем, можете рассказывать своим детям или внукам. Вдумайтесь в сам смысл: “гуманная эксплуатация”.

24. Как этика определяет, что является полезным и необходимым?

– С позиции жизненной важности.

25. Являлся ли мех в истории этики субъектом этических дебатов?

– Являлся.

26. Конфликтует ли мода с некоторыми этическими интересами?

– Довольно часто. Но вопрос моды глубже, чем кажется на первый взгляд. Опять же обратимся к язычеству. В том, что Пантеон до сих пор остается живым, хотя и существенно сокращенным, мы можем убедиться, наблюдая такое удивительное и на первый взгляд непонятное явление, как мода. Самое простое и неправильное объяснение этого явления, что это попытка соответствующих монополий выкачать из потребителя как можно больше денег. Желание заработать, конечно, у людей есть, но одним желанием это явление не объяснить. Все происходит помимо воли законодателей моды, обосновавшихся в Париже. В среднем каждые 12 лет мода повторяется, и повторение это можно объяснить влиянием на людей божественного Пантеона. Потому что люди прошлых цивилизаций

шили одежды, соответствующие каждому из богов и одевали их в дни и часы, принадлежащие данному богу. Но поскольку каждый год был посвящен конкретному богу, то и одежды для этого бога были пошиты на весь год, с использованием его орнамента и особой конструкции одежды. Люди оказались более чувствительными на это проявление Пантеона в Париже, чем в других странах и городах, поэтому Париж стал законодателем моды. Кроме орнамента и фасона, каждому богу соответствовали еще определенные число, цвет, запах, симметрия, эмоция и атрибуты: мандала (геометрическая фигура), минерал (драгоценный камень), растение, животное, пища.

27. Есть ли предметы роскоши, которые более или менее “этичны”, чем другие, и есть ли предметы роскоши, которые не “этичны” вообще?

– Предметы роскоши изначально неэтичны.

28. Можете ли Вы охарактеризовать добычу алмазов в Южной Африке в этическом контексте?

– Не могу, так как не располагаю информацией по данному вопросу. Но добыча золота в Амурской области (например) наносит огромный и невосполнимый ущерб многим компонентам биосферы бассейна реки Зея и таким образом неоправданна с точки зрения морали.

29. Если этика признает, что мех – это предмет роскоши, к какой из категорий предметов роскоши Вы бы его отнесли?

– В странах с теплым климатом изделия из меха действительно являются предметами роскоши. В странах с суровым климатом к предметам роскоши могут быть отнесены меховые изделия из редких видов животных.

30. Является ли ношение меха в действительности неэтичным?

– Все зависит от жизненной необходимости.

31. Есть ли контексты, в которых мех мог бы быть более приемлемым с этической точки зрения, чем в других? Мы рассматриваем здесь производство и использование искусственного меха, шкуры диких животных, шкуры, полученные на зверофермах, окрашенный натуральный мех и т. д.

– На мой взгляд, приоритет в использовании имеют шкуры диких животных, добытых трапперами. Почему? По принципу причинения меньшего зла, дикое животное испытывает кратковременное страдание по сравнению со страданиями клеточного животного, испытываемого им в процессе всей жизни.

32. Является ли мех по своей сути этически неприемлемым?

– По большому счету, да! Является!

33. Как бы вы описали расхождение между этичным процессом производства и неэтичным имиджем конечного продукта?

– В таком случае и процесс производства ставятся под сомнение с точки зрения морали.

РЕСКИН И РЕЛИГИЯ КРАСОТЫ

Р. Сизеран

Может быть в этом созерцании родных картин природы заключается источник многих великих идей, руководящих миром и основа так называемого патриотизма. Пейзаж есть излюбленный лик матери-отчизны, которую иначе пришлось бы представлять себе в виде мертвой отвлеченности или чем-то вроде тяжелой, каменной женщины, воздвигнутой на площади Согласия. Действительно, когда думаешь о родине, то вспоминается не какая-нибудь толпа лысых и мрачных людей, жестикулирующих при газовом освещении парламента или пишущих за решетками канцелярских бюро, а нечто совсем иное: кружевные очертания гор, живописные речки, пробегающие по долинам, синева полукруглых заливов, картины долин, пересекаемых то полями, то рощами; деревушки, раскинутые по дорогам, дым, поднимающийся из городских труб и расстилающийся в синеве вечернего неба. И чем прекраснее будет эта картина, тем больше будешь любить ту родину, которая является ее первообразом.

Шотландец, например, обожает свою родину, потому что характерное отличие Шотландии от всех других стран северной Европы состоит в резкой определенности ее очертаний. Ряды холмов вдоль французских рек вполне похожи один на другой. Один изгиб оврага Черного леса является повторением такого же изгиба с противоположной стороны. Но на всем пространстве Твида, Тевю, Гала, Теи, Форга и Клейда нет ни одной частички оврага или уголка долины, которых ее обитатели не могли бы отличить от всякого другого. И нет другой страны, где бы корни воспоминаний были бы так крепко связаны с красотой природы, а не с гордостью людей; поэтому невольно задаешься вопросом – не должна

ли эта красота служить главной задачей патриота, так как она преимущественно и воспитала его? Что толку в заботах об увековечении идеи родины, если мы не стараемся увековечить ее дорогой образ? Не щедро расставляя статуи, а глубоко чтя неотесанные камни родины, мы соберем обильную жатву людей. И нация только тогда достойна той земли и тех картин природы, которые она унаследовала, когда всеми своими поступками и всеми искусствами старается для грядущих поколений придать им больше красоты.

“Печать красоты, любовь к которой вложена в нас Богом, лежит на всем ежедневно окружающем нас, на всем, что наиболее знакомо людям. Да, достаточно холма, русла тихой речки, тумана, даже луча солнца – этих самых простых, самых заурядных, но, вместе с тем, и самых дорогих предметов, которые вы можете видеть каждый летний вечер на пространстве тысячей верст, среди низких холмов наших родных мест. Ни Амазонка, ни Инд, ни Анды, ни Кавказ не могут дать вам больше этого.

Идеалисты ошибались, когда искали далеко и высоко ту таинственную разгадку, которая, как судьба на ладони, начертана на каждом листочке здесь, во всем окружающем нас. Классики искали ее в всевозможном, романтики в исключительном, между тем, как она – в самом простом, и можно смело сказать, “что особенно хорошо то, чего много в природе”.

Мы говорим о произведениях природы, а не о произведениях человека, о самых обыкновенных вещах, созданных ею, а не о редкостях, выращиваемых садовником. Мы говорим о самых обыкновенных очертаниях горы, а не о изысканных сооружениях каменщиков, о скалах, а не об украшениях из раковин и камешков; об озерах, а не о бассейнах; об облаках, а не о дыме; о мхе, а не коврах. Конечно, остатки приро-

ды, а следовательно и красоты, могут сохраниться и в шпалерном растении, и в подстриженном дереве, и в ниве, насыщенной суперфосфатами, и в канале, построенном с целью ирригации. Но это только остатки и жалкие намеки на величие природы. Мы можем, конечно, и их любить, как любим поблекшие и даже обезображенные черты дорого лица, но мы не можем уже в них видеть прототипа и критерия красоты. Последнее мы найдем в одной только девственной природе, потому что только она является ничем не обезображенной и не оскверненной.

И этим небеса в особенности отличаются от всех земных пейзажей: облака, недоступные воздействию человека, расположены всегда по законам красоты, чего нельзя наверное сказать относительно какого бы то ни было пейзажа. Скалы, от которых зависит, главным образом, величие горного вида, обыкновенно взрываются для устройства путей сообщения или эксплуатируются в качестве каменоломен; если же найдется лужок, который природа преднамеренно оставила на окраине своих темных лесов, снабдив его самыми сочными растениями, то фермер непременно застроит и вспашет его. Облака же, которые мы властны заслонять только дымом и отравлять ядом, не могут быть эксплуатированы ни как каменоломни, ни служить основанием для построек, и поэтому они так дивно красивы.

Да, перед ними, перед этими свободными, девственными облаками, или среди недоступных долин, где вода, растения, свет и тени, где все жизненные соки предоставлены самим себе, художник только и испытывает самое жгучее наслаждение в жизни. Чистую любовь к природе всегда вызывает во мне природа дикая, т. е. места совершенно естественные и, преимущественно, оживленные реками или морем. Тут чувствуется сила и свободная, ничем не нарушаемая власть природы... Все, приближающееся к ней, стремится к красоте,

все, удаляющееся от нее, склоняется к безобразию!

Из этого понятия о красоте естественно вытекает существенный вопрос в искусстве: вопрос об отношении художника к природе. Все технические тонкости живописца, возящегося со своим материалом, и скульптора, роющего в своей глине, все философские толкования эстетиков сводятся к вопросу: в какое отношение стать к природе? И от их ответов происходят все различия школы, с их подразделениями, сектами и мастерскими. Если освободить этот вопрос от пустословия и затемняющих его двусмысленностей, то он предстанет перед свидетелями чудес природы в той же форме, в какой на суде перед свидетелями людских преступлений: сказать ли истину? сказать ли всю истину? – Спрашивает себя пейзажист перед картиной природы, скульптор перед статуей и портретист, рассматривая со всех сторон свою модель. Нарисовать ли мне этот дуб так, как он мне представляется в целом, ничего в нем не изменяя, не искажая его вида, но только группируя листву и откидывая некоторые ветви, не придающие, по моему мнению, ничего его красоте – словом, сказать ли истину? Нарисовать ли его во всех подробностях, выделяя с одинаковой точностью все побочное, что мне не нравится, – словом, сказать ли истину? Не прибавить ли к модели, которую представляет этот дуб, те красоты других дубов, которые у меня сохранились – словом, сказать ли только истину? Смотря по своему решению, художник будет или эклектик, или реалист, или идеалист. Он делается последователем одной из трех великих теорий, на которые делится искусство: теории выбора, теории точного подражания и теории идеализма.

Но мы определили красоту как “печать Бога на его творениях” и утверждали, что природа есть воплощение красоты, не для того, конечно, чтобы присоединиться к теории выбора, а тем менее к теории идеализации. Выбирать! Кто отважится на это?

КУЛЬТУРА И ПРИРОДА

Я. Павликовский

Природа есть та ванна освежающая, которая восстанавливает силы в людском мире, она является уютной святыней, в которой душа вдали от шума повседневности становится лицом к лицу перед самой собой и приходит над собой до отражения, – есть местом очищения от всего того, что пристало к нам как чужое и выброшенное, – есть местом меры и веса, местом беспристрастного суда, местом, обозреваемым издали под углом видения вечности, – есть она, наконец, местом взлета мысли свободной, собственной, не извращенной обстоятельствами. Это место не ищет конченый одиночка для того, чтобы забыться и тихо умереть, или ленивый сноб для отклонения от обязательств, а рыцарь накануне боя, работник накануне трудов, Антей, который перед борьбой прикасается к дающему жизнь лону матери-земли. Величайшие изобретения делают, глядя с возвышенного пункта на раскинувшееся под ними пространство. Любовь природы, учителями которой были гении искусства, искавшие красоту, выяснила свои ценности общественные, как источники соединения душ и тел.

Среди составных, влияющих на характер чувственного отношения человека к природе, есть еще один, играющий большую роль. Это привязанность к Родине. Чувство это органично и вечно; люди болеют и умирают от тоски. Чувство это старше сегодняшнего понятия любви к Родине, потому что в понятие Родина вложены помимо характеристик географических и этнографических еще и характеристики ис-

торические и законо-государственные. Но понятия Родины и любви к ней родились и выросли из этого скромного зерна. И до сих пор простой человек родиной называет село и ближайшую околицу. У немцев есть на это особое название “Heimat”, которого нам и другим народам не хватает. Если говорить о земле в дословном значении, то есть о территории с ее природными особенностями, то любовь родной земли есть собственно всегда только идеальной проекцией реального, органичного чувства, которое соединяет нас с понятием “Heimat”, с землей родной в счастливом смысле. Мицкевич, говоря “Литва, отчизна моя!”, не пропагандирует сепаратизм литовский, но видит красоту родины и видеть иначе не может, чем через призму земли, родившей его.

Не будет ли так же житель Подхалинии чувствовать такую же тоску в Полесье, как и на другом полушарии? Но та же эксклюзивная несколько любовь к земле родной, входящая в состав любви к родине, вносит в нее запах земли, свою силу, свою первозданность. А сама берет от того высшего понятия символы, свет и достоинство. В любимом человеке можем любить отдельную черту, но из-за нее любим его всего. С исследований этого отношения следовало бы заняться науке, что воспитание в духе любви к Родине должно обращать больше, чем до сих пор, внимания на любовь к родным местам, как составной части Родины. Дорогой к этому есть прежде всего ее познание. Приобрела бы также много педагогика, если бы взяла это в свою программу, потому что появилась бы простейшая дорога соединения школьной программы с жизнью и оживляли бы ту науку искрой чувства.

В конце концов, любовь к земле родившей, в конкретном значении, что человек работает лучше в родных местах, может быть сильным двигателем культуры. Лю-

Опубликовано: Pawlikowski J.G. Kultura a natura. T. 4. Lamus, Kraków-Warszawa, стр.1-64, сокращ. перевод с польского Киевского эколого-культурного центра. Ян Павликовский – польский пионер охраны природы. Его эссе “Культура и природа”, опубликованное в 1913 г., поляки назвали “Манифестом природоохраны”.

бовь эта предусматривает уважение памятников этой земли, устранение недостатков, появляющихся на ее любимом лике, заботу о ее красоте. Многое можно перенять у немцев, то, что кроется в их лозунгах “Знание Родины” и “Забота о Родине”.

Со времен нашего романтизма природа становится неперменным составным поэзии, стала одновременно составным того чувства, которое пронизывает всю поэзию и является любовью к Родине. “Пан Тадеуш” является для нас прекрасной книгой не только как эпос наших дел, но и как эпос нашей земли и неба. Научила ли нас поэзия этому или и мы и поэзия имели общего учителя в недрах земли, ведь кажется и горы, и степи, и поля, и вода могут говорить тем же языком, что и мы, и чувствовать боль и радость, как и люди.

Сам воздух в других местах не может окружать нас любящими материнскими объятиями. Наши отцы, отправляясь в изгнание, уносили с собой горсть земли родной в кисетах на груди, чтобы в гробу посыпать на глаза для вечного видения этой земли. Таким образом природа через понятие органичной связи сожительства, кровной связи вобрала в себя дух и новое достоинство.

Одной из причин пробуждения общественного, в смысле чувствования природы, было обострение сознания того, как отделились мы от нее. И это то, что мы видели у Руссо. Но все более устрашающее надвигается ощущение другой утраты. Как бы внезапно пробудившиеся от слепоты и равнодушия, видим, как с лица матери-земли исчезает красота и находит тень болезни. Тревога невозвратимой утраты бесценного сокровища разжигает искры угасающей любви.

Человек с момента своего появления начал возделывать природу. И делал это так основательно, что наконец у него волосы стали дыбом от перспективы остаться в пустыне наедине с трупом.

Если мы близко приглядимся сегодня к польскому селу, то легко заметим, как оно органично выросло из природы; человечес-

кие дела как будто произошли из той самой души, той самой мысли, присущей природе. Вот идем мы дорогой, которая сливается с окружающей средой и кажется нам, что она сама собой здесь бежит. Вьется она следами тысяч ног, руководствуется сама взгорьями, следами плуга, проделанными в самых удобных местах, пластично опоясывает возвышенности, среди золотых подсолнухов, играющих на солнце, лощин, своей живой зеленью приносящих влажное дыхание. Над извилистой речушкой собрались вербы и ольхи, как будто пришли напиться. На пастбище играют дети возле пасущихся животных. В лесу шумят различные деревья, в чаще крутятся и щебечет птичья армия, а на заходе солнца кричат лягушки в болотах. В высоком гнезде клекочет важный аист. Сами избы людские кажутся выглядывающими из земли, сделанные из материала, произраставшего здесь же, покрытые соломой, которая находится за садом, огороженные забором из ольхи, который, кажется, еще пахнет влажным песком и холодом потока. И для того, чтобы глаз радовался, везде цветы – у дорог, на лугах.

А вот картина “высшей культуры”... Поля скошенные, разделенные дорогами на квадраты, как шахматная доска. Дороги большие и не имеют линии “психологической”, в них сухая рациональная логика. Лощины осушены и края дорог ровные, как прямой угол. Река плывет послушно, ее берега голые. Пастбища пошли под луг – скота нет на полях, он закрытым стоит в сараях. В лесах деревья стоят одно в одно, как солдаты в строю. Вместе с чащей исчезли и птицы, потому что они не нужны. Лягушки не кричат на болотах, а аиста как вредителя застрелил охотник. А дома, словно бельмом слепых глаз, пляются низкими бляхами крыш и краснеют красным кирпичом стен, как бы стесняясь людей. А культурные люди не пестрые, как цветы на лугах, а одетые в черное, грустные, живут сейчас, как собаки, не имея вокруг чего-то, чему можно смеяться.

Но одно следует отметить: город есть в большой мере творцом того духа, который

предопределяет природу села. Город является сосредоточием культуры, это демократический дух уравниловки и современные средства коммуникации.

Из города в деревню слепо переносится стиль строительства, одежда; одежда не подходит для работы в сельском хозяйстве, а неуместность построек городского типа в селе видна каждому, видящему в чистом поле склад кирпичей. Из города в местечки все чаще перебазируются фабрики. Приносят они с собой дым, шум, пыль и зрелища домов, похожих на тюрьмы. Этот современный молох – производство, скоро истребит многие виды животных, нужных ему из-за перьев и меха, выбросы в реку отравят рыбу и даже птицу, разгуливающую по берегам; фабричные дымы губят не только легкие человека, но и растительность. Настоящий же вред приносят каменоломни и турбины. Они проникают в заповедники природы, в сердце гор, уничтожают их тишь и величие; прекрасные скалы превращаются в щебень; удивительнейшее явление – водопад – измеряют в лошадиных силах и делают предметом торга. Когда-то вода, вернее сила, производимая нею, заменит черный уголь, и хоть каким-то утешением послужит то, что она избавит нас от угольного дыма, который портит не только землю, но и солнце.

Наконец, еще один компонент, в котором Джон Рескин видел главный источник зла для природы – железные дороги. В этом смысле великий мыслитель был того же мнения, что и те простачки, которые при первом появлении локомотива считали его огненным возом, на котором должен приехать антихрист. Железная дорога из всех дорог меньше всего уживается с природой. Ее полотно – это не легкая линия полевой дороги, подчиняющаяся окрестному пейзажу, она пересекала ландшафт как шрам лица, как черта на холсте картины. Приносит она в природу признак чужеродности, нечто будто возникшее вне логики. И больше всего это бросается в глаза там, где природа еще не сильно изменена человеком. В таких местах движение поездов кажется

чем-то нахальным и грубым, нарушающим ритм жизни. Но эти видимые признаки, хотя и очень немилые, еще не так существенны в сравнении с духовной сутью демона эпохи.

Промышленный дух учит оценивать все с точки зрения экономического интереса; богатая, задающая тон, промышленная буржуазия называет это культурой. Частные признаки, индивидуализм местности и обычая стирается, утрачивается прелесть разнообразия. Наконец, весь мир становится моделью города, где живут в серых домах, где индивидуальность и красота не присутствуют, так как им отведено место в музеях. Не ту ли роль музеев для Европы выполняют сейчас Италия и Швейцария?

Но может, это только новый, обусловленный обстоятельствами способ использования красоты? Мы видели, что этой красоты сейчас не хватает, и видим, как та самая культура уничтожала эту красоту. Как же решить это парадокс? Может, той идеей музеев и резерваций, как бы святынь природы, где, оторвавшись от серой пустыни, паломничают люди, жаждающие и тоскующие, чтобы поднять дух и омолодить тело... Пойдем и увидим... Парадокс, о котором говорили, есть ничто в сравнении с тем, о чем сейчас пойдет речь. Итак, не экономика, не рост населения и нехватка пахотной земли, не промышленность и коммуникации, не пар и электричество являются наибольшими врагами природы – злейшим врагом ее есть ее “поклонник”.

Живой силой культуры обладают люди, которые приносят человечеству новые идеи. Но когда идею принимают, на нее бросается толпа рвачей и делает из нее модные лозунги.

Из идеи уходит дух, остается только пустая форма. Но как раз тогда идея в глазах толпы становится “культурой”. Тогда именно она, разрекламированная, вынесенная на торг, дорастает до фетиша. Очередь наступила и для красивой, полной свежести и силы любви к природе. Вынесенная на торг, как мода, в жизни она привилась под двумя лозунгами: “сделай природу кра-

сивой” и “сделай ее доступней”! Сами по себе лозунги те невинны и могли бы быть даже полезными, но в исполнении стали опасными и часто убийственными для идеи. Произошло это прежде всего в странах, где наиболее сильна промышленная буржуазия. Этот класс, кстати, обладает наименьшей в обществе культурой. Этот класс порвал с традициями гражданской сферы, из которой вырос, с традициями, которые, имея свою давность и стиль, имели благодаря этому настоящую культурную ценность; как же, они ведь напоминали буржуазии ее низкое происхождение. Лишившись одной культуры, буржуазия иную не приобрела. Культуру заменила мода без стиля, космополитическая как торговля – шаблон общего образования, которое порядочному человеку иметь надо обязательно. В таких буржуазных обществах банальность разделяется всевластно; тут каждая новая идея схватывается как изобретение промышленное и стаскивается на уровень банальщины, без прежнего духа, и все это происходит под лозунгами культуры. Под такими лозунгами тогда началось делание природы красивой и доступной. Без сомнения, в природе испорченной немало можно было бы сделать более красивым, хотя бы вернуться на путь к прежнему состоянию, но буржуазные глашатаи сделали иное – придумали искусственные скалы и гроты, поэтические названия и смотровые башни. А если буржуй за свои деньги мог позволить себе прочувствовать особо тонко природу, он выкладывал в лесу поляны терракотовой плиткой, строил на скале святиню богу Одину или Вальпургиям. К таким результатам привело проникновение в природу человека.

Люди, в восторге от красот природы, хотели поделиться своими чувствами с другими людьми, начали облегчать доступ к этим красотам, строить тропы и дороги, сооружать кемпинги. “Рвачи”, разумеется, поняли, что дикая природа должна быть красивой, потому что этого требует дух времени; хватило их также на то, чтобы за свои деньги встретиться один на один с приро-

дой, для этого нужно взять ботинки с гвоздями, опоясаться веревкой, покрыть голову шапкой с пером, картинку заканчивали рахитичные голые колени. Культура при помощи портных создала именно такой образ человека, приблизившегося к природе.

Спорт спортом, а человеку нужен комфорт. Кемпинги превратились в отели, чему шинкарский бизнес охотно помог. Итак, это становится интересом высшей культуры, если любование дикой природой приносит барыши владельцам отелей. На тропках поставлены дорожководы, дороги превращены в конфеты и, наконец, как бы венчая достижения века пара и электричества, инженерная мысль сделала чудо – проложила железные дороги среди горных вершин. Также когда-то и простой человек может к удовлетворению демократического духа времени представить интерес: кельнер отеля, обегающий за пиво все пороги и возвещающий голосом кондуктора о восходе солнца, старый пастух, при такой okazji играющий на дудке, крестьянин или пастор, сменивший свою примитивную работу на более культурную – брать налог с туристов, желающих побывать на его территории, либо за то, что он открывает двери сооружения, которым обстроено водопад и освещая тот же водопад за дополнительную плату. Вот это и есть идея *du promeneur solitaire*, идея обновления духовного на лоне природы, овеществленная культурой караван-сараями альпийских отелей, это те “*ergangene Gedanken*” Ницше.

Один человек говорил: “брось свою еду невольнику”, здесь культура делает то же самое. Вот что сделано из источников здоровья и силы, из мест, в которых должна была закалиться воля, из уединения, где дух должен возвращаться сам в себя для того, чтобы найти самого себя... Природа как женщина любит воинов, хочет каждый раз быть добытой заново. В противном случае скрывает свои сокровища. Наикрасивейшие горы испоганены обывательской культурой и становятся малоценной грудой. Единственное удовлетворение – это возможность сказать, что ты там был. Филистеры под-

писываются на всех камнях, не оставляя чистого уголка, а настоящие любители природы, которые этот поток начали, подобны тому ученику волшебника, который неосторожно выпустил сатанинские силы и ничего не может с этим поделать. И сейчас человек зря ищет уединения на природе, везде его преследует гам и шум филистеров, везде встречаются их следы, хвастливые надписи, банки от сардин, порванные газеты и разбитые бутылки. И вот такая обывательская культура насмешливо триумфирует над наивными романтиками.

Парадокс того, что пропаганда любителей природы создает для природы наибольшую опасность, подчеркивает положение вещей, которые являются абсурдом, ничем не аргументированным. Если нечто, в данном случае горная природа, может служить либо для удовлетворения нужд высокоценных, либо для удовлетворения нужд малой ценности, а один способ применения исключает другой, тогда, для сохранения ценности этой горной природы, следует исключить применение другого. Никто ведь не будет из полотен Матейка шить мешки для муки. В случае с природой вещи, правда, не так очевидны, ведь ее невозможно оценить в деньгах. Тогда перед любителями природы встает задача эти ценности объяснить массе. Если можно убедить массу в любви к природе и тем самым создать для нее опасность, то не является делом безнадежным опасность ту устранить или же внушить массе, что только природа первозданная и вольная достойна любви. Против такой пропаганды выступают заинтересованные промышленники, приписывая интерес своего кармана так называемым интересам “богатства народного”. Также мясники ради интересов “богатства народного” выступали бы против выкидывания потребителями порченного мяса. В конце концов, трагедия даже с точки зрения хозяйственно-шинкарского не очень велика: крамары, которым не отпустили грехи и не пускают в костел, могут, однако, свободно толкаться перед его дверями.

Однако аргументы других грозящих

природе опасностей более существенны. Но и их нельзя рассматривать как окончательные. Как будто сильнейший из них называется “железная необходимость законов экономического развития”. О таких “железных необходимостях” в сфере дел человеческих слышали мы уже не раз, но они всегда оказывались путями, которые на себя добровольно накладывает мысль и воля. Итак, отталкиваясь от необходимости, сельское хозяйство уничтожает красоту нашей деревни, необходимость та существует до тех пор, пока мы придадим в нашем сердце этой красоте достаточно высокую цену. С этой минуты необходимость отпадает. И не для того, чтобы перед лицом этой новой ценности уменьшить темпы развития сельского хозяйства, а как оказывается, сельское хозяйство может просто развиваться по другим направлениям, чтобы перемены не были такими губительными. Конечно, природа и село не будут такими, какими были, но тысячи лет они не претерпевали таких перемен; в рамках культуры речь идет не о самом факте изменения, а о качестве того изменения. Может быть, такие изменения линии экономического развития будут что-то стоить, но все, что делает человек, что-то стоит, лишь бы итог был положительным – а это зависит от тщательной оценки всех составных. Вопрос, в чем человек ищет счастья, вопрос этический, важно, чтобы тем ценностям этическим придавал он такую ценность, чтобы они перевесили баланс на свою сторону. И не следует судить, что здесь нужны чрезмерные перемещения по шкале оценки, оказывается, что много красоты можно иметь даром, за цену лишь символическую, заплатив любовью к красоте. Подобно обстоят дела с промышленностью. Сколько “железных необходимостей” выдвигалось против сокращения промышленности ценою средств предосторожностей или обеспечения рабочих, или запрещением детского труда. И все же промышленность понесла те затраты, понесла она их в тот момент, когда в оценке массы и рабочего те вещи набрали такую цену, что она уравнивала баланс затрат и прибыли

ли. Понесла эти затраты и выдержала. Точно также должна будет понести затраты на те системы, которые направлены на охрану земли, здоровья людей, жизни животных и растений. И выдержит эти затраты. И вновь это лишь такая перемена в воле человека, когда одному закону противопоставляется новый, более гуманный. И так, все от такой перемены воли зависит, нужно, чтобы настоящие любители природы, люди, создающие культуру, приняли на себя руководство идеей охраны природы.

До недавнего времени, когда кто-то об этом говорил, его называли романтиком. Особенно у нас. Очень часто мы равняли жизнь на литературу; из литературного направления романтизма сделали мы какое-то направление жизненное и делали из жизни маскарад, как в литературном журнале. Когда наступила в литературе другая мода, а место поэта занял инженер, маски изменились, на место комедианства романтизма пришла пора комедианства трезвости. Разделилось оно на комедианство лукавых и наивных. Если кто хотел нажиться, надевал на себя маску и объявлял, что делает это для общественного добра, ведь общество должно состоять из людей зажиточных.

А если кто-то покажет на других в качестве примера, на “трезвые” народы, то, к счастью, можем на них и сослаться: все “трезвые” народы европейского запада за последний десяток лет укрепляют и создают новые законы и институты, имеющие целью охрану природы. Охрана природы – это последний и наиболее характерный компонент того большого культурного течения, которым мы занимаемся, разглядывая отношение современного человека к природе.

Если мы зададимся целью воссоздать генеалогию идеи охраны природы, неизвестно, следовало бы нам искать очень далеко или очень близко. Ведь человека с творениями природы соединяли многочисленные и различные узы, и он всегда старался охранять те из них, от которых был зависим. Но не там следует искать истоки идеи. Идея охраны природы начинается там, где

охраняющий знает, что делает это ни для материальных целей, ни ради связанной с творениями природы чужой ему, исторической или другой ценности, а ради самой природы, для нахождения в ней идеальной ценности. Примеры такого отношения множатся и начинают приобретать форму характерного явления в то время, когда, с одной стороны, усиливаются чувства человека к природе, а с другой – условия экономической жизни создают новые опасности. Тогда начинается пропаганда идей. Эту идею развивали люди известные и славные, и среди первых – Джон Рескин. Правда, еще чаще это были неизвестные создатели.

Первые плоды предстают в виде участвовавших случаев охраны природы, как в заповедниках, так и в частных владениях. Только на такой основе начинается деятельность систематическая: идея начинает общаться к общественной жизни, создавать себе организацию, сначала, конечно, в форме добровольных объединений. Часто организации, существующие для иных целей, тоже занимаются охраной природы. Так, товарищества “по улучшению” пейзажа сменяют свое направление, прямо формируя иногда в товарищества “по охране природы” окрестностей – это характерная черта духа времени; товарищества природные и научные объединения становятся главными инициаторами, либо также и главными органами охраны природы (так, например, первая инициатива у нас у товарищества им. Коперника).

Так как отношения человека с природой разнообразны, то и мотивы охраны природы могут быть разными. Собственно, в каждом случае наблюдается свой мотив. Перевес определенных мотивов придает организациям и законодательству разных районов характерные черты. Так, в прусской организации на передний план выходит естественно-научный мотив. В “Правилах”, регулирующих деятельность органов по охране памятников природы, читаем следующее определение понятия “памятники природы”: “под памятниками природы следует понимать особенно характер-

ные творения природы родного края, прежде всего такое, которое находится на своем родном месте, будь то частью ландшафта, либо памятником растительного или животного мира”.

Конвенц эти расплывчатые определения комментирует так, что речь идет прежде всего о тех творениях, которые являются памятниками и свидетелями природы первозданной, а уж затем “памятниками” в собственном значении. Несмотря на то, что признана за ними ценность эстетическая и историческая, все же ценность природная преобладает заметно. Иногда это утрируется, и ценность природы сводится до уровня музейных экспонатов. В местных комиссиях берут участие прежде всего товарищества природные. В Баварии, наоборот, в Краевом отделе опеки над природой аж три товарищества артистов и одно товарищество инженеров. Законы Ольденбурга определяют памятники природы как характерные творения природы, сохранение которых с точки зрения природной, исторической или их красоты – в интересах собственности. Французское положение 1906 г. объясняет, что охране подлежит “собственность земельная, сохранение которой может, в зависимости от живописности и ценности артистической, лежать в интересах общества”. Тут взгляд эстетический может быть решающим. В состав комиссий департаментских входят особы, также выбранные советом генеральным “из сфер артистических, научных и литературных”. Охраны памятников природы, имеющих исключительно естественно-научное значение, во Франции не существует. Наконец, третьим мотивом охраны, который в некоторых организациях выступает как решающий, есть мотив чувственно-патриотический, т. е. взгляд на сохранение любимых, присущих родной земле черт. Тут нет значения, имеет ли какое-то творение природы ценность эстетическую или растение и животное есть редкостью, которое во что бы то ни стало надо сохранить для памяти. Также не обязательна какая-то историческая ассоциация с творением природы, тут имеет значение

традиционная черта, характерная для родной земли, которая стала частью наших чувств. Конечно, не только природа имеет эти черты, но и дела человеческие: дом, одежда, обычаи. Товарищества под названием “Охрана родной земли” и центральный немецкий “Союз для охраны родной земли” сильно подчеркивают в своих уставах дела охраны природы. Мотивы, руководящие акциями этих товариществ, чрезвычайно популярны и понятны, поэтому, может, в деле охраны природы они выходят на первый план. За неимением общенемецкого товарищества, посвященного исключительно целям охраны природы, “Союз охраны родной земли” выполняет его функции, среди прочих это именно он устраивал второй международный конгресс по охране ландшафта в Штутгарте. Уже на предыдущем, Парижском конгрессе, французы познакомились с понятием “Heimatschutz”, а забавно то, что, задавшись целью прижить это у себя и за неимением соответствующего выражения во французском языке, ответственные лица хотели принять немецкий термин; дело, имеющее патриотический сентимент, должно было получить чужое название, непонятное массе, причем взятое из языка вражеского народа.

Первоочередную роль в охране природы играют чувственные компоненты очень сложной природы. Их отличительной особенностью было бы не привязывание к уголку родной земли, который хотелось бы сохранить как нетронутую природу, а присущее им чувство эстетики и еще более особенный сентимент к дикой природе, характеризующий отношение современного человека к природе.

Без понимания этого нельзя понять должным образом отношения современной культуры к природе, а также и дело охраны природы. Кроме различных аргументов реальных, которые стоят за этим делом, существует также, если можно так выразиться, метафизическая сторона, скрытая и все же решающая сторона чувственная. Двигателем каждого поступка есть чувство, все

разумные причины – второстепенны. Однажды среди сторонников Татранского товарищества происходил такой разговор: “Пан бы хотел, чтобы в Татры никто не ходил?” – говорил кто-то из старшего поколения эпохи “делания доступными” Татр кому-то из молодых членов. “Было бы из-за чего там ходить” – отвечал тот. Вспоминаются слова Виткевича: “Ценность пустыни состоит в том, что она пустыня”.

Все это имеет практическое значение: сохранение в Татрах первозданной природы есть накопление их ценности. Нет в Средней Европе другого места, которому бы в такой степени оставляли столь много черт первозданности и которое столь бы на это заслуживало. Ценность такого места возрастает с каждым днем, в этом направлении идет развитие. Только люди понимают такие вещи поздно.

Там, где в игру вступают побуждения чувственные, классификацию провести невозможно: причины создания заповедников – очень разнообразные. Примером заповедника, созданного из чувственных эстетических побуждений является долина Изары возле Монахиума, он создан благодаря пожертвованиям общественности для сохранения этой местности от застраивания промышленными предприятиями.

Большинство народа считает правильным, если собственник не застраивает своей земли некрасивым и оскорбляющим чувство эстетики широкими кругами способом. Над тем самым законом в 1909 году проводились дебаты на конференции, созванной органом по охране природы. Обосновывая общественный интерес в ограничении собственности законом, референт использовал такие аргументы: закон, дескать, лишает собственника плодов, или их части, результатов его тяжелого труда и все это из-за каких-то эстетических ценностей, иногда мало понятных, но, с другой стороны, эти самые ценности, т. е. природные красоты, никто заработать не может – их сотворила сама природа.

Закон стремится к тому, чтобы отдельные люди или группы людей не уничтожа-

ли общих ценностей и добра, преследуя свои цели. А в основе вещей имеются вопросы не только красоты и эстетики, но и важные ценности общественно-хозяйственные, и даже еще более важные ценности этические и народные. Не говоря уже о том, что уничтожение пейзажей из личных интересов может сдержать наплыв отдыхающих и туристов, они потеряют радость в отдыхе и, соответственно, это скажется на их труде. Но это еще не все. Утрата этих ценностей отразится на всей духовной жизни, пострадает моральный баланс, в сердцах посеются семена неудовлетворения и горечи. Оторванная от своих корней природа не вдохновит мысль и глаз. Поблуднеют и станут равнодушными любимые черты родной земли и, вместе с тем, ослабнет сильнейшая связь человека с природой.

Без сомнения, красота ландшафта не создает добрых и привязанных к стране граждан, нужны еще и иные причины, например, нормальный экономический быт, но нельзя и преуменьшать значение тех ценностей, которые не покупаются за марки и пфенинги. Если закон нацелен на обеспечение духовного здоровья и более полного ощущения радости в жизни, то нельзя утверждать, что он имеет ввиду лишь интересы красоты и эстетического чувства, но скорее, служа наивысшим этическим целям, служит в полном смысле этого слова и интересам “народным”. Это те аргументы, которые сегодня еще кажутся парадоксальными, а, может, и никогда не будут понятными. И все же, это законодательство и это, без сомнения, знаменательная черта нашего времени.

Культура вышла из природы и долго носила в себе ее черты, а потом повернулась против нее. И когда под современным лозунгом “охраны” намереваются с ней помириться, то обновленная природа не будет уже тем, чем была ранее: будет она, несомненно, носить черты создания культуры. Только, будем надеяться, культуры не обывательской и варварской, которая из любви к природе сделала себе модное пла-

ть, либо поняла ее как источник новых богатств шинкарского толка, а культуры настоящей, внутренней культуры сердца и духа. Лозунг возвращения к природе – это

не лозунг отречения от нее – это лозунг борьбы настоящей с псевдо-культурой, это лозунг борьбы за наивысшее культурное счастье.

Этические правила отношения к природе

Пол Тейлор

Если нравственная личность занимает позицию уважения к природе, она принимает систему нормативных принципов и обязуется их соблюдать. Эти принципы включают как стандарты добродетельного характера, так и нормы правильного поведения. Отношение уважения к природе воплощается или выражается в характере и поведении личности в той мере, в какой ее характер соответствует стандартам, а действия отвечают правилам. То, насколько человек признает этические требования, выдвигаемые этими стандартами и правилами, и считает себя обязанным подчиняться им, вполне можно считать тестом на искренность и глубину приверженности этим принципам.

Прежде всего, следует отметить, что излагаемые ниже правила – это принципы, выражающие различные типы долга. Эти принципы сами по себе не всегда точно устанавливают, что конкретная нравственная личность должна делать в данных конкретных обстоятельствах с учетом всех конкретных условий. Иными словами, правила долга говорят нам, какие общие виды действий мы морально обязаны осуществить или воздержаться от осуществления. Такое правило предполагает, что мы берем на себя обязательство совершить или не совершать конкретное действие данного вида, при условии, если нет другого, противоположного, долга, более важного и жесткого, а по-

тому превосходящего данный. Однако при отсутствии такого противоположного долга правило четко определяет, как мы морально обязаны поступать или не поступать в данных конкретных обстоятельствах.

Если к данной ситуации приложимы несколько противоположных правил, то мы сталкиваемся с конфликтом обязательств. Следуя одному правилу, мы нарушаем остальные. И тогда мы не знаем, как нам следует поступить с учетом всех обстоятельств. Для того, чтобы решить, какое же действие мы должны совершить в данных обстоятельствах, нам нужно выяснить, какая из открытых для нас альтернатив имеет под собою самые весомые моральные основания, то есть мы должны знать, какое из обязательств, в данном случае противоречащих друг другу, имеет высший приоритет по сравнению со всеми остальными.

Это устанавливается путем упорядочения правил соответственно набору принципов приоритетности. На основе этих принципов мы можем вынести хорошо обоснованное суждение относительно того, какое именно обязательство, или долг имеет наибольший вес по отношению ко всем остальным в заданных обстоятельствах.

Если правила действующей системы этики охраны природы, или экологической этики, вступают в противоречие с правилами действующей системы человеческой этики, – это второй уровень конфликта обязательств. В таких случаях, если мы выполняем наш долг перед животными и растениями природных экосистем, мы не можем выполнить наших обязательств перед братьями по разуму, а выполняя последние,

Опубликовано: Taylor P. Respect for nature: a theory of environmental ethics. Princeton Univ. Press, 1986. P. 169-192. Перевод с английского Е.Б. Мигуновой. Печатается с сокращениями.

мы не можем сделать того, что требуется от нас для блага остальных живых существ. То есть, если даже мы и разработаем приемлемое упорядочение правил этики уважения к природе, нам все же придется принимать решение относительно того, каковы же приоритеты между нею и нашими обязательствами в сфере человеческой этики. Поэтому в ходе дальнейшей дискуссии нам следует помнить, что в определенных обстоятельствах долг нравственной личности перед людьми может оказаться более весомым, чем любое из обязательств, приводимых ниже. Тот факт, что наш долг – не наносить ущерба животным или растениям в природных экосистемах, не означает, что, с учетом всех сложившихся условий, мы вообще никогда, ни при каких обстоятельствах не должны совершать подобного. Он означает только, что мы не должны так поступать без веской моральной причины, которая превосходила бы то обязательство, от выполнения которого мы вынуждены были воздержаться. Такая причина может вытекать из принципов приоритетности внутри системы этики охраны природы или из приоритета более высоких принципов, превосходящих и экологическую, и человеческую этику.

Теперь я изложу и поясню четыре правила долга в сфере этики охраны природы. При этом я не намерен приводить исчерпывающее изложение каждого весомого долга этики уважения к природе. Вообще сомнительно, возможно ли полное перечисление таковых. Однако, как бы там ни было, я полагаю, что обязанности, приводимые ниже, включают те наиболее важные случаи, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Далее, что касается принципов приоритетности, я считаю, что во всех ситуациях, не описываемых ясно или однозначно этими правилами, мы должны полагаться на наше отношение уважения к природе и биоцентрическое мировоззрение, которые совместно являются основой системы как единого целого и составляют ее суть. Правильные действия – это всегда такие действия, которые выражают нашу

позицию уважения, независимо от того, охватываются ли они нижеприведенными четырьмя правилами, или нет. Кроме того, это должны быть действия, которые могут быть одобрены в свете различных компонентов биоцентрического мировоззрения.

Наши четыре правила имеют следующие наименования: (а) Правило “Не Навреди”; (б) Правило Невмешательства; (в) Правило Верности; (г) Правило Справедливого Возмещения Ущерба.

(а) Правило “Не Навреди”. Это долг не наносить никакого вреда или ущерба никакому существу в окружающей нас природной среде, имеющему собственное добро, или благо, само по себе. Он включает обязанность не убивать ни один организм, не разрушать популяции какого бы то ни было вида или биотические сообщества, а также обязанность воздерживаться от любых действий, могущих оказаться губительными для организма, популяции вида или биотического сообщества. Наиболее тяжелым злом в этике уважения к природе, пожалуй, следует считать нанесения вреда тому, кто (или что) не вредит нам.

Концепция “не навреди” понимается здесь только как неосуществление или намеренное воздержание. Это правило определяет отрицательную обязанность, требующую, чтобы нравственная личность воздерживалась от определенных видов действий. Оно не требует осуществления каких-либо действий, таких, например, как предотвращение возможного ущерба тому или иному существу или облегчение его страданий. Такого рода действия точнее подпадают под рубрику принесения пользы существу путем защиты его собственного блага или содействия ему.

Правило “Не Навреди” запрещает пагубные или разрушительные действия со стороны моральной личности. Оно не относится к поведению животных или деятельности растений, могущих принести вред другому живому существу или привести к его смерти. Предположим, к примеру, что мохноногий канюк внезапно атаковал полевую мышь и убил ее своими ост-

рыми когтями. Ничего аморального не случилось. Хотя поведение канюка и можно рассматривать как преднамеренное действие, оно не является действием моральной личности, а потому не подпадает под действие Правила “Не Навреди”. Канюк не нарушает никаких обязательств, поскольку он не имеет никаких обязательств. Рассмотрим, далее, виноградную лозу, которая постепенно, с годами, обвивает дерево и в конце концов губит его. Жизнедеятельность виноградной лозы, включающая и целенаправленные движения, но, конечно, не преднамеренные действия, – это не нравственный проступок. То, что лоза губит дерево, не может быть оценено с точки зрения морали, поскольку не является действием морального агента.

А теперь, для сравнения, рассмотрим следующий случай. Сокольный ловит сокола-сапсана, тренирует его, учит охотиться, ловить и убивать диких птиц под его руководством. Здесь мы имеем человеческое поведение, направленное на управление и манипулирование живым организмом для собственного удовольствия – соколиной охоты, – наносящего вред другим диким животным. Совершается зло, – однако не соколом, хотя именно он совершает убийство, и хотя убиваемые им птицы являются его естественной добычей. Зло по отношению к этим птицам совершает сокольный. Ведь не действия же сапсана нарушают правило долга, а действия того, кто сначала поймал его, держал в неволе, обучал, и кто теперь использует его для развлечения. Эти действия, следует добавить, нарушают также и Правило Невмешательства, поскольку сокола изъяли из его естественной среды обитания. Обратимся же теперь ко второму правилу долга.

(б) Правило Невмешательства. Под это правило подпадают два типа негативных обязательств: одно требует воздерживаться от каких-либо ограничений свободы отдельных организмов, второе касается общей стратегии “руки прочь” в отношении целых экосистем и биотических сообществ, так же как и индивидуальных организмов.

Что до первого типа обязательств, то свобода есть отсутствие ограничений, где ограничение есть любое условие, препятствующее нормальной жизнедеятельности и здоровому развитию животного или растения или затрудняющее их. Живое существо свободно в этом смысле, когда в его жизненной обстановке и деятельности нет ни одного из четырех видов ограничений, могущих ослабить, ухудшить или разрушить его способность успешно приспосабливаться к окружающей среде. Быть свободным – значит быть свободным от этих ограничений и свободно добиваться собственного блага (добра) согласно законам своей собственной природы. Ниже приведены четыре типа ограничений с примерами:

(1) положительные внешние ограничения (клетки; ловушки);

(2) отрицательные внешние ограничения (отсутствие воды или пищи);

(3) положительные внутренние ограничения (болезни; проглоченные яды или впитанные/поглощенные токсические вещества);

(4) отрицательные внутренние ограничения (слабость, недееспособность вследствие повреждения органов или мышц).

Мы, люди, ограничиваем свободу животных и растений, либо непосредственно налагая какие-либо из этих ограничений, либо внося такие изменения в среду их обитания, которые в дальнейшем действуют как ограничения. В любом случае, поступая сознательно подобным образом, мы виновны в нарушении Правила Невмешательства.

Второй вид обязательств, подпадающих под это правило, – это дать возможность всем диким живым существам жить на свободе. Свобода здесь понимается не как отсутствие ограничений, а просто как возможность вести существование в естественном, природном состоянии. Что касается индивидуальных организмов, это обязательство требует воздерживаться от их ловли и изъятия из естественной среды обитания, как бы хорошо мы в дальнейшем ни обраца-

лись с ними. Мы нарушаем правило невмешательства, даже если “спасаем” животных от естественной опасности или восстанавливаем их здоровье, если они заболели в природной среде обитания. (Это обязательство, однако, не нарушается, если мы совершаем подобные акции с намерением вернуть животное обратно в природу как можно скорее и выполняем это намерение.) Если, например, мы выкапываем молодые цветущие деревца, изымая их из природной экосистемы, и пересаживаем их в культурный ландшафт, мы нарушаем этим Правило Невмешательства, если даже мы в дальнейшем хорошо ухаживаем за ними, что позволяет им быть здоровее и жить дольше, чем они жили бы в естественных условиях. Мы совершили зло, не дав им возможности прожить свою жизнь на свободе. Во всех подобных ситуациях мы вмешиваемся в жизнь природного мира и прерываем существование организма как дикого существа. При этом не имеет значения, что наше обращение с ними может сделать их более крепкими, способствовать их росту, повысить их шансы на долгую, здоровую жизнь. Нарушая их статус дикого животного или растения, наше вмешательство в их жизнь означает полное отрицание их естественной свободы. Поэтому, какими бы “благодетельными” ни казались наши действия, мы делаем то, что Правило Невмешательства запрещает нам делать.

Однако еще более глубинной важностью обладает долг невмешательства в применении к свободе популяций целых видов или биотических сообществ. Запрет вмешательства в жизнь таких сообществ означает, что мы обязаны не пытаться манипулировать, “управлять” природными экосистемами, контролировать, изменять их или любым другим способом вмешиваться в их нормальное функционирование.

Для любой популяции определенного вида свобода – это отсутствие человеческого вмешательства в какие бы то ни было природные процессы, аналогичные законам природы, благодаря которым популяция сохраняет себя от поколения к поколению.

Свобода для биотического сообщества в целом – это отсутствие человеческого вмешательства в какие бы то ни было природные процессы, аналогичные законам природы, благодаря которым все составляющие это сообщество популяции природных видов подвергаются изменяющимся во времени экологическим воздействиям со стороны друг друга. Долг невмешательства – это долг уважать свободу биологически и экологически организованных групп природных организмов, воздерживаясь от каких бы то ни было видов воздействия. Опять-таки, этот долг сохраняет силу и в тех случаях, когда вмешательство мотивировано желанием “помочь” выжить популяции того или иного вида или “исправить природный дисбаланс” в биотическом сообществе. (Попытки сохранить виды, находящиеся под угрозой исчезновения в результате почти полного истребления прошлым человеческим вмешательством в природу, и попытки восстановить экологическую устойчивость и равновесие экосистем, нарушенных прошлой человеческой деятельностью, представляют собою случаи, подпадающие под действие Правила Справедливого Возмещения Ущерба и могут быть этически правильными. Эти случаи будут рассмотрены в связи с названным правилом.)

Обязанность невмешательства, так же как и обязанность не вредить являются чисто отрицательными. Они не требуют от нас никаких действий относительно какого-либо индивидуального организма, либо группы организмов. От нас требуется только уважать их естественную свободу, оставив их в покое. Таким образом, как уже было сказано, мы позволяем им осуществлять свою собственную судьбу. Конечно, часть из них проиграет свою борьбу за существование в природной среде, другие пострадают от каких-то естественных явлений. Но что касается нашей роли как моральных существ, мы должны держать наши “руки прочь”. Строгим выполнением Правила Невмешательства мы демонстрируем наше глубокое уважение к целост-

ности природных систем. Даже если целая экосистема серьезно пострадает от какой-нибудь природной катастрофы (землетрясение, пожар, зажженный молнией, извержение вулкана, наводнение, продолжительная засуха и т. п.), наш долг обязывает нас не пытаться исправить положение. В конце концов, в течение всей долгой истории существования жизни на нашей планете естественные катастрофы (“катастрофы”, собственно, с точки зрения определенных организмов или их групп) всегда собирали свою дань в виде гибели многих живых созданий. Ведь и сам процесс естественного отбора постоянно приводит к вымиранию целых видов. После таких катастроф всегда происходит постепенная перестройка, возникают и налаживаются новые взаимоотношения между популяциями разных видов. Воздерживаясь от вмешательства в этот порядок вещей, мы выражаем наше отношение уважения к природе, поскольку таким образом мы отдаем должное признание процессу эволюционных изменений, составляющих “цельный рассказ” о жизни на планете Земля от самых ее истоков.

Эта общая стратегия невмешательства составляет суть принципа нейтралитета, беспристрастности. Мы, возможно, захотим помочь популяции определенного вида, потому что он нам нравится или может принести пользу. Но Правило Невмешательства требует, чтобы мы отбросили наши личные предпочтения или человеческие интересы с учетом того, как мы к ним относимся. Наше уважение к природе означает, что мы признаем самодостаточность природного мира для поддержания собственного устойчивого порядка вещей на всем протяжении (как временном, так и пространственном) жизни на Земле. Этот подход диаметрально противоположен антропоцентрическому взгляду на природу как на большой кусок собственности, которой мы можем пользоваться по собственному усмотрению.

В определенном смысле занимать позицию уважения к природным экосистемам, ко всем диким живым существам, ко всему процессу эволюции – значит верить, что в

природе все происходит правильно, природа не знает ошибок. Даже разрушение целого биотического сообщества или исчезновение вида не есть свидетельство какой-то ошибки или промаха. Если причины таких явлений – внутри самой природы, то ничего ненадлежащего не произошло. В частности, тот факт, что организмы страдают и умирают, не требует от людей каких-то корректирующих действий, если люди не имеют никакого отношения к причине, вызвавшей эти страдания или смерти. Страдания и смерть – неотъемлемые составляющие порядка вещей в природе. Поэтому, если в нашем современном мире целому виду угрожает неминуемая гибель, вызванная исключительно и только природными причинами, мы не должны пытаться приостановить естественную последовательность событий с целью спасения видов. Эта последовательность событий подчиняется действию законов, сделавших биотическое Сообщество нашей планеты тем, что оно собою сегодня представляет. Уважать это Сообщество – значит уважать законы, создавшие его.

Помимо этого уважения к самодостаточности и цельности естественного порядка вещей, Правило Невмешательства подразумевает и второй этический принцип. Это принцип беспристрастности нашего отношения ко всем видам, который служит как бы противодействием склонности людей отдавать предпочтение одним видам перед другими и пытаться вмешиваться от имени своих любимцев. Эта склонность проявляется по-разному. Во-первых, рассмотрим реакцию многих людей на отношения хищник-добыча в дикой природе. Наблюдая, как дикие собаки африканских равнин заваливают антилопу гну и начинают пожирать ее потроха, в то время как она еще жива, люди, конечно, испытывают сочувствие к жертве и антипатию к хищнику. Существует тенденция выносить какие-то моральные суждения, считать собак порочными и жестокими, а антилопу – невинной жертвой. Или возьмем ситуацию со змеей, прицеливающейся убить птенца в гнезде.

Змея считается злобной, а птенец – не заслуживающим такой жестокой судьбы. Даже жизнь растений рассматривается под таким же пристрастным углом зрения. Люди начинают тревожиться о большом дереве, “удушаемом” виноградной лозой. И так далее до бактерий и вызываемых ими болезней: люди почему-то всегда принимают сторону организма, страдающего от болезни, а не относятся к ситуации с позиций живой же бактерии внутри пораженного ее организма. Однако, если мы разделяем биоцентрическое мировоззрение и относимся с подлинным уважением к природе, мы остаемся строго нейтральными как к хищнику, так и к его добыче, к паразиту и питающему его организму, к возбудителю болезни и организму, страдающему ею. Принимать чью-либо сторону в такой борьбе, размышлять о таких случаях в терминах морали – несправедливое обращение жестоких животных или опасных растений с невинными жертвами – значит отказываться от чувства уважения ко всем без исключения живым существам дикой природы. Это значит – считать, что благо одних имеет более высокую ценность, чем других. Это несовместимо с основополагающей презумпцией отношения уважения: все живые существа в природном мире имеет одинаковую, изначально присущую им внутреннюю ценность.

Принцип беспристрастного отношения ко всем видам логически связан с Правилем Невмешательства. Из него следует, что мы не должны вмешиваться в естественный ход событий, чтобы способствовать благу одних организмов за счет других. Особенно важно в практическом смысле то, что долг обязывает нас не вмешиваться от имени тех созданий, которые могут оказаться полезными для нас. Когда мы достигаем объективного представления о порядке вещей в природе в целом, согласно нашему биоцентрическому мировоззрению, то отвергаем точку зрения, ставящую человеческие интересы и человеческие ценности в центр всех соображений. Уважать природу, – значит быть готовым принять пози-

цию каждого организма, независимо от вида, к которому он принадлежит, и рассматривать весь мир с точки зрения его блага. Ни один из них не вызывают у нас большей симпатии, чем остальные. В этом свете Правило Невмешательства может считаться воплощением морального отношения уважения к природе.

(в) Правило Верности.* Это правило касается только человеческого поведения по отношению к отдельным животным, находящимся в дикой природе, которые могут быть обмануты или преданы моральными субъектами. Обязательства, налагаемые Правилем Верности, хотя и в ограниченных пределах, так часто нарушаются столькими людьми, что правило это требует отдельного изучения как один из основополагающих принципов этики уважения к природе.

Под это правило подпадают обязательства не нарушать доверия, оказываемого нам диким животным (что ясно из его поведения), не обманывать, не вводить в заблуждение никакое животное, которое может таким образом быть обмануто или введено в заблуждение, оказывать поддержку ожиданиям животного, сформировавшимся на основании предшествующих действий личности по отношению к нему, и быть верным тем намерениям, которые стали понятны животному и на которые оно положилось или которым доверилось. Хотя мы не можем иметь взаимных договоренностей с дикими животными, мы можем поступать так, чтобы вызвать их доверие к нам. Основное моральное требование Правила Верности – чтобы мы не обманули этого доверия.

Самыми явными, самыми распространенными примерами нарушения этого правила являются охота, рыбная ловля, капканы. Ведь именно нарушение доверия является ключевым условием удачной охоты, особенно с ловушками и капканами, а также и рыбной ловли. Самое существенное

* Подробнее правило верности, разработанное П. Тейлором, описывается в предыдущем номере журнала (с. 73–77).

здесь – обман с намерением нанести вред. Поэтому, несмотря на имеющиеся веские причины заниматься этими видами деятельности, они должны быть осуждены этикой уважения к природе.

(г) Правило Справедливого Возмещения Ущерба. В самых общих выражениях это правило налагает обязанность восстанавливать баланс справедливости между моральной личностью и моральным субъектом, если последнему был нанесен ущерб этой личностью. Во всех таких случаях, когда поднимается вопрос о справедливом возмещении ущерба, личность, как правило, нарушает одно из существенных моральных правил, подрывая таким своим действием баланс справедливости между собою и моральным субъектом. Признать совершение такого действия – значит признать особое обязательство, взятое на себя данной личностью вследствие совершения этого проступка. Это обязательство и есть справедливое возмещение ущерба, требующее предоставления компенсации моральному субъекту в той или иной форме. Таким образом личность восстанавливает баланс справедливости, существовавший между нею и моральным субъектом до того, как было нарушено правило долга.

Набор правил, составляющих действующую систему этики, определяет подлинно нравственные отношения между моральной личностью и субъектом морали. Если каждая моральная личность выполняет свой долг перед моральным субъектом, а к каждому субъекту, в свою очередь, относятся надлежащим образом, тогда никто не обижен, никто не подвергается несправедливости. Как только правило произвольно нарушается, баланс справедливости склоняется в пользу субъекта морали, против личности; то есть личность с этого момента несет бремя определенной ответственности, а жертва получает право на особые блага, поскольку совершение личностью несправедливого поступка принесло ей незаслуженную выгоду, а субъекту – несправедливый ущерб. Чтобы привести пошатнувшееся равновесие обратно к норме, лич-

ность должна в какой-либо форме компенсировать субъекту этот ущерб.

Обсуждавшиеся до сих пор в этом разделе три правила долга могут быть поняты как определяющие моральные отношения справедливости между людьми и дикими живыми существами в природных экосистемах Земли. Эти взаимоотношения существуют и поддерживаются до тех пор, пока люди не причиняют вреда диким животным, не разрушают мест их обитания, не ухудшают окружающую их природную среду; пока люди не препятствуют свободе животных или растений и общей экологической взаимозависимости и взаимодействию; и пока люди не обманывают доверия диких животных для собственной пользы. Именно таким образом люди могут своим поведением выразить отношение уважения к природе, и в то же время признать внутреннюю изначальную ценность, присущую каждому живому существу. Соблюдаются также принципы беспристрастности по отношению к каждому виду и равногo отношения ко всем, так чтобы каждый моральный субъект был конечной целью сам по себе, а не средством достижения человеческих целей.

Далее, если моральная личность нарушает какое-либо из этих трех правил, она совершает несправедливость по отношению к кому-нибудь или чему-нибудь в природном мире. Такое действие нарушает равновесие между человечеством и природой, и на личности, совершившие это действие, налагается определенное обязательство. Это – обязательство, предусматриваемое четвертым правилом этики охраны природы, а именно – **Правилом Справедливого Возмещения Ущерба.**

Какие же специфические требования предъявляет это обязательство в конкретных случаях? Хотя для вынесения конечного суждения относительно того, какие именно компенсационные действия следует предпринять, необходимо знать подробные факты о каждом из таких конкретных случаев, мы все же можем сформулировать некие общеупотребительные принципы

справедливости среднего уровня. Эти принципы следует рассматривать как определяющие требования возмещения ущерба при нарушении любого из трех правил. Во всех случаях компенсационные меры принимают форму того или иного содействия или защиты блага (добра) живых существ в природных экосистемах.

При разработке этих принципов среднего уровня нам будет удобно разграничить конкретные случаи в зависимости от того, какому именно моральному субъекту был нанесен вред. У нас есть три возможности. Действие, нарушившее Правило “Не навреди”, Правило Невмешательства или Верности, может нанести вред индивидуальному организму, популяции вида в целом или всему сообществу. Нарушения правил в любом случае наносят ущерб индивидуальным организмам, поскольку мы можем навредить популяции или сообществу, только нанеся вред отдельным организмам в них (снизив таким образом средний уровень благополучия популяции или сообщества в целом). Первая из рассматриваемых нами возможностей, однако, – это нанесение вреда отдельным особям.

Если организму нанесен вред, но он остался жив, то принцип справедливого возмещения ущерба требует, чтобы личность компенсировала этот вред, вернув данный организм в условия, в которых он может добиваться своего блага таким же точно образом, каким он мог делать это до того, как ему причинили несправедливость. Если это невозможно осуществить в полной мере, то личность должна способствовать благу организма каким-либо иным образом, быть может, сделав его физическую окружающую среду более благоприятной для его дальнейшего благополучия. Предположим, с другой стороны, что организм был убит. В этом случае, согласно принципу справедливого возмещения ущерба, личность обязана компенсировать в той или иной форме вред, нанесенный популяции и/или сообществу, членом которого был убитый организм. Это будет естественным распространением уважения от отдельно-

го организма на его генетических сородичей и членов его экологического сообщества. Компенсация эта будет состоять в содействии благу данной популяции/сообщества или защите этого блага.

В качестве второй возможности рассмотрим такую возможность, когда целой популяции того или иного вида был нанесен вред в результате нарушения правил “не навреди” либо невмешательства. Типичная ситуация – когда значительная часть животных данного вида была убита из-за чрезмерной охоты или рыболовства на ограниченной территории. Одним из способов исправления причиненного зла представляется такой: виновные обязаны обеспечить постоянную защиту оставшимся особям данной популяции. Быть может, виновные могли бы внести средства в специальный фонд для приобретения данного участка земли и взять на себя ответственность за патрулирование данной территории во избежание человеческого вторжения.

Наконец, давайте рассмотрим такие обстоятельства, когда люди разрушили целое экологическое сообщество. У нас тут могут быть два типа случаев, каждый из которых требует той или иной формы возмещения. К первому типу относятся разрушительные действия, являющиеся злом не только потому, что они являются нарушением правил “не навреди” и невмешательства, они являются злом с учетом всех обстоятельств. Они не могут быть оправданы правилами ни экологической, ни человеческой этики. Ко второму типу относятся случаи, в которых действия требуются существенным правилом человеческой этики, хотя они и противоречат действующим правилам этики охраны природы. Даже если правило человеческой этики имеет больший вес, так что эти действия могут быть оправданы с учетом всех обстоятельств, все равно необходимо осуществить ту или иную форму возмещения на основе справедливости ко всем живым существам, имеющим изначальную внутреннюю ценность. Эта идея имеет силу также и в сфере человеческой этики.

Обязательство справедливого возмещения ущерба (как следствие Правила Взаимодействия) возникает в любом случае, когда нарушается одно из прочих правил человеческой этики. Даже если действие требовалось на основе более важного обязательства, к человеческому существу отнеслись несправедливо, и поэтому ему или ей следует компенсация. То, что такое действие было морально оправдано с учетом всех обстоятельств, не дает нам права игнорировать тот факт, что кому-то было причинено зло. Отсюда – справедливое требование возмещения. Таким образом, в этих наших рассуждениях, даже если разрушение биотического сообщества произошло вследствие исполнения требований человеческой этики, превосходящих правила этики охраны природы, возмещение нанесенного природе ущерба должно быть осуществлено в знак признания внутреннего достоинства того, что было разрушено.

Существует множество примеров того, как человеческая деятельность приводит к полному уничтожению биотических сообществ в природных экосистемах. Оправдано ли это действующими правилами человеческой этики или нет, но все такие действия подпадают под Правило Справедливого Возмещения Ущерба. Северный хвойный лес уничтожается во имя строительства курорта на берегу озера. Там, где была девственная пустыня с кактусовыми зарослями, осуществляется жилищное строительство. Яхт-клуб с пристанью заменил болотистый берег в зоне прибоя, где прежде кормились и возвращали потомство огромные множества моллюсков, ракообразных, насекомых, птиц, рыб, земноводных и млекопитающих. Луг, полный цветов, – как обычных, так и редких – уничтожается бульдозером, а на его месте вырастает огромный торговый центр. Склон горы полностью уничтожается открытыми горными разработками. Вместо прерии возникает зерновая ферма. В каждом из приведенных случаев, так же, как в неисчислимом количестве других, имеет место полное разрушение целых экосистем, ничем не ограни-

ченное насилие над сообществами животных и растений. Сообщества, которые, быть может, существовали десятки тысяч лет, сметаются с лица земли за считанные недели или дни, а бывает – и за несколько часов. Какая же форма компенсации может восстановить баланс справедливости между человечеством и природой? Что можно возместить сообществу, более не существующему? Но так же, как и в случае с отдельным убитым организмом, невозможность исправить нанесенный ему вред не освобождает от обязанности каким-либо образом компенсировать разрушение чего-либо, имеющего изначальную внутреннюю ценность.

Если в случаях, подобных вышеприведенным, должно осуществиться Правило Справедливого Возмещения Ущерба, то какие действия требуются и по отношению к кому? Здесь напрашиваются две возможности. Одна заключается в том, чтобы предоставить компенсацию другому биотическому сообществу в экосистеме того же типа, как та, что была разрушена. Если это северный хвойный лес, то организация или лицо, виновные в его разрушении, в долгу перед сообществом другого хвойного леса: они должны каким-либо образом способствовать его благополучию или поддерживать его. Быть может, они должны восстановить частично поврежденный участок хвойного леса (убрать наваленный там мусор, очистить загрязненный людьми протекающий там ручей, остановить дальнейшие загрязнения в виде кислотных дождей или иных атмосферных осадков и т. д.). Другая возможность – предоставить такую компенсацию участку дикой природы в любом регионе, где природа находится под угрозой в результате чрезмерной эксплуатации или потребления. Компенсаторные действия должны быть предприняты во имя биотического сообщества в любом уголке Земли, которое может подвергнуться повреждению или разрушению в случае, если не будут приняты меры по его защите. Такими мерами могут быть приобретение соответствующего участка земли и придание

ему легального статуса природного заповедника.

Предлагаемые принципы среднего уровня все вытекают из одного обширного Правила Справедливого Возмещения Ущерба: любая личность, причинившая зло или нанесшая ущерб какому-либо природному объекту, являющемуся моральным субъектом, обязана принести благо, компенсирующее нанесенный ущерб, либо данному, либо какому-либо иному моральному субъекту. Чем больше нанесенный ущерб, тем большая требуется компенсация для выполнения моральных обязательств.

Следует добавить, что каждый из нас, живущих в современных индустриальных обществах, имеет обязанность справедливого возмещения ущерба перед природным миром и его дикими обитателями. Мы все извлекаем неисчислимы выгоды благодаря широкомасштабным технологиям и передовым методам экономического производства. Как потребители мы не только с охотой принимаем все блага индустриализации, но и проводим большую часть нашей жизни, стараясь получить побольше этих благ для себя и своих близких. Мы – часть цивилизации, подчинившей себе природу и использующей ее ресурсы. Даже те, кто уезжают “на природу”, чтобы испытать “прелести дикой жизни”, вкушают блага современных передовых технологий. (Какие чудеса современной химии потребовались для создания пластмассовых и синтетических материалов, из которых изготовлены их рюкзаки, палатки, спальные мешки и разнообразные упаковки для пищевых продуктов!) Никто из нас не имеет права уклоняться от ответственности, связанной с нашим высоким уровнем жизни; все мы используем преимущества цивилизованного образа жизни для достижения наших индивидуальных целей и интересов. Поскольку эти преимущества становятся доступными для нас благодаря современной коммерции, индустрии и технологии, каждый из нас является потребителем и пользователем всего того, что природный мир может нам дать. Наше благосостояние постоянно рас-

тет за счет блага всех остальных обитателей Земли. Поэтому все мы должны внести свою лепту в сохранение и восстановление каких-либо территорий дикой природы для блага живущих там растительных и животных сообществ. Только тогда можем мы заявлять о нашем подлинном уважении к природе.

Правила, которые мы только что обсудили, предлагают нравственной личности четыре типа моральных требований относительно выбора ее поведения. Сами по себе они не диктуют личности, что ей следует делать в каждой конкретной ситуации с учетом всех обстоятельств. Они определяют только те характеристики действий, которые могут быть приняты в расчет нравственной личностью в качестве морально обоснованных соображений при решении ею вопроса о том, что следует и чего не следует делать. Если принятое ею направление действий обладает одной из этих характеристик, то личность морально обязана осуществить их (или, соответственно, воздержаться от их осуществления), если только в ситуации не возобладают более важные принципы, противоречащие первым. Таким образом, правила поведения обеспечивают основания за (или против) совершения действия, однако эти основания не являются морально достаточными. Морально достаточное основание может быть дано в том случае, если с учетом всех обстоятельств можно утверждать, что определенное действие должно или не должно быть совершено, поскольку все имеющиеся к нему отношение моральные характеристики признаны и взвешены надлежащим образом. Чтобы сделать такое утверждение, каждой характеристике необходимо приписать относительные веса в зависимости от степени их этической значимости. При этом встает такой вопрос: как же определить степень этической значимости?

Следует отметить, что здесь, как и прежде, мы принимаем во внимание внутренний порядок действующей системы экологической этики, пренебрегая в данном случае нормами человеческой этики, которые

могли бы в принципе быть приложимы к такому же набору обстоятельств. Я намерен локализовать источники конфликта между четырьмя рассмотренными нами правилами и предложить принципы приоритетности для разрешения таких конфликтов.

Начиная с Правила “Не Навреди”, следует прежде всего отметить, что обязанность не наносить вреда не может вступать в конфликт с обязанностью невмешательства. Наше воздержание от вторжения в природный мир не может принести вреда диким созданиям. Однако, соблюдение стратегии “руки прочь” может в определенных случаях означать, что мы даем возможность беспрепятственно развиваться естественным событиям, могущим нанести вред. Это не является нарушением Правила “Не навреди”, поскольку вред будет нанесен не нами. Обязанность не навредить является чисто негативной, запрещающей нам совершать вредоносные действия. Она не понуждает нас препятствовать нанесению вреда. Поэтому наше решение не вмешиваться в деятельность естественных сил природных экосистем не вступает в конфликт с обязанностью не наносить вреда.

Поскольку обязанности верности и справедливого возмещения ущерба могут вступать в конфликт с обязанностью не вредить, нам нужно теперь определить их относительные приоритеты. Принцип приоритетности, представляющий нам наиболее соответствующим отношению уважения к природе, отдает первый приоритет обязанности не наносить вреда по сравнению с обязанностями верности и справедливого возмещения ущерба.

Конфликтная ситуация между правилами верности и ненанесения вреда не представляет собою тот тип обстоятельств, когда люди вызвали в животных доверие к себе, а затем нанесли им вред. Ведь в таком случае будут нарушены оба правила. Примером конфликта между этими двумя правилами может быть следующая ситуация. Предположим, мы способствовали тому, чтобы дикие животные пришли жить в

национальный парк: мы создали в парке благоприятную для них окружающую среду и разработали свод правил поведения в парке, запрещающий охотиться, нарушать среду обитания животных и приставать к ним. Если эти условия, созданные нашими усилиями, приведут к тому, что один какой-нибудь вид чрезмерно разрастется, существенно нарушив этим баланс экосистемы в целом, не исключено, что нам придется переселять часть членов этого вида из парка, чтобы восстановить нормальный порядок функционирования экосистемы. В этом случае появляется необходимость нарушить доверие одних животных для того, чтобы не нанести вреда остальным. Такое решение данной дилеммы представляется оправданным, поскольку оно кажется предпочтительнее альтернативы оставить все как есть, допустив серьезный ущерб для всей экосистемы. Поэтому в случаях такого типа требование не навредить оказывается сильнее требования не обмануть доверия.

Второй возможный тип конфликтов – между правилами “Не навреди” и Справедливого Возмещения Ущерба. Прежде всего мы должны постараться приложить все усилия к тому, чтобы избежать таких конфликтов, выбирая такие методы возмещения ущерба, которые бы не наносили вреда животным или растениям. Как правило, обычные способы выполнения обязанности возмещения ущерба не вредят дикой природе. Мы имеем в виду очистку загрязненной реки, спасение вида, находящегося под угрозой, от полного уничтожения, отведение территорий под заповедники и убежища для диких животных. Непосредственное намерение и цель таких мер, естественно, – способствовать благу всех живых существ или защитить его, хотя при осуществлении этих мер возможны инциденты, способные причинить вред. Но обычно мы можем избежать конфликтов между обязанностями “Не навреди” и возмещения ущерба, если позаботимся об адекватных способах восстановления нарушений или компенсации нанесенного ранее ущерба. И все же возможны ситуации, когда конфликт ста-

новится неизбежным. В таких ситуациях мы отдаем предпочтение правилу “Не навреди”, поскольку в противном случае, пытаясь устранить или исправить зло, нанесенное ранее, мы будем продолжать наносить новый вред. Приведем пример, иллюстрирующий такую ситуацию. Имеется только одна территория, которую можно отвести под заповедник, способный стать убежищем для популяции определенного вида, которой мы нанесли ущерб в прошлом. Чтобы защитить этот вид, мы вынуждены убить нескольких хищников – естественных врагов данного вида на этой территории. Если никакой иной альтернативы не существует, мы не можем воспользоваться этим методом возмещения ущерба, нанесенного нами данному виду. Надо попытаться сделать, что возможно, для спасения его популяций в каком-нибудь другом месте, но в любом случае мы не имеем права благоприятствовать одному виду за счет других живых существ. Такой способ “управления” дикой природой не может быть оправдан. Правилу “Не навреди” отдается преимущество перед правилом справедливого возмещения ущерба.

Теперь давайте рассмотрим возможные конфликты между обязанностями не наносить вреда и не обманывать доверия. (Как мы уже видели выше, между обязанностями не вмешиваться и не вредить конфликта быть не может.) Здесь нашей первой моральной обязанностью снова будет воздерживаться от создания условий, когда животные начинают нам доверять, если таковые условия нарушают их свободу или налагают ограничения на жизнь других живых существ. При решении вопроса о том, где, когда, каким образом и при каких обстоятельствах доверие по отношению к людям со стороны животных разрешается создавать, необходимо руководствоваться *Правилем Невмешательства*. Однако в некоторых ситуациях мы можем столкнуться с необходимостью выбора – либо вмешаться в их жизнь, чтобы оправдать уже существующее доверие, либо нарушить это доверие и избежать вмешательства. Здесь, как

нам кажется, отрицательная обязанность не вмешиваться может иногда иметь высший приоритет по сравнению с долгом верности. Следующая ситуация может быть рассмотрена в качестве примера. Чтобы люди не жгли костров, не выбрасывали мусор в лесу, владельцы огородили свои владения забором, тем самым ограничив доступ туда мелких млекопитающих, которые привыкли кормиться там и выводить потомство. Если им не нанесен серьезный ущерб, хотя их свобода несколько ограничена, то такое вмешательство может быть оправдано сохранением веры животных в то, что лес по-прежнему остается безопасным и здоровым местом, где можно добыть пищу и вырастить семью. В конечном счете, решение будет зависеть от того, какую пользу это принесет рассматриваемым животным.

Общий принцип приоритетности, к которому мы прибегаем в подобных случаях, может быть сформулирован следующим образом. Если обязанность верности и невмешательства вступают в конфликт, первому отдается предпочтение в случаях, когда (а) вмешательство не причиняет никакого серьезного вреда; (б) сохранением доверия достигается значительное благо для животных; (в) без вмешательства невозможно оправдать доверие и (г) в сложившихся условиях вмешательство будет минимальным. С другой стороны, если какое-либо из этих условий не удовлетворяется, то такое действие не может быть оправдано.

Теперь мы обращаемся к возможности конфликта между обязанностями невмешательства и возмещения ущерба. Здесь я должен снова подчеркнуть, что обычно мы можем найти способы возмещения ущерба, которые бы не требовали вмешательства в жизнь диких животных. В качестве меры возмещения мы можем, к примеру, ввести закон, запрещающий свалки токсических отходов в местах обитания диких животных. Хотя это налагает определенные ограничения на человеческую свободу, но не ведет к ущемлению свободы всех остальных обитателей данной территории. Однако могут случиться и такие необычные об-

стоятельства, когда необходимо ввести определенные ограничения на жизнь диких животных, чтобы принести пользу тем, кого мы обидели в прошлом. Если при этом не причиняется никакого постоянного вреда, а получаемая польза значительна, то можно в таком случае считать обязанность справедливого возмещения ущерба более важной, чем невмешательства. К примеру, мы можем спасти жизнь множеству птиц, млекопитающих, рептилий, ограничив им доступ на территорию, где в землю просачиваются радиоактивные отходы. Такая защита может компенсировать разрушение их привычного места обитания из-за сооружения атомной электростанции.

И, наконец, случаются конфликты между обязанностями верности и справедливого возмещения ущерба. В обстоятельствах, когда такой конфликт неизбежен, возмещение ущерба получает больший вес. Мы, скажем, можем использовать обман, а также элемент неожиданности и измены, чтобы поймать живых зверей в ловушки с целью спасения вида, находящегося под угрозой. Так, несколько оставшихся в живых калифорнийских кондоров могут быть отловлены в порядке осуществления программы размножения в неволе для спасения всего вида от полного уничтожения. В настоящее время как раз дискутируется вопрос о том, будет ли такая программа успешной, но, если да, то мы можем вспомнить примеры, когда доверие отдельных птиц было обмануто, что оправдывалось принесенным благодаря этому благом для всех остальных. Пожалуй, более ярким и менее противоречивым будет пример конфликта этого типа, когда ценой иногда героических усилий люди спасали кайр, бакланов и множество других морских птиц, увязших в вылившейся из танкеров нефти. Чтобы очистить перья от нефти, каждую птицу нужно поймать, и это зачастую связано с нарушением веры птицы в свою неприкосновенность. Здесь, как нам кажется, совершенно ясно, что такой прямой путь возмещения нанесенного ранее ущерба – попытки помочь птицам – оправдывает одномоментное на-

рушение доверия, которого в данном случае избежать невозможно.

Теперь целесообразно подвести итоги наших открытий, бросив общий взгляд на отношения приоритетности между четырьмя правилами долга. Полученная таким образом картина покажет нам, что правило “Не навреди” занимает верхнюю позицию. Самая фундаментальная из наших обязанностей перед природой (если не учитывать возможных конфликтов с нашими обязанностями в сфере человеческой этики) – насколько позволяют нам наши возможности, не наносить ущерба или вреда никаким живым существам в природе. Наше уважение к природе прежде всего выражается в том, как мы выполняем эту высшую роль.

Что касается трех других правил, мы обнаружили, что обычно можем избежать их нарушений, если будем тщательно выбирать способы возмещения нанесенного ущерба и создавать условия, способствующие формированию и развитию доверия животных к человеку. Но если конфликты неизбежны, обычно придерживаются таких приоритетов: (а) верность и справедливое возмещение ущерба превосходят по значимости невмешательство, если при этом достигается значительное благо, и ни одно живое создание не подвергается постоянному ущемлению в результате дозволенного вмешательства; (б) возмещение ущерба перевешивает верность, если при этом достигается значительное благо, а существу, чье доверие мы нарушили, не наносится серьезный вред.

Следует добавить, что два негативных правила – воздерживаться от нанесения вреда и от вмешательства в природный мир – в обычных обстоятельствах почти всегда можно соблюсти. Как правило, мы можем найти такие методы возмещения, которые не причинили бы вреда и не ограничили свободы живых существ. Это верно также и по отношению к узам и обязательствам доверия. Наиболее часто применяемые способы возмещения ущерба – это создание заповедников и заказников, защита видов,

находящихся в опасности под угрозой полного истребления, восстановление нарушенного ранее качества окружающей среды, содействие растениям и животным, ослабленным или травмированным в результате человеческой деятельности в обрете-

нии ими прежнего здорового состояния. Все эти меры обычно не требуют нарушения доверия к нам со стороны диких животных или наложения на них каких-либо ограничений.

Панки в защиту природы

Крейг О'Хара

Панки отрицают “ковбойскую этику”, более 200 лет определяющую политику и отношение к природе в Америке. Такая позиция привела к ужасающему воздействию как на окружающую среду, так и на идеи, относящиеся к ее защите и восстановлению. На философию панка в гораздо большей степени повлияли идеи и действия, которые мы (справедливо или нет) приписываем коренным народам Америки. “У нас есть не только технологии и ресурсы, способные уничтожить весь мир больше, чем 100 раз. Но у нас есть все необходимое, чтобы удовлетворить все нужды, обеспечить соблюдение прав всех существ, живущих на этой планете, и уважать нашу мать – Землю как добрую кормилицу, дающую жизнь... Мир наступит лишь тогда, когда мы будем чтить законы природы и уважать каждое живое существо, а также мать-Землю, дарующую всем жизнь”.

Для панков нехарактерны примитивные до-индустриальные или анти-технологические предрассудки. Также ими не культивируется идея о выпадении из Системы и жизни в сельскохозяйственных общинах. Движение носит преимущественно городской характер и не идеализирует сельскую жизнь. Тем не менее, уважение и признание своих обязательств по отношению к “здоровью матери-Земли”, можно рассмат-

ривать как нить, связующую философию панка с прединдустриальным, доколониальным мировоззрением.

Несмотря на то, что в панке всегда будут появляться различные точки зрения, наиболее очевидная философия окружающей среды сильно напоминает глубинную экологию. Эта философия почти всегда в том или ином виде присутствовала в работах Генри Дэвида Торо и других.

Одна из статей в MRR, написанная Джоэлом Хиппикором, подробно рассматривает сходства экологической философии панка с идеями глубинной экологии. “Чтобы эффективно бороться с разрушениями, порожденными человечеством в прошлом, необходима всеохватывающая философия, не противопоставляющая человечество природе, а предполагающая для него собственную экологическую нишу”.

Наиболее важным аспектом радикальной философии является разоблачение неверных представлений, существующих на сегодняшний день, вне зависимости от их популярности и распространенности. Наверное, сложнее всего изменить общепринятое антропоцентрическое мировоззрение, ставящее человека в центр вселенной. Можно утверждать, и в большинстве случаев это будет оправданно, что такие взгляды сложились под влиянием библейской традиции, согласно которой господство человека над растениями и животными даровано богом. Явившись результатом толкования Библии, а также иерархичности “естественного закона” Аристотеля и Фомы Аквин-

Опубликовано: O'Hara C. The philosophy of punk: more than noise. San Francisco, Edinburgh: Ak Press, 1999. P. 122-141. Перевод О. Аксютинной. Печатается с сокращениями.

ского, антропоцентризм является основной установкой почти каждой философии и политической теории. Это убеждение состоит в том, что человечество является чем-то отдельным от природы и стоит выше нее. Придерживаясь подобных взглядов, невозможно достигнуть гармонии с природой. В ответ на проблемы окружающей среды, панк-сообщество пытается, как Девалл и Сешонз, развивать биоцентристскую философию. Этот взгляд включает понимание того, что все в природе взаимосвязано и имеет одинаковую внутреннюю ценность. Над природой не господствуют, а заботятся и уважают ее, что не следует путать с антропоцентрическими природоохранными взглядами.

“Идея охраны природы пропитана антропоцентризмом, и поэтому является неприемлемой экологической позицией. Цель сохранения состоит в том, чтобы управлять природой и контролировать ее как часть человеческой экономики, а не жить с ней в гармонии... Деревья являются источником прибыли, а дикая природа служит для привлечения долларов туристов: таким образом, вообще не предполагается, что природа имеет ценность сама по себе... Человечество испытывает жизненную необходимость в том, чтобы дикая природа помогала нам развиваться, но что гораздо важнее, дикая природа имеет право на жизнь без вмешательства человека, просто потому что она существует и имеет ценность вне зависимости от своей пользы для людей”.

Многие приверженцы глубинной экологии превращают ее в новую религию. Для пробуждения в человеке сокровенных чувств и достижения более близкого контакта с природой отмечаются праздники и соблюдаются некоторые ритуалы. Как и следовало ожидать, панки отвергают религиозный компонент философии: “...празднование солнцестояний и равноденствий столь же лишне, как и празднование христианских праздников. Для кого-то лично это, может быть, чрезвычайно важно, но в плане экологии это совершенно бесполезно”. Вопрос, обращаются ли панки непо-

средственно к глубинной экологии или создают свой вариант биоцентризма и холизма, остается открытым. Но акцент на необходимости прямого действия, присущий глубинной экологии, очевиден.

“Существует два типа акций прямого действия. Акции прямого действия, направленные внутрь человека, влекут за собой большую духовную зрелость и отказ от антропоцентристских представлений. Акция прямого действия, направленная вовне, может быть выражена в форме саботажа, акций протеста, гражданского неповиновения или просто посадки дерева. Между акциями прямого действия, направленными вовнутрь и вовне, нет особой разницы: и в том, и в другом случае человек руководствуется одним твердым принципом, а именно, отказом от насилия. Акция прямого действия – это понимание того, что мы не можем отвергать и игнорировать проблемы Земли, мы должны что-то делать. Все взаимосвязано, поэтому, защищая тропические леса, мы защищаем себя. Принимая участие в акции прямого действия, мы выражаем безграничную любовь к планете и ее жителям... Нашей целью является действие, и действие само по себе является правдой, защитой и намерением”.

Если панки могут расходиться во мнениях относительно наилучших средств ненасильственных акций, сама идея проведения акций прямого действия не обсуждается. Большинство экологических акций связано с северо-западными штатами Америки и, особенно, с Северной Калифорнией.

Ливермор и другие люди, публикующиеся в фэнзинах, летом 1990 года призвали панков присоединиться к группам активистов “Earth First!”, чтобы помешать уничтожению лесов в Калифорнии. “Я не прошу вас просто написать письмо своему конгрессмену, или подписать петицию, или пойти на демонстрацию, или написать статью в журнал, хотя это тоже важно. Я говорю о том, чтобы отдать все сердце, душой и телом тому, чтобы остановить это безумие, прежде чем оно уничтожит всех нас”. “Earth First!” поместила в журнале

“Profane Existence” объявление следующего содержания: “Мы призываем рыцарей свободы леса приехать в Северную Калифорнию этим летом и защитить Редвудс. Мы надеемся проводить постоянные лагеря протеста и акции на протяжении всего лета”. Многие панки являются активистами или сторонниками Earth First!, Greenpeace, ALF, People for the Ethical Treatment of Animals (PETA) и других групп. Такие книги, как “Экотопия” Эрнеста Калленбаха (Ernest Callenbach) и “Экозащита: полевой путеводитель по саботажу” Дейва Формана и Била Хейварда (D. Foreman and B. Hayward), впервые привлекли мое внимание, когда я читал списки рекомендуемой литературы во вкладышах к пластинкам.

В разделах новостей журнала “Profane Existence” печатаются статьи, приветствующие и поощряющие действия, направленные на защиту окружающей среды. В качестве комментария к намеренному разрушению моста, который использовался для перевозок лесоматериалов англо-колумбийской фирмой, заготавливающей лес, были приведены слова “марионетки компании: “Все, что я знаю – это то, что мне придется сообщить многим людям, что они уволены”. И ни слова о том, что это принесло ущерб на сотни тысяч долларов корпоративным дельцам...”

В недавнем номере “Profane Existence” была опубликована статья, написанная в результате долгого и внимательного изучения проблем, связанных со строительством полей для гольфа в Америке. Убийство животных пестицидами, установка капканов, бесполезная трата воды и расточительное землепользование – вот причины, вдохновившие различные формы акций прямого действия.

Несмотря на то, что статья написана в юмористическом духе, она показывает готовность панков к действиям и применению насилия против собственности.

Вегетарианство и борьба за права животных первоначально распространились в европейском панк-сообществе. Английские группы, особенно анархистские, часто

включали в буклеты к своим пластинкам информацию об ужасах, творимых над животными. Политизированные панки рассматривают наше отношение к животным как одну из многих существующих форм угнетения. “Панк поддерживает свободу не только людей, но и животных. Панк выступает против дискриминации, в каких бы то ни было формах – по половому, расовому, видовому или иному признаку. Человек не имеет никакого права издеваться над другими живыми существами и причинять им боль и страдания. Они имеют такое же право на свободу, как и мы”.

Понятие прав животных – один из наиболее часто упоминаемых и обсуждаемых вопросов в современном панке. Большинство панков, кажется, поддерживают взгляды Питера Сингера на эту проблему (он часто цитируется и вносится в списки рекомендуемой литературы), согласно которым, страдание существ является основным аргументом против их использования и причиной признания их законных прав. В пользу холистской теории, которая разрешает (и, в некоторых случаях, например при чрезмерной популяции, обязывает) убивать животных, находится слишком мало аргументов. Панки исключают возможные экологические бедствия, вызванные массовым переходом на вегетарианское питание потому, что значительное большинство людей (особенно американцев) все еще употребляет продукты животного происхождения. Проблема чрезмерной популяции животных, рассматриваемая таким холистским философом, как Дж. Берд Колликотт, кажется замаскированной попыткой сохранить существующее положение вещей. Человечество достигло такого уровня развития науки и технологии, что может легко обойтись без чрезмерно жестокого отношения к своим братьям-животным. Достичь такого же уровня нравственности – нелегкий шаг, потому что он подразумевает смену приоритетов и некоторые неудобства. Однако трудности, с которыми сегодня сталкиваются животные, и трудности, с которыми, несомненно, столкнется

человечество в будущем из-за истощения природных ресурсов, несоизмеримо серьезнее. Люди уже давно вышли из первобытного состояния, когда они были вынуждены убивать и использовать животных для выживания. Настойчивость в потреблении продуктов убийства в современном мире не только усиливает самодовольное представление о человеческом превосходстве, но и возводит в норму использование насилия и угнетения.

“Человечество в ответе за уничтожение тропических лесов, загрязнение воздуха и воды, и, прежде всего, за разрушение собственной окружающей среды. Так давайте же прекратим использовать “превосходящий интеллект” в качестве оправдания господства и уничтожения остальных форм жизни на Земле!”. Некоторые панки не оперируют критериями превосходства, а подобно Тому Ригану, интерпретируют права на основе чувствительности. Даже если бы было доказано, что люди являются “высшими” существами, то “мы не имеем никакого права использовать в пищу тех, кого считаем низшими или проводить на них эксперименты, вне зависимости, приносит ли это нам пользу или нет. По большому счету, мы имеем не больше прав на жизнь и свободу, чем любое другое существо”. Эта идея была почерпнута из представлений об окружающей среде, присущих биоцентризму и глубинной экологии, рассмотренных выше.

Даже панки, не признающие прав животных и разделяющие антропоцентристские взгляды, как известно, изменили свою диету именно по причинам, связанным с окружающей средой. Невозможно игнорировать то расточительное и стремительное уничтожение земельных и водных ресурсов, которое вызывается разведением скота. Другие панки изменили свой рацион питания просто по причине заботы о собственном здоровье, что весьма распространено среди панков-стрэйт-эджеров.

В то время как именно европейские панки поддержали вегетарианство, сейчас многие североамериканцы делают еще один

шаг вперед, переходя на веганство. Веганы вообще не используют никаких изделий животного происхождения, включая молочные продукты и яйца. Некоторые видят в веганстве способ “на 100 процентов воздержаться от той жестокости, которую человек чувствует в окружающем его мире”. Хотя вегетарианство – это шаг в верном направлении, многие панки-веганы считают это недостаточным. У канадской группы Propagandhi есть про-веганские тексты типа “Мясо – все еще убийство / Молоко – насилие...”. В песне “White Blood” (Белая кровь) группа Naturecore поет: “Слепое использование молочных продуктов допускается даже “вегетарианцами!” / Существует множество альтернатив молоку, сыру и яйцам. / Содействие этому убийственному обычаю – преступление само по себе”.

Веганы доказывают, что люди могут вести здоровый образ жизни, питаясь блюдами из сои, зерна и другими продуктами растительного происхождения. Они правы. Главными причинами, по которым вегетарианцы не переходят на веганское питание, являются неудобства, связанные с этим, или же это просто не удовлетворяет их вкусам. “Никакого другого правдивого объяснения не существует. Никаких моральных оправданий здесь быть не может. Веганство дешевле, полезнее для здоровья и даже вкуснее (как только вы перестаете употреблять продукты животного происхождения в течение долгого времени, искусственная потребность в них сразу же отпадает)”. Я могу поручиться за веганскую диету, как полезную для здоровья и питательную; но я не вижу необходимости для человека, не придерживающегося веганской диеты, оправдываться за свой выбор. Конечно, диета – это важный выбор, но это не главное в жизни. На мой взгляд, куда более важно то, как мы обращаемся друг с другом, стремясь сделать нашу жизнь лучше.

Мысль о том, что наше отношение к животным влияет на наше отношение друг к другу, уже проскальзывала выше. “Насилие, которое все время окружает нас и принимает такие многочисленные формы, на-

ходится прямо здесь, в нашей пище. В вашем характере есть определенные черты, которые жаждут удовлетворить агрессивные импульсы, жуя и пережевывая кровь и плоть других существ”. Подпитывание и способствование этой агрессивности связывает вместе угнетение людей и животных.

“Это тот же варварский менталитет, из-за которого тысячи людей гибнут на полях войны, только потому, что это выгодно жирным богачам, и из-за которых миллионы животных уничтожаются во имя науки, для продовольствия или одежды. Будь то эксплуатация животных или людей, причина одна и та же – позиция, что кто-то имеет право, ради своего собственного желания, не только заставлять других служить себе, но и умирать за себя”. Философия панка предполагает, что эксплуатация животных – это еще один шаг к признанию естественной эксплуатации людей.

Концепция прав животных включает в себя не только вегетарианство/веганство, но также твердую позицию против вивисекции (экспериментов над животными). Об этом можно судить по огромному количеству благотворительных пластинок и кассет, выпущенных, чтобы собрать деньги для ALF. Несмотря на то, что время снова и снова доказывает, что вивисекция – бессмысленная трата времени и денег (и жизни), признание того, что она приносит хоть какую-то пользу человечеству, не является достаточным оправданием для экспериментов (пыток/убийств) над животными.

Панки обратились к ALF отчасти из-за того, что он использует методы акций прямого действия, отчасти потому, что мейнстримовые группы по защите прав животных часто встречают панков очень сдержанно, так как те не следуют их конформистским тактикам протеста, но, главным образом, потому, что ALF действует успешно. ALF – группа по защите прав животных, которая организует акции прямого действия, освобождая животных с ферм и из лабораторий. Группа была образована в Англии, устраивала акции в Канаде, США и многих европейских странах. “Мы верим

в акции прямого действия, во время которых из лабораторий для экспериментов, животноводческих ферм и других учреждений пыток освобождаются животные, а также наносится ущерб собственности, принадлежащей этим организациям. Целью этих акций является предотвращение страданий животных и нанесение убытков, и, по возможности, финансового краха тем, кто истязает незащищенных существ”. К другим “учреждениям пыток” относятся меховые и мясные магазины. На местах проведения акций часто оставляются сообщения (в качестве записки или надписи баллончиком на стене), которые объясняют причины, стоящие за этими действиями. Это делается, чтобы показать обществу, что активисты – это не какие-нибудь вандалы или террористы без определенной цели, и в надежде предотвратить осуждение с его стороны.

Поддержка акций по лоббированию является давней традицией в панк-движении. Хотя у панков нет связей или средств, чтобы работать с законодателями, они часто пытаются изменить что-то самостоятельно, причем максимально непосредственно, без вмешательства каких-то посторонних структур. Журналы печатают интервью с активистами ALF, которые рассказывают где, когда и каким образом создавать проблемы врагам. Риторика, как демонстрирует следующая цитата, вдохновила многих панков не только на самостоятельные действия, но и на формирование своих собственных групп (например, PAL – Punks for Animal Liberation в Калифорнии...) и обучение другим методам борьбы за освобождение животных.

“ALF – это большое вдохновение, настолько сильное, что заставляет других выползти из “скорлупы страха” и действовать! Мы можем делать это! Вместе мы можем вести партизанскую борьбу в войне, развязанной государством. Физическая угроза, основанная не на бессмысленном насилии, а движимая знанием и любовью. Любовь ко всем формам жизни, человеческим и не только. И этими актами любви

мы уничтожим их башни алчности и институты смерти. Мы создадим мир, где будем жить в гармонии с Землей и друг с другом”.

Вегетарианство и права животных стали основными элементами политической философии сознательного панка. Однако, основное число людей, пришедших к вегетарианству в последнее время, составляет волна стрэйт-эджеров, которые отвергают мясо, главным образом, по причине того,

что потребность в нем была сформирована искусственно, и часто игнорируют другие идеи радикальной философии панка. Стрэйт-эджеры озабочены не столько изменением общества, сколько отказом от вредных привычек. По этой причине они не пьют и не курят, и иногда отказываются даже от кофеина или сахара. Их взгляды на мясоедство подобны отношению к употреблению алкоголя: это ненужно, опасно и вредно для здоровья.

К истории американской природоохранной мысли

М. Печерский

“Поторопитесь увидеть зрелище во всей красе, – писал в 1831 году Алексис де Токвиль другу, – еще немного, и Ниагарский водопад будет безнадежно испоганен. Они уже вырубili лес вокруг... Можно не сомневаться, что в ближайшие годы здесь появятся лесопилки или мельницы”. К уродующим пейзаж проплешинам французский путешественник мог бы прибавить назойливость владельцев небольших участков, каждый из которых пытался заманить к себе туристов, обещая “единственный настоящий” вид на водопад, приставания самозванных гидов, торговцев сувенирами и едой. Даже десятилетия спустя, обсуждая законопроект первого национального парка, политики будут называть предпринимательскую лихорадку вокруг Ниагарского водопада “национальным позором”.

На первый взгляд это странно. У Токвиля энергия мелкого американского предпринимателя, как правило, вызывала восхищение, а американские политики того времени видели основной смысл своей деятельности в поддержке частной инициативы.

Что же смутило их в данном случае?

Думаю, отсутствие языка. Как описать Ниагарский водопад в рациональных экономических или юридических терминах, каким боком встроить в философский, эстетический ряд? Что делать с Ниагарским водопадом? Чем он отличается от других могучих потоков, приспособленных человеком для вращения мельничных жерновов и сплава строительного леса?

Положим, аргумента ради, что мы с читателем разделяем негодование Токвиля – менялам не место в храме природы. Но сможет ли тогда друг французского философа это чудо увидеть? Кто проложит к нему дорогу, кто напоит, накормит, приютит путника? Общество? Помилуйте, какое общество? Определенно не американское, оно тогда только-только формировалось. Государство, как временно исполняющий его обязанности? Пожалуй... Но на каких основаниях? Конституция таких прав ему не давала. Да и как бы оно объяснило жителям Пенсильвании, почему взяло под опеку не какой-нибудь богатый травами выпас, а совершенно бесполезный водопад в штате Нью-Йорк? И главное – зачем?

Словом “*rag*” во французском языке (из которого оно перекочевало в английский) именовались королевские охотничьи угодья. История современных парков ведет отсчет с 1842 года, когда лондонский му-

ниципалитет откупил у короны участок в восточной части города и сделал Виктория-парк доступным для всех жителей, независимо от имущественного положения и пола. Другой новый парк, в Ливерпуле, произвел огромное впечатление на Фредерика Ло Олмстеда, будущего создателя нью-йоркского Центрального парка и одного из ранних провозвестников движения за охрану природы. “Каждый гуляет в нем, как ему заблагорассудится, – писал Олмстед в “Прогулках и беседах американского фермера в Англии”. – Беднейший английский крестьянин наслаждается здесь природой точь-в-точь как королева. Разве это не грандиозное, потрясающее достижение?!” В 1852 году английский почин переняла Франция: король безвозмездно передал добрым гражданам Парижа Булонский лес. Парк стал важной вехой в начавшейся (после революций 1848 года) демократизации городского пространства, предтечей будущих парижских бульваров барона Османа, современных музеев и театров. В целом он органично вписывался в систему социальных преобразований той эпохи и наряду с другими общественными институтами служил наглядной демонстрацией прогресса, возможностей цивилизации, вооруженной знанием, организовывать природу подобно своим запросам и нуждам.

Но одно дело – включить в ареал цивилизации рошу и холм, и совсем другое – лес и горы. Европейец и американец XIX века видели природу сквозь призму опыта и прикладного знания; опыт предрасполагал к страху и пессимизму, прикладное знание – к утилитаризму и умеренному оптимизму. Забредя в чащобы полуострова Олимпия (штат Вашингтон), человек уныло посмотрел на свой топор и ручную пилу, тяжело вздохнул и убрался восвояси; как ни соблазняли холмы гигантского разлома в Панаминтских горах многоцветными блестящими руды – прощай, Долина Смерти, жизнь дороже. Кроме того, на североамериканском континенте цивилизация вошла в соприкосновение с неординарными явлениями природы, такими как Ниагарский

водопад или гейзеры Йеллоустона. Они будоражили воображение, неудержимо привлекали, вызывая какие-то древние, атавистические чувства, но для того, чтобы понять их смысл, требовалась культурная основа, новые слова и образы, а их не было.

До сих пор неизвестно, когда и при каких конкретных обстоятельствах появилось на свет принципиально новое, заряженное сложным и противоречивым смыслом понятие “национальный парк”. По одной из версий, оно возникло 19 сентября 1870 года, во время ночного спора у костра между участниками йеллоустонской экспедиции Уошборна-Лангфорда-Слоана. Запись в дневнике Лангфорда повествует о том, как один из членов экспедиции размышлял о временах, когда они, застолбив за собой земли с новооткрытыми чудесами природы, разбогатеют на туризме. Все дружно закивали, и только Корнелиус Хедж возразил: “Эта земля не должна принадлежать никому в отдельности. Ее надо сделать национальным парком, и каждый из нас должен способствовать этому”. Они проговорили всю ночь, и к рассвету Хеджу удалось склонить товарищей на свою сторону. Ряд историков, однако, считает рассказ Лангфорда апокрифическим. Он обнаружил свой дневник тридцать пять лет спустя, ни в одной из многочисленных публикаций других членов экспедиции выражение “национальный парк” не встречается. Даже в постановлении конгресса о превращении Йеллоустона в парк говорится о *public park*.

Эти подробности, возможно, не заслуживали бы упоминания, однако семантическая дистанция между *public* и *national* воистину “огромного размера”. *Public park*, на огромной территории, где свободно могло бы уместиться небольшое европейское государство, – беспомощная попытка старым словом, отсылающим к городскому пространству, выразить нечто, для чего слова еще не существует. По-другому, но столь же проблематично и *national*, – ибо вплоть до 1919 года девять десятых населения Соединенных Штатов жили в восточной части страны, в то время как все заповедники,

за вычетом Ниагарского, находились на западе. Автомобиль был еще редкостью, дороги оставляли желать лучшего, железнодорожный проезд стоил дорого, туристская инфраструктура... достойна умолчания. Только в середине 1920-х в парки начнут приезжать тысячи, а национальными в полном смысле слова они станут уже в послевоенное время, когда превратятся в желанный вид отдыха для десятков миллионов.

Лангфорд, описывая в своем дневнике Йеллоустон, сравнивает его то с французской Ривьерой, то с северной Италией. И это не случайно. Даже если бы он восходил на гималайские пики и сплавлялся по Нигеру, точкой отсчета все равно оставалась бы Европа. Американцы испытывали острейший комплекс культурной неполноценности перед Старым Светом и, перефразируя писателя Уоллеса Стегнера, вождели обзавестись историей, не уступающей по размаху и величию природе континента. Нет, они не претендовали на “Америку – родину слонов”, всего лишь на паритет с материнской культурой. Еще в 1784 году Томас Джефферсон писал, что вид выветренной в горной породе арки под Лексингтоном (Виргиния) или нависающих над Потомаком кряжей “стоит путешествия через Атлантический океан”. Читая эти строки, даже уважавшие президента люди, наверное, пожимали плечами. Кроме Ниагарского водопада, туристы не находили в пейзажах восточного побережья Соединенных Штатов чего-то такого, ради чего стоило бы предпринимать долгое и трудное путешествие из Старого Света в Новый. Споры нет, красиво, но почти все как у нас.

Гейзеры Йеллоустона, величественные белые скалы Йосемити, секвойи, пронизывающие кронами облака, гигантские каньоны Запада вызвали глубокий коллективный вздох облегчения: значит, и у нас есть что-то, чего ни у кого нет! И – переходя с легкой самоутвердительно рыси в националистической галоп – заговорили, что хотя исландские гейзеры тоже чудо природы, но по сравнению с нашими, ей-богу, фонтанчики, что каньоны Аризоны и Колорадо

величественнее и древнее всех европейских античных руин. Дуб, под которым сидел Карл Великий? Эка старина – наши секвойи современники Перикла! Что Нил и Дунай по сравнению с Миссисипи? Ручеек и канава (так и писали).

Поскольку комическое – неперменная составляющая любых националистических сантиментов, не будем упражняться в риторическом сарказме, а просто отметим, что именно из этого сора выросла идея национальных парков. Чудесам природы отводилась роль памятников цивилизации. Соответственно, парк мыслился небольшим, состоящим из самого чуда и естественной рамки-оправы. Так, первый национальный парк, Йосемитский (Калифорния, 1864), включал в себя только внутреннюю часть долины, в то время как все окружающее ее пространство служило пастбищем для тысяч овец и коз. Защитникам природы потребовались годы, чтобы убедить законодателей в необходимости расширить заповедник. Зная слабое место своих оппонентов, они упирали на то, что животные, поедая зелень и обгладывая деревья, уменьшают количество аккумулируемой влаги и тем самым грозят превратить знаменитые йосемитские водопады в ручейки. В конце концов обе стороны пришли к компромиссу: часть пастбищ отошла к парку, взамен штат выделил фермерам другие земли из государственного фонда. И хотя защитники природы остались недовольны, такой исход должен был вызвать у них вздох облегчения.

Ибо вторым главным критерием для превращения какого-либо места в национальный парк служила его... полнейшая экономическая непригодность. С самого начала и на десятилетия вперед обсуждение любого проекта нового парка в конгрессе США начиналось с вопросов, нет ли там полезных ископаемых, нельзя ли использовать землю под фермерские хозяйства, не создаст ли парк дополнительных проблем для железных дорог? Сторонники проекта старались заручиться свидетельствами ученых и уважаемых специалистов-

практиков, которые во всеоружии научной терминологии, вызывавшей уже тогда священный трепет у политиков, объясняли, что земля совсем бросовая, badlands. Так же регулярно разворачивалась борьба вокруг “заповедности во веки вечные”, и в большинстве случаев противникам парков удавалось вводить в закон пункты, оговаривавшие условную неприкосновенность территории до обнаружения на ней ценных минералов и т. д.

* * *

Земля наполнилась слухами об открытых первопроходцами чудесах природы, но видели их немногие. Что они такое: жемчужины в национальной короне или бородастые фемины для развлечения простаков в цирке – решали слово и образ. Имманентной красоты не существует, это понятие условное и переменчивое; у разных народов существуют свои представления о прекрасном, и, как мы знаем, даже внутри одной цивилизации то, что отцам в радость, детям – смерть, а внуки уже не понимают, что вызывало восторженный пиетет одних и презрение других. Иными словами, критерии красоты – следствие определенного, всегда конкретного культурного процесса.

В XIX веке записки путешественников пользовались не меньшей популярностью, чем криминальные романы. Активную роль играли газеты, нередко финансировавшие экспедиции; телеграммы, отчеты с места шли на первую полосу, печатались из номера в номер, с продолжениями, с иллюстрациями. Глядя, например, на приложенную к отчету экспедиции Джона Фримонта (1842–1844) литографию Скалистых гор Чарльза Преуса, вы действительно видите... Альпы, – но гиперболизированные; в драматических абрисах скал угадываются, домысливаются готические соборы, египетские храмы, коллизии... В свою очередь, журналист, расцветивая скупые строчки телеграмм или пересказывая читателям картины художников, поддавал метафорическому жару. Особенно богатую пищу поставляли ему полотна появившегося в конце

1850-х нового направления в американской живописи, Rocky Mountain School of Landscape. В отличие от художников Гудзонской школы, чьи подражания европейским реалистам и романтикам первой четверти века украшали гостиницы и присутственные места, новые художники мыслили другими масштабами. Запад задавал монументальные сюжеты, воплощение которых вызывало к жизни многометровые холсты Альберта Биерштадта и Томаса Морана. Если “Вид Скалистых гор” Самуэля Сеймура (1823) еще сохранял отдаленное сходство с реальным пейзажем, то с “Йосемитской долины” Биерштадта (1868) на вас смотрел мир к исходу пятого дня Творения. Его первозданность: отсутствие людей, каких-либо признаков цивилизации, фантазмагорические горы, неслыханных размеров деревья, голубые, красные, зеленые, коричневые пустыни – вызывали у зрителей ассоциации с раем.

Ничто не становится красивым, не пройдя трансцендентальную заставу. В наэлектризованной религиозными исканиями Америке за этим дело не стало, в считанные годы пейзажи далекого Запада оснастились библейской лексикой и образами. “Они стоят со дня Творения, не тронутые ничем, кроме огня”, – писал Томас Кинг в бостонской “Evening Transcript” о гигантских секвойях восточной Калифорнии (1860); “Они уже несли свои стволы к небу, когда Давид танцевал перед скинией”, – делился впечатлениями с тремястами тысячами читателей издатель нью-йоркской “Tribune” Гораций Грили (1859); “Как знать, – мечтательно вздыхал корреспондент “Boston Daily Advertiser”, – может, она (секвойя) выпустила свой росток в тот момент, когда над Вифлеемом взошла звезда...” (1869). Живопись и словесность дополняла еще молодая тогда фотография. В 1862 году в нью-йоркской галерее с успехом прошла выставка Карлтона Уоткинса; огромной популярностью пользовался снимок, изображавший человека рядом с секвойей, на фоне которой он кажется муравьем. Даже такой убежденный позитивист,

как будущий член Верховного суда Оливер Уэндел Холмс, в рецензии на выставку Уоткинса не смог удержаться от библейских метафор. Некоторые историки считают экзальтированный язык и библейские аллюзии результатом совпадения во времени двух решающих событий американской истории: Гражданской войны и первого массового исхода на запад. Война, одна из самых кровопролитных в XIX веке, вызвала всплеск эсхатологических умонастроений; многие видели в ней знак приближающегося конца света. Поэтому каждая весть о новом чуде природы тоже воспринималась как Божье знамение: еще не все потеряно, они – избранники, иначе зачем было Ему давать именно им, американцам, столько чудесных, “самых-самых” в мире творений?! Симон Шама предложил небезынтересную интерпретацию этой гипотезы: “Существует еще одна причина, почему американцы видели в Больших Деревьях (секвойях) руку Провидения. В сознании предыдущего поколения леса восточного побережья ассоциировались с врагом, безбожными индейцами, а поселение – с необходимостью полностью очистить территорию от дикого леса и диких людей. Красивой считали безопасную просеку. Поэтому деревья вырубали с такой решительностью и беспощадностью, что уже в 1818 году Джеймс Мэдисон протестовал против чрезмерного и нездорового уничтожения леса. Для поколения, воспитанного на романтической прозе Фенимора Купера, весть о чудесных деревьях на западе была знаком Божьего благоволения, вторым шансом, данным американцам для того, чтобы понять священный смысл, вложенный Им в природу”. Так, или по совокупности всех описанных причин вместе взятых, но начиная со второй половины XIX века природа постепенно входит в сакральный канон американской цивилизации.

* * *

До сих пор речь шла об уникальных, лстящих коллективному самолюбию зрелищах, по счастью не стоящих на пути эко-

номической деятельности человека и потому вдвойне приятных. Безусловно впечатляющих. Но красивых? В самом деле, почему луг, роща, гора, небо – красивы? Что бы мы ни вкладывали в это слово (чур меня набиваться в компанию к Аристотелю с Гегелем), ни одна из европейских культур никогда не приписывала природе имманентных эстетических свойств. Не существовало такой традиции и в англо-саксонской культуре, наследниками которой могли бы считать себя боготворящие природу современные американцы. Бог упомянут не всуе, ибо понятие “прекрасного”, как его ни трактуй, в каждой цивилизации восходит к вере и религиозной традиции. Мне вспоминается одно из самых сильных впечатлений первых лет жизни в Америке – удивление, почему американцы, которым открыты сокровища Рима и Парижа, египетские и ацтекские пирамиды, тем не менее отдают предпочтение “никому не известным” каньонам, пустыням, болотам? Я с изумлением читал приходившие по почте приглашения вступить в общества созерцания птиц, китов, бабочек, призрения бездомных животных и охраны диких. Но, пожалуй, самыми загадочными казались бродившие по парку подростки и молодые люди. Они не пикничковали, не распивали пиво на скамейках, не загорали на лужайках, а... рассматривали цветы, деревья, обсуждали их цвет, формы, этимологию названий. Все вместе никак не пересекалось с моим прежним жизненным опытом... Впрочем, наберись я однажды смелости и спроси кого-нибудь из озадачивших меня людей, зачем, ради чего, почему они предаются созерцанию распустившихся ирисов, подозреваю, меня бы в ответ одарили вежливым пустым взглядом, как если бы я находил непонятным, почему люди раздеваются перед сном и по утрам чистят зубы.

Меж тем никакой самоочевидности в их поведении не было. Его сочли бы странным, неподобающим доброму христианину и фермер Майкл Уилсворс (1662), у которого первозданность за околицей вызвала ассоциации с адом, и священник

Хеннепин, избравший для описания Ниагарского водопада (1689) апокалиптические образы. Для пуританина природа несла в себе опасность, препятствие честному труду во спасение души, пугала непредсказуемостью, раздражала бессмысленной расточительностью. Ничего благостного ни фермер, ни горожанин, ни купец в ней не находили. Прошло несколько десятилетий, в колонии начали просачиваться идеи лорда Шафтсбери (1671–1713) о единстве человека с природой и превосходстве первозданного леса над рукотворными дворцовыми парками; эстетические воззрения философа Эдмунда Берка, утверждавшего, что разумное и прекрасное, в сущности, родственные категории; идеи французских и английских натурфилософов.

Тогда же, в конце XVIII века, на авансцене появляется принципиально новое понятие – живописность. Ввел его в обиход английский священник Уильям Гиплин. Он выдвинул теорию, согласно которой мерилom красоты пейзажа служит его соответствие принципам живописи. Гиплин много ездил по Англии, регулярно публиковал свои путевые заметки, в которых на конкретных примерах разъяснял образованной публике, как должно смотреть на пейзаж и что в нем нужно видеть. Среди его поклонников числились Байрон, Шелли и Анна Радклиф, автор популярных готических романов. В Америку книги Гиплина попали много позднее, но благодаря постоянному ручейку английских путешественников и туристов образованные американцы в общих чертах знали о новом веянии, оно приобрело популярность, и, надо думать, немалую, ибо удостаивалось даже пародий.

На мой взгляд, гиплиновская идея имела два следствия. Введя природу в культурный контекст, она универсализировала критерии красивого и, что не менее существенно, заложила основы нового, нейтрального по отношению к религиозному канону языка для ее описания. (Хотя современному человеку концепция живописности должна казаться наивной, подозреваю, что будущие историки, анализируя наши домаш-

ние фотоальбомы, будут нередко ее поминать.) В 1835 году Ральф Уолдо Эмерсон записал в дневнике: “Если мне суждено прожить долгую жизнь, среди тысячи и одного моих проектов будет книга... о лесах, в которых я намерен жить. Я буду описывать каждый месяц их бытия в течение года, увязывая все с астрономией, ботаникой, метеорологией, живописностью и поэзией, и я не упущу ни одной птицы, букашки, цветка. Ибо красота заключается не в чем-то отдельном, но – в целокупности природы”. Замысел, тянувший на много-томный пылесборник в библиотечном хранилище, воплотился в тоненькую книжечку под названием “Природа”, которая произвела (завершила?) революцию в отношении американцев к природе. Об Эмерсоне написано немало книг, поэтому ограничимся кратким изложением его основных идей. Все в нашей жизни: труд, законы, вера – должно возвращать человека в первоначальное единство с природой; следует не подчинять природу и не подчиняться ей, а искать с ней гармонию, быть ее частью. В свой черед природа не есть нечто раз и навсегда созданное, она текуча, подвижна, меняется ежеминутно, ежесекундно, ее разнообразие бесконечно, и каждый человек может найти в ней свое место.

Признаюсь, обдумывая эту главку, я сомневался, стоит ли включать в нее Генри Торо. Красота, прекрасное мало волновали автора “Уолдена”, по этой части он практически ничего не добавил к сказанному до него учителем и другом Эмерсоном. Но по зрелом размышлении я понял, что из песни слова не выкинешь. Не потому, что Торо буквально следовал заветам Эмерсона, – знаменитый рассказ о счастливой жизни один на один с природой был во многом литературной стилизацией; и не потому, что он переложил эмерсоновские идеи с философско-романтического языка первой половины XIX века на язык реалистической прозы, понятный и близкий следующему поколению американцев; но главным образом потому, что им, Торо, замыкается обозначенный нами круг идей.

Отдавая предпочтение духовному прогрессу по сравнению с материальным и ставя во главу угла первозданную природу как основу божественного мироустройства, он возвращал ее в контекст метафизических поисков человека. Современное американское движение в защиту природы не зря почитает его как своего предшественника: это одна из немногих сфер нашей жизни, где нет ни противоречий, ни разногласий между глубоко верующим христианином и убежденным атеистом. Кроме того, какой бы смысл ни вкладывали прежде в словосочетание “национальный парк”, сама идея впервые была четко сформулирована именно Торо. “Когда-то леса принадлежали английским королям, которые видели в них не более чем охотничьи угодья. И если деревня мешала хорошей охоте, ее просто сносили, а место включали в королевские владения. <...> Почему бы нам, людям, отвергнувшим монархию, не создать национальные заповедники в местах, где нет нужды разрушать чью-то жизнь, где по-прежнему привольно бродят не отстрелянные во имя цивилизации медведь и пантера, — наши леса? Не для королевской забавы, но для подлинного вдохновения и отдыха”. Генри Уолден Торо умер в 1862 году, сорока пяти лет от роду, неудачником. Издателью потребовались годы, чтобы распродать две тысячи экземпляров “Уолдена”. Посмертная известность пришла в 1880-е, когда после успеха европейской публикации появилось второе американское издание. Пророком в своем отечестве он стал уже в следующем столетии.

* * *

В предметном указателе вышедшего недавно второго тома биографии президента Теодора Рузвельта имена Эмерсона и Торо не упоминаются. “Неистовый Тедди” был крайне неортодоксальным политиком и настолько яркой личностью, что, по мнению некоторых современников, национальным интересам страны не повредила бы толика ординарности в этом поистине ренессансном человеке. Он стал инициато-

ром строительства Панамского канала, ввел антитрестовское законодательство, при нем федеральное правительство впервые стало активным посредником между различными антагонистическими интересами как во внутриамериканской, так и международной политике. Свободно владея несколькими живыми языками, а также греческим и латынью, он живо интересовался европейской литературой и, по воспоминаниям современников, читал запоем, везде и всегда (“В последнее время я читал “Политику” Аристотеля, кое-что из Плутарха и, как всегда для вдохновения, речи Линкольна”), и сам написал пятнадцать книг.

Однако чаще всего о нем вспоминают как о создателе системы национальных парков. В 1891 году общая площадь находившихся под опекой федеральной системы земель составляла 13 млн. акров; в 1901-м — 46 млн. За семь с половиной лет Рузвельт утроил размеры охраняемых государством территорий (150 млн.). Уточним, в созданную Рузвельтом систему государственной опеки земельного фонда вошли не только уже существовавшие и новые заповедники. В 1906 году президенту удалось провести закон о национальных памятниках — причудливом сочетании исторических и природных достопримечательностей; памятниками объявлялись и руины древних индейских поселений, и мемориальная усадьба Джефферсона, и возвышающийся над равниной гигантский базальтовый монолит Башня Дьявола (Devil's Tower) в Вайоминге. Правительство также поощряло штаты на создание своих отдельных заповедников и памятников. Важным историческим событием, повлиявшим на развитие экономики и на отношение американцев к природе, стало учреждение в 1905 году государственной лесной службы (US Forest Service), под контроль которой попали все не принадлежавшие частным лицам лесные массивы. Из всех природных (и культурных) богатств только национальные парки и памятники перешли в государственную собственность, остальные оставались во временном владении федеральной системы, или, по-дру-

гому, вошли в общественный фонд, не исключавший ни частной, ни какой-либо другой формы собственности, – но на определенных условиях.

* * *

В 1903 году, в конце первой ознакомительной поездки Теодора Рузвельта по стране, случился курьезный эпизод, который может служить притчей об амбивалентном отношении тогдашних американцев к природе. Прибыв в Санта-Крус, где его встречали восторженные толпы почитателей,

президент проследовал к горяче-красной секвойе в центре города и, стоя под ней, произнес пламенный панегирик благословенной природе Калифорнии и ее достопочтенным жителям. Произнося речь, он обернулся к древнему дереву... и увидел десятки прибитых гвоздями приветствий и рекламных объявлений. “Это насмешка и надругательство над величием природы, – внезапно сменив тон, гневно продолжил Рузвельт, – и я призываю граждан Калифорнии впредь воздерживаться от подобных актов вандализма и глупости”.

Учение о ноосфере: утопия или теория?

А.В. Поздняков

Томский государственный университет

В России научная общественность, так или иначе связывающая свою деятельность с проблемами экологии, развития цивилизации и России, много внимания уделяет проблемам ноосферогенеза. В.Ф. Взятыхшев считает необходимым выделять в отдельную категорию ноосферное развитие. На это следует заметить, что развитие мысли неотделимо от индустриально-технологического процесса. Мыслительная высокоинтеллектуальная деятельность человека, развитие технологий и информации образовали единую сложную самоорганизующуюся систему. Однако не стоит обольщаться интеллектуально-технологическими достижениями, не следует упускать из внимания, что при этом процесс направлен на повышение, возведение в степень диссипации не только энергии и вещества, но и информации.

Информация – совокупность получаемых и распространяющихся по пространству и времени знаний – используется не во благо, не на понижение энтропии гло-

бальной системы, а только лишь на ее повышение.

В научной среде России “ноосферогенез” рассматривается как учение. Однако если под учением понимать теорию достижения цели, единственно необходимую последовательность практических действий, то это, скорее, не учение, а недостаточно обоснованные утопические положения о всемогуществе Человека. В основе этого “учения” – обыкновенное человеческое тщеславие, выливающееся в эго- и антропоцентризм.

Он ясно проявляется и в рассуждениях В.Ф. Взятыхшева: “Проектная деятельность” – основное, что завещал Человеку Бог: “Я создал эту Землю. А развивать и совершенствовать ее – твоя задача”, – пишет он, в соответствии с библейскими писаниями и (как будто) воззрениями В.И. Вернадского: перед мыслью и трудом человечества “становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого”.

Поясняя суть идей В.И. Вернадского и развивая их, другой наш известный ученый Н.Н. Моисеев, специально подчеркивая, что “ноосфера” – это не просто часть биосфе-

Опубликовано: Поздняков А.В. Добрыми намерениями мостится дорога в ад. Биосфера. 2003, №3, с. 10-14. Сокращенный вариант.

ры, оказывающейся под преобразующим влиянием человека, утверждает: “ноосфера – это такое состояние биосферы, когда ее развитие происходит целенаправленно, когда Разум имеет возможность направлять развитие биосферы в интересах Человека, его будущего”. Эпоха ноосферы, согласно Н.Н. Моисееву, наступит, “когда человек сможет разумно распоряжаться своим могуществом и обеспечить такое взаимоотношение с окружающей средой, которое позволит развиваться и обществу, и Природе”.

В своих работах В.И. Вернадский подчеркивал необходимость и возможность перехода человека на автотрофное развитие: поскольку человечество, рассуждал он, стало представлять собой силу, сравнимую с геологическими природными силами, то оно, по мнению ученого, способно на управление природными процессами, на одномоментные, в рамках геологического времени, позитивные изменения среды обитания.

Видимо, величие ученого сдерживает критические высказывания в отношении данных суждений. Автотрофно-ноосферная концепция развития не обоснована научно. Она не учитывает энергетическую неэквивалентность затрат энергии на производство продукции и заключающейся в ней полезной энергии. “Автотрофность человечества” противоречит фундаментальным законам развития, что нашло подтверждение в современной практической деятельности. Достаточно напомнить, например, что производство единицы чистой продукции сопровождается производством более 90 % отходов и безвозвратными потерями энергии. На самом деле и у В.И. Вернадского, и у современных ученых, его последователей, работающих над проблемами ноосферогенеза, много утопического, объективно несбыточных мечтаний.

Основа их – в антропоцентризме, постулируемом убеждениями В.И. Вернадского, в констатации им как бы доказанного и неопровержимого факта: “биосферу необходимо перестраивать в интересах свободно мыслящего человека”.

Очень верное замечание о широко рас-

пространившихся в России идеях ноосферы делает Ю.В. Яковец: “Укоренился взгляд на ноосферу как на разумное светлое будущее”, но это, скорее, “тревожная, все более трагическая реальность”. Мечты о ноосфере как об устойчивом развитии “далеки от истины и опасны тем, что не позволяют разглядеть корни современных противоречивых тенденций и адекватно на них реагировать”.

Тем не менее, Ю.В. Яковец считает, что человечество способно “мобилизовать все имеющиеся силы и возможности для осуществления позитивного варианта торжества ноосферы (ибо венцом негативного варианта будет самоуничтожение человечества)”. В доказательство своих мыслей, в частности того, что на Земле возможно безбедное проживание 9–10 млрд. человек и на этой численности общество и должно остановиться, приводит в пример Японию. Вот какие обобщения по поводу роли ноосферных процессов в жизни общества сделаны Ю.В. Яковцом:

“Превращение биосферы в ноосферу – закономерный результат эволюции неживой и живой природы, вершина этой эволюции”;

“Эволюция человечества и научной мысли на определенном этапе достигает такого масштаба и силы воздействия, что превращается в новую геологическую силу, меняющую лицо планеты, в корне преобразующую биосферу, все более ощутимо ускоряющую темпы происходящих в ней перемен”;

“Основные факторы формирования ноосферы – научная мысль и человеческий труд. Математизированная научная мысль на определенной ступени ее концентрации превращается в планетарную геологическую силу”.

“Формирование ноосферы – процесс всепланетарный, его невозможно завершить в масштабах отдельной страны. Нам суждено вместе выжить или вместе погибнуть; вопрос лишь в длительности и мучительности агонии при пессимистическом варианте экбудущего”.

Далее Ю.В. Яковец пишет, что, в силу названных причин, однозначного ответа на вопрос об экологическом будущем дать невозможно. Однако, считает он, можно утверждать определенно, что все зависит от того, насколько “мировое сообщество осознает сущность, роковой характер Великой Экологической Альтернативы (так у автора – А.П.) и сумеет мобилизовать все имеющиеся у него силы и возможности для осуществления позитивного варианта торжества ноосферы, ибо венцом негативного варианта будет самоуничтожение человечества”.

Приведенные суждения в России широко распространены. Они возведены в ранг учения о ноосфере. Ю.В. Яковец придал несколько иное звучание идеям В.И. Вернадского. Если у Вернадского ноосфера, как закономерный процесс, наступит, когда человечество перестроит биосферу в своих интересах, то у Яковца вводится альтернатива: ноосферная эпоха – “будущая глобальная экологическая гармония” – наступит лишь в случае позитивного варианта развития ноосферы. А чтобы реализовался именно этот вариант, необходимо “добровольное принятие на себя ограничений, вытекающих из экологического императива” (Яковец). Иначе говоря, управляющие функции находятся в руках человека.

В этой связи хочу напомнить гениальное по прозорливости, по глубине понимания проблемы взаимоотношений природы и человека высказывание Ф. Энгельса: “Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она мстит нам. Каждая такая победа имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитываем, но во вторую и третью очередь – совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых.

На каждом шагу факты напоминают нам, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как кто-либо, находящийся вне природы, что мы, наоборот, нашей плотью, кровью

и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над нею состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать законы и правильно их применять.

Однако для того, чтобы осуществить регулирование, требуется ... полный переворот в нашем ... способе производства и, вместе с ним, во всем нашем теперешнем общественном строе”.

В самом деле, человек, находясь внутри природы, представляя один из временно существующих, с непоследовательно действующими функциями элементов, он, строго говоря, управлять природой не может, потому что не способен определять цель ее развития. Он видит и преследует другую, причем эгоистическую цель: приспособить природу под себя, замахиваясь, таким образом, на управление ею.

Как образно писал Т. Шарден, “в этой великой игре мы одновременно игроки, карты и ставки. Никто не продолжит ее, если мы уйдем из-за стода. И ничто не может заставить нас остаться за столом”.

К сожалению, мало кто обратил внимание на интересные, обоснованные выводы, высказанные Дж. Соросом в книге “Алхимия финансов”. Касаясь принципа неопределенности в социально-экономических процессах, он писал: “С одной стороны, участники (лица, находящиеся в социально-экономических отношениях – А.П.) стремятся понять ситуацию, в которой они участвуют; с другой стороны, их понимание служит основой для принятия решений, которые влияют на ход событий. Участники действуют на основе несовершенного понимания, и ход событий несет на себе отпечаток этого несовершенства”. И далее: “Несовершенным понимание участников становится вследствие того, что мышление их влияет на саму ситуацию, к которой оно относится”.

Продолжая мысль, можно утверждать и так: мы не можем силой разума действовать на Природу, не можем управлять ею так, как кто-либо, находящийся вне ее, потому что мы не знаем цели ее развития. А

не можем познать цель, потому что она, во-первых, аттрактивна, во-вторых, представляет собой блуждающую мишень – странный аттрактор; в-третьих, характерное время развития природных процессов намного превышает характерное время формирования мировоззрения, быстро меняющегося с изменением условий. Конечно, деятельность общества оказывает некоторое влияние на природные процессы, но не является определяющей.

Поведение цивилизации в целом управляется Природой через обратные отрицательные связи. Появились призывы к сохранению природы, к бережному и рациональному использованию ресурсов и вообще стали обсуждаться мировым сообществом проблемы устойчивого развития. Но

не потому, что еще в древности стоики, а позднее другие мыслители (Ф. Энгельс, Т. Шарден) предупреждали об угрозе “забастовок в ноосфере” (именно это мы сейчас наблюдаем в виде формирующегося и развивающегося общественного антиглобалистского движения), – а потому, что стали действительно проявляться обратные отрицательные связи со стороны Природы – главного регулирующего и управляющего органа в глобальной системе.

Природа “рассуждает” на основе иных, более высоких и грандиозных по охвату пространственно-временных функциональных отношений, связывающих все в единую систему. Наше поведение направляется Природой в соответствии с ее “замыслом”.

Первая Международная конференция по дикой природе (Трибуна-10)

(Посвящается 15-летию Киевского эколого-культурного центра)

Киевский эколого-культурный центр и Украинская коалиция “За дикую природу” проводят 24–26 апреля 2004 г. в Киеве Первую Международную конференцию по дикой природе (Трибуна-10). Ее цель – скоординировать междисциплинарные усилия в области гуманитарных и естественных наук по защите дикой природы и обменяться опытом практической природоохранной работы в этом направлении. Обсуждаемые темы:

- 1) методы защиты дикой природы (заповедание, законодательство, восстановление участков дикой природы, экотаж и др.);
- 2) дикая природа в мыслях и духе (осмысление феномена дикой природы в живописи, поэзии, философии, религии, народных традициях и др.);

3) образование и общественные кампании в защиту дикой природы (СМИ, работа с общественностью, властями, бизнесом и др.).

По итогам конференции будут изданы материалы. Желающие принять участие в конференции могут направить до 1 марта 2004 г. в адрес оргкомитета свои тезисы (до 3 стр. машинописи на русском языке) электронной или обычной почтой, а также должны прислать заявку на участие в конференции (в произвольной форме). Авторы наиболее интересных тезисов будут приглашены на конференцию с частичной оплатой питания, проживания и проезда.

Председатель оргкомитета конференции, директор Киевского эколого-культурного центра Владимир Борейко.

Адрес оргкомитета:

02218, Украина, Киев, ул. Радужная, 31, к. 48, Киевский эколого-культурный центр;
e-mail: kekz@carrier.kiev.ua.

МИР ЗАПОВЕДНОЙ ПРИРОДЫ

Л.Ф. Греханкина, А.Н. Захлебный, В.Я. Синицына, В.А. Ясвин

*Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгу твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья, отстою.*

Борис Пастернак.

Актуальность

В программе действий, принятой на конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992) отмечается, что биологическое разнообразие на нашей планете представляет собой ничем не восполнимую ценность: экологическую, генетическую, экономическую, научную, культурную, рекреационную, эстетическую, образовательную. В то же время разнообразие биологических видов стремительно сокращается под действием антропогенного фактора, что зафиксировано во многих международных документах последних лет. Очень важно предвидеть и устранить причины этого глобального явления. Одним из действенных направлений защиты и сохранения живой природы, в том числе среды обитания видов, является создание **системы особо охраняемых природных территорий** (ООПТ)¹. Однако наиболее надежным гарантом сохранения дикой природы как на территориях **государственных природных заповедников и национальных парков**², так и за их пределами является высокий уровень **экологической культуры** всего населения страны. Важнейшим механизмом формирования такой культуры может выступать общее *экологическое образование*.

В системе общего образования нашей страны предпринимается ряд усилий по

развертыванию экологического образования на уровне современных требований. Однако следует отметить, что изучению особо охраняемых природных территорий уделяется незаслуженно мало внимания как в учебно-воспитательном процессе общеобразовательных школ, так и в учреждениях дополнительного образования детей. Анализ школьных программ по географии, биологии, экологии показывает, что охраняемые природные территории изучаются в них лишь фрагментарно, как правило, в связи с характеристикой общих проблем охраны природы, или о них только упоминается.

Поэтому очень актуально звучит сегодня высказанная еще в начале XX века мысль, что для “непрерывного роста национальной культуры каждый народ должен оберегать ее корни в первоначальной природе. Ни музеи, ни книги не могут заме-

¹ *Особо охраняемые природные территории* – участки земли, водной поверхности и воздушного пространства над ними, где располагаются природные комплексы и объекты, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, которые изъяты решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны (Федеральный закон “Об особо охраняемых природных территориях”. Принят Государственной Думой 15 февраля 1995 года).

² В настоящее время в России создано 100 государственных природных заповедников и 35 национальных парков.

Опубликовано: Греханкина Л.Ф., Захлебный А.Н., Синицына В.Я., Ясвин В.А. Мир заповедной природы. Программа учебного модуля для учащихся 7–9 классов. М., 2001. 14 с. Сокращ. вариант.

нить национального музея свободной природы”¹.

Что такое ООПТ? Какую общекультурную, научную, рекреационную, образовательную функцию они выполняют? Сколько их и как долго они будут существовать? Понимаем ли мы ценность дикой природы? Что мы можем сделать для того, чтобы ее сохранить? Эти и другие вопросы недостаточно представлены в содержании современного школьного образования, что определяет актуальность изучения заповедных территорий в виде самостоятельного модуля.

Программа составлена с учетом того, что сегодня охрана природы из чисто естественнонаучной проблемы переросла в социально-культурную и ее нельзя решить, не предпринимая эффективных действий по изучению охраняемых природных территорий и пропаганде их деятельности среди населения.

Цели и задачи

Основные цели данной программы – формирование у подрастающего поколения представления об уникальной ценности заповедных территорий, развитие бережного и ответственного отношения к природе своего края, Родины, нашей планеты. Реализация целей программы предусматривает решение ряда важнейших образовательных задач.

Задача “Знаю и понимаю”

Формирование у учащихся системных представлений об охраняемых природных территориях как о ценности, имеющей национальное, мировое экологическое и культурное значение:

- об исторических корнях заповедания² природы;

¹ Тимонов В.Е. Охрана природы при инженерных работах. Цит. по: Борейко В.Е. Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле / Киев, 1997. С. 96. (Сер. “История охраны природы”. Вып. 15).

² Заповедание – выделение охраняемых природных территорий с определенными целями.

- о целях создания ООПТ на различных этапах развития человечества;

- о деятельности заповедников и национальных парков;

- о роли ООПТ в сохранении эталонов природы и уникальных культурно-исторических комплексов региона, страны, планеты в целом;

- о замечательных людях, которые посвятили свою жизнь созданию заповедных территорий.

Задача “Хочу”

Формирование *позитивного отношения* учащихся ко всему разнообразию живой природы, в сохранении которой важную роль играют охраняемые природные территории, на основе коррекции целей и мотивов экологического поведения учащихся. Эта работа связана прежде всего с эмоциональной сферой, направлена на актуализацию лучших нравственных побуждений, эстетических чувств, желания беречь природу.

Задача “Могу”

Формирование практических умений и навыков поведения. Учащиеся должны уметь:

- выполнять посильные исследования в окружающей среде;

- оформлять и представлять результаты исследований в различных учебных и реальных ситуациях;

- оценивать простейшие экологические последствия воздействия человека на окружающую среду, в том числе на состояние видового разнообразия в ней;

- оценивать эстетические достоинства окружающего ландшафта, в том числе отраженные в различных художественных формах;

- соблюдать экологические правила поведения в дикой природе;

- участвовать в посильной природоохранной деятельности (оказывать помощь в сохранении и восстановлении живой природы, в том числе на ООПТ, и др.).

Участие школьников в *практических*

делах на охраняемой природной территории формирует у них чувство сопричастности к проблемам сохранения дикой природы. Педагогу важно учитывать психологический феномен – каждый человек стремится беречь то, во что был вложен его собственный труд.

Мировоззренческие основы

В основу содержания программы положен этико-эстетический подход к охране природы, разработанный такими учеными, как И.П. Бородин, Г.А. Кожевников, В.И. Талиев и др. Центральной его идеей является утверждение этической ценности мира природы, необходимости формирования гуманного отношения людей ко всем живым существам, независимо от их практической ценности.

Этико-эстетический подход к сохранению природы обосновывает необходимость формирования у людей экоцентрического сознания (в отличие от антропоцентрического), характеризующегося:

- высокой степенью психологической включенности в мир природы;
- партнерской позицией по отношению к природе;
- ориентацией как на разумное использование природы, так и на духовное взаимодействие с ней.

Нормативные основы

Программа модуля “Мир заповедной природы” опирается на положения законов Российской Федерации “Об образовании”¹, “Об охране окружающей и природной среды”², а также на базисный учебный план общеобразовательной школы³.

Базисный учебный план состоит из фе-

дерального и национально-регионального компонентов. Федеральный компонент инвариантен. Национально-региональный компонент вариативен, в его содержании отражаются особенности той или иной территории, на примере конкретных материалов регионального характера рассматриваются общенаучные понятия, идеи, закономерности, раскрывающиеся в содержании федерального компонента учебного плана. Структура программы данного модуля позволяет включать его в содержание образования как на федеральном, так и на региональном уровне.

Организационные основы

Модульный тип построения программы “Мир заповедной природы” позволяет овладеть ее основным содержанием за 17–34 учебных часа. Данная программа может быть предложена для изучения в 7–9 классах общеобразовательной школы, а также стать основой для разработки профильного курса в старших классах.

Способы включения программы в образовательный процесс

- *Многопредметный.* Предполагает диффузное включение большей части учебного материала в содержание таких учебных предметов, как география, биология, экология, история, музыка, литература, изобразительное искусство и др. При этом учитывается соответствие материала темам и основному содержанию указанных предметов и, исходя из этого, раскрываются те или иные аспекты проблем, связанных с охраняемыми природными территориями. Такое построение материала программы данного модуля используется для расширения и углубления основных базовых компонентов уже имеющегося содержания образования, расширения его общекультурной функции.

- *Однопредметный.* Реализуется в рамках предмета по выбору. В этом случае в рамках учебного времени, выделяемого из вариативной части базисного плана, орга-

¹ Закон РФ “Об образовании”. М., 1992. С. 7.

² Закон РФ “Об охране окружающей и природной среды” // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. 5 марта. № 10.

³ Базисный учебный план школы // Вестник образования. 1998. № 4.

низуются специальный учебный курс или факультатив.

• *Смешанный.* Позволяет изучать охраняемые природные территории на уроках обобщающего повторения или за счет резервных часов, отводимых на школьные предметы – географию, биологию, экологию, историю, литературу и др., а также на внеурочные занятия (кружки, клубы, классные часы и др.).

Содержание программы можно использовать в образовательном процессе как в полном, так и в сокращенном объеме, в виде отдельных тем при формировании базовых понятий предметов естественно-научного и гуманитарного циклов (в частности, в ходе изучения объектов культурного и природного наследия на интегрированных, междисциплинарных уроках). Краеведческий материал удобнее изучать концентрированно на отдельных занятиях.

Программа может быть адаптирована как к конкретным региональным особенностям, так и к особым условиям того или иного образовательного учреждения, включая учреждения дополнительного образования.

Содержание программы

Программа состоит из четырех блокомодулей, включение которых в образовательный процесс зависит от целей и задач, поставленных учителем, условий конкретного образовательного учреждения. Распределение часов следует рассматривать как примерное.

I блок-модуль

ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ МИРА, 6 часов

Тема 1. Категории особо охраняемых природных территорий: заповедники, национальные парки, природные парки и др. Их цели и задачи. История создания системы особо охраняемых природных территорий. Первые национальные парки и заповедники.

Характеристика 2–3 особо охраняе-

мых природных территорий (по выбору учителя). История создания охраняемой природной территории; природные комплексы и основные объекты охраны. Основные виды деятельности. Редкие и исчезающие виды. Объекты историко-культурного наследия. Экологический туризм.

Тема 2. Европа. Национальные парки: “Баварский лес” (Германия), “Камарг” (Франция).

Тема 3. Азия. Большой Гобийский заповедник, национальный парк “Корбетт” (Индия).

Австралия. Национальные парки: “Большой Барьерный риф”, “Какаду”.

Тема 4. Америка. Национальные парки: Йеллоустонский, “Большой Каньон”, “Денали” (гора Маккинли).

Тема 5. Африка. Национальные парки: Крюгера (ЮАР), “Серенгети” (Танзания).

Тема 6. Международные конвенции и соглашения в области охраны природы, связанные с особо охраняемыми природными территориями. Конвенция о биоразнообразии, Конвенция о всемирном природном и культурном наследии ЮНЕСКО. Международные природоохранные организации (Всемирный Союз Охраны Природы (МСОП), Всемирный фонд дикой природы и др.), международные программы и проекты в области охраны природы.

II блок-модуль

ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И СТРАН

СНГ, 6 часов

Тема 1. Общая характеристика системы особо охраняемых природных территорий России и стран СНГ. История создания. Различные подходы к организации ООПТ: научный, прагматический, эстетический. Основоположники заповедного дела: А.В. Докучаев, Г.А. Кожевников, А.П. Семенов-Тянь-Шанский и др.

Категории особо охраняемых природных территорий: государственные природные заповедники, национальные парки, природные парки, государственные природные заказники, памятники природы и др.

Федеральный закон “Об особо охраняемых природных территориях”. Заповедники и национальные парки и их задачи; сходство и различия.

Характеристика 2–3 заповедников и национальных парков (по выбору учителя). История создания, природные комплексы и основные объекты охраны. Основные направления деятельности. Виды, занесенные в Красную книгу России. Объекты историко-культурного наследия.

Тема 2. Европейская часть России. Заповедники: Окский, Центрально-Черноземный, Кандалакшский, Астраханский. Национальные парки: “Куршская коса”, “Валдайский”, “Кенозерский”.

Тема 3. Азиатская часть России. Заповедники: Баргузинский, Ильменский, Сихотэ-Алинский, “Остров Врангеля”, Большой Арктический. Национальный парк “Прибайкальский”.

Тема 4. Государства СНГ. Репетекский заповедник (Туркмения), Сары-Челекский заповедник (Кыргызстан); национальный парк “Беловежская Пуща” (Белоруссия).

III блок-модуль

МИР ПРИРОДЫ В МИРЕ ЧЕЛОВЕКА,
8 часов

Тема 1. Сравнение понятий “природная среда”, “мир природы”, “общение с природой”. Восприятие человеком красоты и гармонии природы (цвет, форма, пропорции, ритмы, размеры, симметрия, динамика, звучание и т. п.). Символическое значение природы. Историко-культурная ценность живой природы. Отражение красоты природы в живописи, скульптуре, литературе, музыке, фольклоре.

Тема 2. Гуманитарная экология. Экологическая этика как элемент экологической культуры. Забота о сохранении разнообразных форм жизни как новая ценность современной цивилизации.

Игровой тренинг: партнерское отношение человека к миру живой природы.

Тема 3. Человек и биосфера. Охраняемые природные территории в процессе развития человеческой цивилизации. Неисто-

щительное природопользование – важное условие устойчивого развития человечества. Биосферные резерваты ЮНЕСКО как полигоны устойчивого природопользования.

IV блок-модуль

ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЕ ПРИРОДНЫЕ
ТЕРРИТОРИИ СВОЕГО РЕГИОНА,
14 часов

Тема 1. Особо охраняемые природные территории своего региона. Характеристика наиболее значимых ООПТ. История создания, люди, посвятившие свою жизнь изучению и сохранению дикой природы, природные комплексы и основные объекты охраны. Виды, занесенные в Красную книгу России. Объекты историко-культурного наследия.

Тема 2. Роль охраняемых природных территорий в сохранении биоразнообразия региона. Ресурсосберегающий, научный, рекреационный, туристический потенциал ООПТ. Вклад особо охраняемых природных территорий в социально-экономическое развитие региона.

Практикум и/или экскурсия на базе одной из ООПТ региона (предпочтительно на базе государственного природного заповедника или национального парка)¹.

Знакомство с деятельностью и природой заповедника/национального парка, правилами поведения на заповедных территориях. Экскурсия по экологической тропе, посещение музея природы. Участие в одной из волонтерских программ, предложенных администрацией ООПТ.

Пути реализации программы

Высокий образовательный уровень реализации данной программы может быть обеспечен благодаря использованию основных положений гуманистической психоло-

¹ Государственные природные заповедники и национальные парки обладают необходимой инфраструктурой и специалистами для ведения эколого-просветительской работы со школьниками.

гии и педагогики, экологической психопедагогики, теории и методики экологического образования, а также инновационных технологий развития экологического сознания.

Гуманистическая психология и педагогика выступают в качестве психолого-педагогической основы реализации целей данной программы, предусматривают партнерское взаимодействие обучающего с обучаемыми. Личность обучаемого ставится в центр педагогического процесса. Обучаемым предоставляется право на ошибки, свободный творческий поиск, который стимулируется не оценкой и наказанием, а заинтересованной поддержкой. Гуманистическая педагогика ориентирована на слияние эмоциональных и познавательных аспектов обучения; помощь учащимся в осознании особенностей собственной личности, своего отношения к окружающему миру; создание благоприятного психологического климата в группе; раскрытие творческого потенциала каждого человека.

Экологическая психопедагогика рассматривает охрану природы не только как естественнонаучную, но прежде всего как социальную проблему, отдавая приоритет ее гуманитарному аспекту. Педагогический процесс развития экологического сознания строится на основе методик, позволяющих использовать соответствующие психологические закономерности становления и развития личности.

Природа при этом рассматривается не столько как *окружающая среда*, а в большей степени как *мир природы*. Именно по отношению к *миру природы* люди могут проявлять свои чувства (жалость, сопереживание, сострадание и т. д.); именно *мир природы*, а не *окружающая среда* отражается в творчестве поэтов, писателей и художников, т. е. именно *мир природы*, а не *окружающая среда* выступает для человека как личная, а не только объективная ценность. Экологическая психопедагогика ориентирует человека на равноправное, партнерское взаимодействие с *миром природы*.

Теория и методика экологического об-

разования базируются на междисциплинарном подходе, признании единства интеллектуального и эмоционально-волевого компонентов образования, важности взаимосвязанного раскрытия экологических проблем в глобальном, национальном и краеведческом аспектах, необходимости определения путей их конструктивного решения.

В настоящее время отечественными и зарубежными методистами разработано достаточное количество авторских *инновационных технологий развития экологического сознания*, основанных на нетрадиционных психолого-педагогических методах (имитационные экологические игры, эколого-психологический тренинг, экологические практикумы, экологическое образование на основе жизненного опыта и др.). Творческое осмысление и использование этих образовательных технологий может значительно расширить методический арсенал реализации настоящей программы.

Содержание данной программы предусматривает возможность ее *реализации в лично ориентированном режиме*. Для этого необходимо организовать образовательный процесс, ориентируясь на решение следующих педагогических задач:

1. Развитие у учащихся умений и навыков учебной деятельности, позволяющих им эффективно достигать результатов, предусмотренных содержанием данной программы. Образовательный процесс должен быть направлен на развитие познавательных, эмоциональных, физических и духовных – творческих способностей учащихся, а не на стереотипное воспроизведение ими стандартного минимума готовых истин;

2. Совершенствование у учащихся навыков общения как в коллективе сверстников, так и со старшими при организации групповых форм учебной деятельности (дискуссий, конференций, игрового тренинга, экскурсий и др.), формирование у них умений, необходимых для проведения полевых практикумов, туристических походов, грамотного поведения в условиях дикой природы и т. п.;

3. Развитие личностной зрелости уча-

щихся: осмысление ими своего места в мире, стремление к раскрытию своих способностей, использованию потенциала общения с природой для своего личностного развития и самосовершенствования. Идеология образовательного процесса заключается в воспитании гражданина планеты Земля, способного обеспечивать устойчивое общественное развитие человечества и, в первую очередь, своей страны.

Реализация данной программы предусматривает использование разных форм и методов учебной деятельности, позволяющих активизировать различные способы восприятия и усвоения информации, в том числе на теоретическом, практическом и эмоциональном уровнях. Эти способы включают:

передачу информации от учителя к ученику с использованием методов устного изложения материала: лекций, бесед, объяснений, рассказов и др. Это позволяет раскрыть основные теоретические положения и ключевые понятия содержания программы. Слово учителя в сочетании со зрительным рядом (слайды, фильмы, видеоматериалы и др.) оказывает эмоционально-эстетическое воздействие на учащихся, создает определенный настрой, мотивирующий школьников к дальнейшей познавательной деятельности;

организацию практической работы учащихся под руководством учителя. Выполнение самостоятельных и практических работ позволит закрепить и творчески осмыслить учебный материал, полученный на предыдущих занятиях. Учащиеся работают с различными источниками информации (карты, учебники, справочники, иллюстрации, дидактический материал), обсуждают дискуссионные вопросы. Здесь эффективны уроки-практикумы, конференции, "путешествия", ролевые и имитационные экологические игры. В соответствии с опережающими заданиями, подготовленными учителем, учащиеся готовят творческие

работы: проекты, доклады, рефераты и др., которые могут выполняться как индивидуально, так и в малых группах;

эстетическое освоение учащимися мира природы и формирование у них гуманного отношения к животным и растениям. Для этого используется отображение учащимися своих мыслеобразов природы средствами изобразительного искусства, фотографии, прозы, поэзии и т.п. Участие школьников в эколого-психологических играх, воспитывающих сопереживание живым существам, формирует у них партнерскую позицию по отношению к животным и растениям, стремление их беречь и защищать;

проведение полевого практикума и/или экскурсий на базе охраняемых природных территорий с участием соответствующих специалистов (сотрудников ООПТ, представителей местных природоохранных органов и др.). Для этого необходимо заранее согласовать с ними программы и календарные планы занятий.

При отсутствии возможности посещения одной из ООПТ экскурсия и/или полевой практикум проводятся учителем самостоятельно в условиях дикой природы или любого доступного участка живой природы. Занятия могут также проходить на базе регионального краеведческого музея.

Учителю важно спланировать эти занятия таким образом, чтобы в них экскурсионный рассказ (беседа) сочетался с самостоятельной деятельностью учащихся по изучению и оценке экологического состояния среды, ее эстетической привлекательности и др. Не менее важно на этих занятиях создать условия для формирования практических, поведенческих и коммуникативных умений. Для этого целесообразно предусмотреть участие детей в посильных практических делах в рамках волонтерских программ, предложенных администрацией данной ООПТ.

УЧЕБНЫЕ ЗАДАЧИ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

В.Е. Борейко

ЗАДАЧА 1

Согласно теории прав природы, синиц, чижей нельзя отлавливать для содержания в клетках, так как это нарушает их право на естественную свободу в естественной среде обитания. Но ведь держа зимой птиц в клетке, мы таким образом спасаем их от бескормицы. Как быть?

Ответ. Чтобы защитить синиц и чижей от бескормицы, не обязательно их отлавливать и держать всю зиму в клетках, лучше соорудить кормушку и подкармливать в тяжелое время на природе.

ЗАДАЧА 2

В жизни часто возникает ситуация, когда человеку, чтобы спасти свою жизнь или здоровье, приходится лишать жизни комаров, глистов, болезнетворных микробов. Но ведь убивая их, человек тем самым нарушает их право на жизнь.

Ответ. В данном случае человек прибегает к необходимой самообороне, что не отрицается экологической этикой.

ЗАДАЧА 3

Человек разводит коров, свиней, а затем, в целях своего пропитания, лишает их жизни, чем посягает на их право на жизнь. Правильно ли это?

Ответ. Человек так же, как многие млекопитающие (медведь, свинья, еж и др.) является существом всеядным. Поедание мяса для многих людей считается жизненно необходимым. В природе все устроено так, что одно живое существо живет за счет жизни другого (то есть завершение одной жизни является условием продолжения другой жизни). Поэтому мясоедство человека, как и людоедство медведя, как вынужденная мера поддержания его жизни, является

как экологически, так и этически обоснованной (своего рода “необходимое” зло).

Другое дело, когда питание человека превращается в особое извращенное гурманство (паштет из соловьиных языков, жареные лошадиные глазки и т. д.), что с позиции экологической этики является неправильным. Хотя в целом человек должен стремиться как можно меньше убивать живых существ.

ЗАДАЧА 4

Охотник-любитель убивает на охоте зайца. На ферме разводят телят, которых тоже лишают жизни. Как в первом, так и во втором случае, человек забирает у животного жизнь. Однако почему любительская охота с позиции экологической этики является безнравственной, а выращивание телят на мясо так не осуждается?

Ответ. Все различие в целях, мотивациях совершаемых действий. Охотник-любитель убивает дикое животное не с целью пропитания, как это делается во втором случае, а с целью развлечения. Получение развлечения не может считаться моральным обоснованием для убийства живого существа.

ЗАДАЧА 5

Во многих заповедниках и национальных парках проводятся санитарные рубки и другие мероприятия, направленные против короедов. Может ли это с позиции экологической этики считаться правильным?

Ответ. Заповедники и национальные парки – это такие единственные пока на Земле участки дикой природы, где права всех живых существ должны защищаться в максимальном объеме, где каждая жизнь находится под охраной. Короед – такой же настоящий и законный обитатель заповед-

ного леса как и олень, белка или филлин. Лес – его дом, дерево – его пища. И он имеет на это все права.

ЗАДАЧА 6

В одном заповеднике развелось очень много кабанов и оленей. Они стали наносить экосистеме заповедника огромный ущерб – уничтожив практически весь подрост. Тогда было предложено организовать в заповеднике охоту: чтобы не только снизить количество кабанов и оленей до оптимального, но еще и немного денег для заповедника заработать. Правильно ли это?

Ответ. Открытие любой охоты в заповеднике или национальном парке – вопиющие нарушения не только прав животных, но и экологических принципов в заповедном деле (благоговей перед дикой природой, не стремись к получению наживы от заповедника и др.). Численность расплодившихся животных можно уменьшить другими, экологическими способами – перестав их подкармливать зимой, акклиматизировав волков или, в крайнем случае, путем отлова с последующим выпуском в других регионах.

ЗАДАЧА 7

Активисты одной зоозащитной организации закупили в зоомагазине всех канареек и выпустили их на волю. Правильно ли это с точки зрения экологической этики и права животных на свободу?

Ответ. Канарейки являются домашними животными, для которых естественной средой обитания стала клетка. Более того, выпущенные на свободу и оставшиеся без опеки человека они просто погибнут.

ЗАДАЧА 8

В одном заповеднике при помощи дровил в целях научных исследований добывается огромное количество мышевидных грызунов. Этично ли это?

Ответ. Не этично. Мыши и полевки, как

млекопитающие, согласно теории прав природы, обладают правами на уровне вида и индивида. В заповеднике их права должны защищаться максимально. Ставя в заповеднике давилку, ученый не только попирает права мыши на жизнь, но и обрекает ее на ненужные страдания.

ЗАДАЧА 9

В одном из заповедников, где обитает редкий, занесенный в Красную книгу вид кулика, расплодились серые вороны, которые расклеывая его яйца, поставили на грань исчезновения всю заповедную популяцию редкого кулика. Администрация заповедника приняла решение об отстреле серой вороны, что, в свою очередь, грубо нарушает права особей этого вида на жизнь. Как быть?

Ответ. Так как с позиции экологической этики и теории прав природы, права видов имеют преимущество перед правами индивидов, то сохранение редкого вида кулика является задачей более весомой, чем защита нескольких сотен серых ворон, представителей очень распространенного и многочисленного вида. Однако вряд ли с позиции прав природы и экологической этики можно согласиться с отстрелом в заповеднике серых ворон. Ведь заповедник и национальный парк – это такое особенное место, где вообще никогда не должны звучать выстрелы. Поэтому для ограничения численности серых ворон должны приниматься другие меры – пернатые хищники (соколы, ястребы), отлов ворон с выпуском их за пределами заповедника и т. п.

ЗАДАЧА 10

Обитающие в заповеднике волки стали делать вылазки на соседние с заповедником фермы и резать скот. Крестьяне обратились к руководству заповедника с требованием уничтожить волков. Как быть?

Ответ. Волки также хотят кушать мясо, как и люди. И имеют, согласно теории прав природы, на это полное право. Админист-

рация заповедника не должна соглашаться с требованием крестьян на отстрел волков в заповеднике, а лишь может посоветовать или помочь организовать более качественную охрану сельскохозяйственных животных.

ЗАДАЧА 11

В элеваторе завелось много мышей и крыс, наносящих серьезный материальный ущерб. Директор элеватора предполагает для борьбы с ними закупить яд. Как расценить этот поступок с точки зрения экологической этики?

Ответ. С точки зрения экологической этики уничтожение животных ядом недопустимо, так как заставляет их страдать. Понятно, что спасение зерновых запасов требует ограничения численности грызунов, что можно произвести более этичным способом: используя природных врагов грызунов, или при помощи стерилизации мышей и крыс.

ЗАДАЧА 12

В результате строительства многоэтажного жилого дома планируется засыпать песком и гравием небольшое болото, где обитают лягушки, черепахи и другая живность (краснокнижных видов не имеется). Как следует поступать с точки зрения экологической этики?

Ответ. С точки зрения экологической этики и защиты прав перечисленных животных (как индивидов), болото следует отстоять от уничтожения или, в крайнем случае, добиться возмещения ущерба животным путем отлова всей живности с переносом в другое болото, или в искусственно созданное.

ЗАДАЧА 13

Бизнесмены решили соорудить себе загородную баньку в заказнике дикой природы. При помощи взяток и других манипуляций они получили на это официальное

разрешение от природоохранных государственных органов. Защитники дикой природы пытались обратиться за помощью к местному населению и прессе, однако те оказались равнодушны к этому вопросу. Тогда защитники природы прибегли к крайнему средству – экотажу, шипуя приговоренные к вырубке деревья, подъездные пути и портя строительную технику. Как это можно расценить с позиции экологической этики?

Ответ. С позиции экологической этики жизнь живых существ, которые будут уничтожены в результате постройки загородной бани, считается гораздо ценнее, нежели артефакты – автомобили, строительная техника и банька. В связи с этим, порча последних в целях защиты участка дикой природы может быть признана морально оправданной.

ЗАДАЧА 14

Научный сотрудник зоологического института подал заявку в природоохранный орган с просьбой дать ему разрешение на научный отстрел 20–30 особей нескольких обычных видов птиц с целью сбора материала для написания диссертации. Этично ли проводить такую научно-исследовательскую охоту?

Ответ. С позиции экологической этики обмен: жизнь на материал для диссертации не может считаться равноценным. Жажда знания нужно удовлетворять гуманными способами исследований. Сбор материала для диссертации не может считаться жизненно важной человеческой потребностью, ради которой возможно нарушение права живых существ на жизнь.

ЗАДАЧА 15

Американские экологи уже много лет борются против вырубки вековых лесов на северо-западном побережье США. Вырубка угрожает обитанию редкого вида – пятнистой совы. Если вырубка будет продолжаться, пятнистая сова исчезнет как вид. С

другой стороны, лесоразработки сулят администрации большие социальные и экономические выгоды. Поскольку ни США в целом, ни рядовому американцу нет никакой выгоды от пятнистой совы, и поскольку сова не вносит никакого вклада в человеческое общество никаким очевидным способом, многие американские экономисты, чиновники и политики предлагают разрешить и дальше вырубку этих лесов.

Какой ответ можно дать с позиции экологической этики?

Ответ:

1. Вырубка нарушает право пятнистых сов как вида на существование и поэтому должна быть запрещена.

2. Уничтожение любых видов в принципе является неправильным, даже если оно приводит к социально полезным последствиям.

ЗАДАЧА 16

В рыбозаводном хозяйстве разводят осетровых. Для этого отлавливают некоторое количество маточного поголовья, раз-

резают ножом рыбе брюхо, выгребают икру и молоки в тазы, перемешивают все это, после чего такой “плод любви” помещают в искусственные бассейны с аэрацией. Затем выклеваются малыши, из которых, как правило, выживает несколько процентов. Насколько этична данная деятельность?

Ответ:

1. Если выращивание рыб происходит с целью спасения какого-либо редкого вида осетровых, то такая деятельность является правильной, хотя этим и нарушаются некоторые права природы.

2. Если целью является лишь получение экономической выгоды за счет реализации через торговую сеть икры и осетрины, для чего дикая фауна Каспия или Азова, с нарушением прав животных (право на естественную свободу в естественной среде обитания, право на защиту от страдания по вине человека и др.) превращается в стадо сельскохозяйственных, то такая деятельность с позиции экологической этики не может считаться правильной.

КАК РАЗВИТЬ У ДЕТЕЙ ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРИРОДЫ

М.В. Почитаева

Марийское отделение МСОЭС, г. Йошкар-Ола, e-mail: s-pochitaev@mail.ru

Проведение занятий с детьми на природе играет большую роль в формировании экологического мировоззрения учащихся. Тем не менее, городские школьники, оказавшись в естественном природном окружении, сохраняют закрепившиеся с детства стереотипы поведения:

- привычку шуметь на маршруте;
- привычку машинально разбрасывать мусор (а для курящих – сигареты);
- неумение наблюдать, находить интересное вокруг;
- попытки ловить живые объекты руками без особой необходимости;

- различного рода страхи;
- неумение правильно подбирать одежду для выхода на природу;
- отсутствие чувства коллективизма, амбициозность.

Такие особенности поведения городских школьников было предложено называть стереотипами городского поведения. Изменить их достаточно сложно, однако большую роль в этом могут сыграть занятия на природе и соответствующие методики. Немаловажную роль также играет личность педагога, его заинтересованность в конечном результате работы.

Большую роль может сыграть постановка проблемы. Например, дети неохотно слушают учителя, когда знают, что у него на все есть готовый ответ. И, напротив, отказ от поиска единственно правильного решения и умение задействовать личный опыт ребенка будут поощрять его исследовательский интерес. Однако, помимо этого, необходим поиск новых форм эмоционального воздействия, которые позволят ребенку ощутить себя причастным ко всему происходящему, научат его видеть интересное в самых обычных объектах природы. Это можно обеспечить за счет специальных методик, направленных на развитие эмоционально-чувственного восприятия и совершенствования навыков исследовательской деятельности.

Методики, направленные на развитие эмоционально-чувственного восприятия природы, позволяют узнать многое о человеке, который их выполняет, и получить представление о том, как он общается с природой. Результаты проведенного исследования показывают, что даже хотя оценок мы школьникам не ставили, в целом 31 человек или 76 % респондентов из 41 (100 %), выполнявших работу, проявили к ней высокую заинтересованность. Об этом может свидетельствовать добросовестное заполнение опросного листа, когда ответы на вопросы даются полно, подробно, выполняются почти все задания и рисунки. Из них 15 человек (37 %) прямо сказали о том, что им было интересно заниматься этой работой или находиться в том уголке природы, который они выбрали, а 16 человек (39 %) хоть и не сказали об этом прямо, но стиль написания ответов, выполнение рисунков и некоторые другие косвенные признаки позволяют сделать вывод о том, что само задание или выбранный ими уголок природы им понравились. Неохотно выполняли задание всего 6 человек (15 %), тем не менее, даже среди их работ нам удалось обнаружить исследовательский интерес к природе. По ответам этих учащихся нельзя сделать вывод, что они не любят природу, просто некоторые из них – это очень жи-

вые, подвижные дети, требующие индивидуального подхода, что бывает не всегда возможно при массовой работе. Также сюда можно отнести детей, которые неохотно выполняют письменные задания. Лишь в одном случае (хотя на все вопросы были даны ответы) можно было отметить, что учащемуся не понравилось ни само задание, ни тот уголок природы, который он выбрал (2 %). В остальных случаях (3 человека, или 7 %) был проявлен средний интерес к работе.

Несмотря на то, что работа выполнялась в обычном для нашей местности сосновом лесу, 85 % опрошенных при выполнении задания нашли для себя что-то новое и интересное. Например, на вопрос № 1 темы “Ландшафт” “Что первое показалось вам удивительным, необычным”, одна из участниц написала: “Река. Она в одном месте мелкая, в другом глубокая”. Другой школьнице показалась удивительной и необычной наполовину высохшая ель. Кроме того, рядом она смогла обнаружить растение, которое никогда ранее не видела цветущим. Еще одной участнице показалось необычным то, как солнце отсвечивает в воде. Других заинтересовали насекомые, необычные деревья или высохшие коряги. В целом же данные исследования показали, что половина участников (21 человек – 51 %) проявила ярко выраженный исследовательский интерес, направленный на изучение каких-либо объектов.

Сравнительно немногие учащиеся отметили в работах эстетическую привлекательность своего уголка природы или отдельных его объектов (14 человек – 34 %). Тем не менее, 18 человек (44 %) с большим старанием выполнили все рисунки. Три человека (7 %) дали в тексте тонкое художественное описание картин природы.

Методики, направленные на развитие эмоционально-чувственного восприятия, должны играть положительную роль в развитии чувства сопереживания, бережного отношения к природе, особого отношения к окружающему. В нашем случае более половины опрошенных (21 человек – 51 %)

ощутили то, что можно описать как чувство гармонии с природой (в разных опросных листах это было отмечено как чувство покоя, умиротворения, уюта, тишины, счастья, удобства, тепла, защищенности, чувство “дома” или просто как хорошее настроение, появившееся при выполнении задания). В условиях города многие дети не имеют возможности послушать звуки леса, вдохнуть запахи земли, почувствовать ее горячее дыхание, ощутить теплоту травы и увидеть вокруг много интересного, общаясь с природой напрямую. И, напротив, при заполнении опросных листов у некоторых участников появлялись очень сильные впечатления от общения с окружающим миром. Как сказала об этом одна из участниц: “...даже не хочется говорить вслух, чтобы не нарушать гармонию с природой”. Три человека (7 %) при выполнении задания отметили ощущение чувства свободы, еще столько же упоминают про то, что можно описать как чувство любви к Родине, а четыре человека в текстах ответов обнаруживают глубокое благоговение перед природой. Вот некоторые примеров.

“Здесь есть что-то величественное, историческое, дышащее глубиной веков... Легкий бриз со стороны реки едва ощутим. Прикосновение его (точнее, объятия) нежны и осторожны, выжидательно-заигрывающие. Вместо песни я чувствую танец ветра, сравнимый с воздушным, кружащимся вальсом... С закрытыми глазами я переносюсь веков на 10 назад, на берег большой реки. Я нахожусь перед крутым склоном, вокруг поле, на горизонте – лесистые холмы, неподалеку деревушка. Я сижу в холщевой рубаше. Надо мной в синем небе плывут белые курчавые облака. Все залито солнечным светом. Такая картина нередко предстает в моем воображении. И... наворачиваются слезы тоски, тоски по родине, по тому небу, по тому солнцу, по тем лесам, по той деревне – по моему детству” (Евгений).

“Слетевший лист, дрожит, как бы боится упасть. Он медленно плывет по воздуху, подхваченный порывом ветра. Упав, он

пытается оторваться от земли и взлететь к солнцу. Еще дрожа от страха, он пытается оторваться от земли. Но вот он в последний раз встрепенулся и слег на землю, не зная, что ждет его дальше. Как тихо падают листья. Они как слезы дерева. Деревья, растущие там, куда не ступала нога человека, плачут из-за того, что скоро осень” (Таша).

Следует отметить, что это писали самые обычные дети, не проявляющие в повседневной жизни каких-то особых талантов в области литературы. Тем не менее, многие из них смогли очень ярко, образно и красиво рассказать о том, что находится рядом с ними, хотя такая задача перед школьниками специально не ставилась. Поэтому можно сделать вывод, что предлагаемые нами задания позволяют детям по-иному взглянуть на окружающий их мир.

“Я почувствовала себя очень маленьким существом и ощутила мощь природы, которую раньше не замечала. Мне было очень удобно и спокойно, меня ничто не тревожило, звуки деревьев успокаивали и тянули в сон” (Яна).

Можно отметить, что восемь человек (20 %) прямо указали на то, что выбранный уголок природы привлекателен для них в том числе и как место отдыха. И только двое из участников опроса (5 %) отметили, что испытали чувство хотя бы некоторого неудобства (например, сырость, комары). Четыре человека (10 %) в своих ответах сравнивают объекты природы с людьми или себя – с объектами природы: “я чувствую себя землей (не планетой)” дерево “как сторбившийся старец, замшелый и покореженный, но не сгибается...”; “со мной мирно общаются высокие сосны, успокаивая меня и лелея”; “хотелось бы прийти сюда, поговорить с деревом, насекомыми, растениями, вообще с природой”. Последнее высказывание тем более интересно, что участница работы еще и проявляет к “своему” уголку природы ярко выраженный исследовательский интерес: “Мне хотелось бы быть короедом, но не в плохом смысле, а чтобы рассмотреть дерево изнутри, – древесину, кору, царство таких, как я насекомых”.

Похожие высказывания есть и у других участников работы: “Я хотел бы стать пауком, чтобы научиться плести паутину и делать узоры”, или “Я хотела бы быть второй маленькой лягушкой”.

Рекомендации по использованию методик, ориентированных на усиление эмоционально-чувственного восприятия природы

1. Для проведения занятий необходимо выбирать эстетически привлекательные уголки, где достаточно места для того, чтобы каждый из участников работы смог найти для себя интересные объекты для наблюдения. Ими являются очень многие памятники природы. Например, в нашем случае идеальным объектом для проведения занятий по теме “Ландшафт. Биоразнообразие ландшафта” стал памятник природы Ола Курык, расположенный на территории национального парка “Марий Чодра”. А в апреле 2003 г. подобная методика была представлена для участников семинара по экологическому образованию, проходившему в детском лагере “Байтик” (Республика Татарстан) на берегу памятника природы “Голубое озеро” во время проведения ознакомительной экскурсии.

2. Работу с детьми лучше всего проводить в хорошую солнечную погоду при наличии слабого ветра, что снижает влияние неблагоприятных природных и погодных факторов, особенно при наличии в лесу или на участке луга кровососущих насекомых. Несмотря на сложные погодные условия в Республике Марий Эл, где летом дожди могут идти почти ежедневно, предлагаемые нами методики вполне пригодны для проведения занятий.

3. Исследования показывают, что лучше начинать проведение подобных заданий с учащимися не младше 11 лет. К детям могут присоединяться взрослые, главное, чтобы все участники выполняли их добровольно.

4. Не следует никого принуждать к выполнению работы. Если в группе окажется несколько человек, для которых такой вид деятельности не представляет интереса, можно предложить им заняться чем-либо другим, что не будет отвлекать остальных.

5. При проведении занятия атмосфера в группе должна быть доброжелательной. Руководитель должен придерживаться демократичного стиля общения и учитывать настроение обучающихся. Если школьники не готовы к работе, требующей сосредоточенности и внимания, можно для начала провести с ними подвижные игры, а затем раздать листы-задания и приступить к их выполнению.

На основании проведенного можно сделать вывод о том, что использованные нами методики нравятся детям. Они просты, доступны и их можно использовать повсеместно, если работать небольшими группами (до 20 человек) и учитывать психологические особенности учащихся. Предлагаемые вами задания позволяют детям напрямую общаться с природой, не испытывая страх потеряться в лесу, так как рядом с ними находятся товарищи и руководитель. В то же время учащиеся проводят свои исследования, находясь на некотором удалении друг от друга, что позволяет им свободно, без принуждения и давления со стороны преподавателя и товарищей решать поставленные задачи.

ДЕТСКИЙ КОНКУРС “ЗАЩИТИ ДЕРЕВО”

Детский конкурс “Защити дерево”, проведенный недавно экологической группой “Печенеги”, предлагал для детей ряд заданий:

1. Описание, к чему могут привести неконтролируемые вырубki леса;
2. Написание сочинения на тему “Если бы я был хозяином леса”;

3. По примеру краткого варианта Конвенции о правах ребенка необходимо было составить свою версию Декларации прав деревьев.

Ниже публикуется часть конкурсной работы Наташи Боровкиной и Антона Триполки (ООШ №1, пос. Комсомольский, Змиевский район Харьковской обл., рук. Карпенко А.Н.) – написанная школьниками Декларация прав деревьев.

Декларация прав деревьев

Преамбула

Принимая во внимание, что сейчас на планете ханжески уничтожаются леса и не ведутся разработки по их восстановлению, все разумные люди Земли, в том числе, и жители поселка Комсомольский, заинтересованы в сохранении деревьев. Генеральная Ассамблея Комсомольской ООШ №1 провозглашает настоящую Декларацию прав деревьев с целью обеспечить их защиту и благополучные условия развития.

Мы призываем мужчин и женщин, как отдельных лиц, а также добровольные организации, местные власти и национальные правительства к тому, чтобы они признали и старались соблюдать эти права путем законодательных и других мер, постепенно принимаемых в соответствии со следующими принципами:

Принцип 1

Каждому дереву должны принадлежать все указанные в настоящей Декларации права. Эти права должны признаваться независимо от места произрастания, вида, возраста и ценности этого дерева.

Принцип 2

Деревьям законом должна быть обеспечена специальная забота и предоставлены возможности для благоприятного развития.

Принцип 3

Дереву должно принадлежать право на

получение питательных веществ, среду обитания, заботу и уход.

Принцип 4

На обществе, на органах публичной власти и правовой защиты деревьев должна лежать ответственность за осуществление заботы о деревьях, особенно это касается редких и исчезающих видов.

Принцип 5

Деревья всех видов имеют право на продолжение рода, которое должно быть бесплатным и обязательным. Деревьям для дальнейшего развития должна быть обеспечена возможность общения с живой природой. Общество и органы публичной власти должны приложить усилия к тому, чтобы способствовать осуществлению указанного права.

Принцип 6

Дерево должно при всех обстоятельствах находиться среди тех, кто первым получает защиту и помощь.

Принцип 7

Дерево должно быть защищено от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации (исключая разумную экономическую и хозяйственную необходимость). Оно не должно быть объектом торговли в какой бы то ни было форме.

Принцип 8

Все люди нашей планеты общими усилиями должны обеспечивать деревьям мир, любовь и уважение к ним, так как их энергия и красота направлены на обеспечение счастливой и здоровой жизни людей.

(Материал представлен С. Шапоренко, экологическая группа “Печенеги”, г. Харьков, e-mail: pecheneg@ic.kharkov.ua).

ТВОЕ ДЕРЕВО

От редакции

Специалисты по экопросвещению российского заповедника “Шульган-Таш” разработали оригинальную методику по развитию чувственного, этического отношения к природе, предложив найти понравившееся дерево. Предлагаем ее вам.

Ты охраняешь и защищаешь Природу от недоброго на нее воздействия. Постарайся взглянуть на окружающее немного иначе, отрешившись от суеты и, пожалуйста, выполни предложенные задания. Ведь не считаешь же себя безнадежно старым или равнодушным человеком?

ТВОЕ ДЕРЕВО

Дерево живое. Оно чувствует, любит, болеет, радуется. Растения – это не примитивные создания, а сложные организмы, обладающие гормонами, мускулами и нервами, имеющими память и музыкальные способности, страдающие от простуды, инфекции и даже рака.

Эти факты доказаны учеными с помощью точных приборов. Но это можно понять и без приборов, если внимательно и с добротой понаблюдать за деревом.

ВЫБЕРИ СЕБЕ ПОНРАВИВШЕЕСЯ ДЕРЕВО ВБЛИЗИ ДЕРЕВНИ.

Напиши:

Чем приглянулось тебе дерево?
 Каким именем его хочется тебе назвать?
 Как ты предполагаешь, сколько ему лет?
 В каком состоянии твое дерево, не поранено ли, целы ли ветви?

Прикоснись к дереву, почувствуй его тепло, энергию. На каком расстоянии ты чувствуешь свое дерево ладонями?

Кого из птиц, насекомых и мелких животных ты заметил на дереве или возле?

Для кого твое дерево – это дом? Кого дерево приютило?

А теперь вспоминай:

Сколько деревьев ты посадил в жизни?
 Сколько спилил деревьев и поломал кустов?

Весенний календарь твоего дерева

Какого числа лопнули почки?
 Когда распустились полностью листья?
 Цветет ли твое дерево?
 Нарисуй цветы твоего дерева”.

Ценность регионального ландшафтного парка “Гранитно-степное Побужье” по мнению населения

М.Н. Парафило

Южный филиал Института экологии, г. Николаев, e-mail: info@ineco.mk.ua

Ценность заповедной территории... Что это такое, как определить ее меру?

Была сделана попытка ответить на этот вопрос на примере регионального ландшафтного парка “Гранитно-степное Побужье” (РЛП, Николаевская область, Украина). Парк создан в 1994–1998 гг. на общей площади 6266,9 га. В его состав входит каньон р. Южный Буг, устьевые участки приток Б. Кабельная, Бакшала, часть долины р. Мертвовод.

По специально разработанной анкете определялось мнение отдыхающих о ценности заповедной территории, факторах, которые способствуют пребыванию в парке. Это первый опыт для РЛП “Гранитно-степное Побужье” проведения социологических исследований, которые подтвердили эффективность непосредственного общения с посетителями парка. Исследования проводились в начале рекреационного сезона 2003 г. на территории РЛП, в г. Николаеве, по Украине с помощью современных компьютерных технологий. Анкетированием охвачено 7 областей Украины, а также г. Москва и Краснодар.

Целью пребывания в “Гранитно-степном Побужье” для большинства респондентов является познание природы, потом отдых на выходных, водный и горный туризм, оздоровление. Создание регионального ландшафтного парка позитивно повлияло на состояние любимых мест отдыха.

На вопрос, что, по вашему мнению, делает привлекательной данную местность (с вариантами ответов: природоохранная, историко-культурная, спортивно-туристическая, познавательная ценность, все в комплексе и т. д.), большинство ответили, что все в комплексе формирует привлекательность парка, затем, по уровню значимости выделяется спортивно-туристическая и природоохранная ценность. 36,5 % респондентов считают природоохранную ценность парка очень высокой, 50,0 % – высокой, историко-культурную ценность 21,5 % посетителей парка определяют

очень высокой, 50,0 % – высокой, 30,8 % затрудняются ответить на этот вопрос.

Большинство рекреантов хотели бы, чтобы смотровые площадки, стоянки были оборудованными, но это должно вписываться в ландшафт, часть отдыхающих считает, что благоустройство стоянок мешает отдыху на природе.

Один из важных вопросов анкеты: чем вы руководствуетесь, когда выбираете место для стоянки?

Результаты оказались такими:

1. Живописность территории.
2. Близость к реке или пляжу.
3. Наличие источника питьевой воды.
4. Наличие кострища и элементарного оборудования площадки.
5. Отсутствие соседей.
6. Возможность подъехать на транспорте.
7. Разнообразие растений и животных.
8. Свой вариант.

Среди других вариантов учитываются такие факторы: наличие порогов, удобный подход к реке и т. д.

Наиболее нравится на территории парка:

1. Бурное течение реки и наличие порогов.
2. Выходы скальных пород в долине рек и балок.
3. Разнообразие растений.
4. Лесные массивы.
5. Разнообразие животных.
6. Пляжи.
7. Историко-архитектурные памятники.
8. Свой вариант (уникальное сочетание многих факторов, все в комплексе, тишина, сотрудники парка).

Подводя итоги, можно сказать, что уникальное сочетание многих природных факторов в комплексе формирует высокую ценность регионального ландшафтного парка “Гранитно-степное Побужье” – жемчужины украинской степи, а в перспективе – национального природного парка.

П Р И Р О Д А

Ралф Эмерсон

*Окутан тайной девять раз,
Прекрасен шар земной для нас:
Хоть к сердцу бытия пророк
Проникнуть никогда не мог,
Но сердце миру в лад настрой –
И мир предстанет пред тобой.
Дух, что в явленье каждом скрыт,
Дух родственный к себе манит,
И атом внутренним огнем
Речет о будущем своем ¹.*

Какое бы время года ни стояло на дворе, случаются в нашей полосе дни, когда все вокруг дышит совершенством; воздух, земля, небесные тела обретают гармонию, словно Природе пришла охота побаловать свои создания; тогда ничто не внушает нам, обитателям суровых северных земель, желания унести мыслью в более счастливые края, и мы купаемся в солнечных лучах, щедрых, как на Кубе или во Флориде; и все живое исторгает чувство довольства, и даже коровам, улегшимся на лугах, как будто являются великие и спокойные мысли. Дни безмятежности! Особенно часто выдаются они в целомудренном октябре, в ту пору, которую мы зовем бабьим летом. Безмерно долгий день дремлет на широких холмах, на теплых просторах полей. И когда переживешь все его солнечные часы, кажется – чего еще желать? Уединенные места больше не выглядят совсем заброшенными. Ступив на лесную опушку, горожанин с удивлением обнаруживает, что ему придется оставить привычные понятия о великом и малом, мудром и безрассудном. Достаточно сделать еще только шаг, и он не ощутит больше бремени общепринятого на своих плечах. Вот оно, то священное, с которым не справиться нашим верованиям, вот то истинное, перед которым

меркнут наши кумиры. Вот она, Природа – сила, перед которой все другие силы ничтожны, и подобно вседержителю, вершит она суд над всеми приходящими к ней. Мы выползаем из наших тесных переполненных домов, чтобы погрузиться в объятия ночи или утра, и всякий раз видим, какой величественной красотой они нас одаряют. О, с какой радостью мы бежали бы препятствий, не позволяющих нам насладиться этой красотой в полной мере, бежали бы мудрствований и опасений и с трепетом раскрыли бы душу, чтобы в нее вошла природа. Скромный свет, сочащийся сквозь листья, создает ощущение вечно длящегося утра, он бодрит и внушает мысль о героическом. Нас охватывает издревле прославленное очарование таких мест. Восторженный взор ловит отблески стволов сосен, тсуг, дубов – они сверкают, как железо на огне. Деревья лишены дара речи, они зовут нас жить вместе с ними, оставить нашу жизнь, полную высокаторжественных пустыков. Никакая история, или церковь, или государство не заслонят здесь божественного неба и бега времени, не имеющего конца. Как легко было бы нам шагать вперед к открывающимся новым пейзажам, погружаться в новые картины и быстро сменяющие одна другую мысли, пока мало-помалу безграничная власть подобных мгновений не вытеснила бы все наши вос-

Опубликовано: Ралф Эмерсон, Генри Торо. Уолден или жизнь в лесу. М.: Худ. литература, 1986. Сокращ. вариант.

¹ Перевод В. Рогова.

поминания о доме, да и самая память, и природа не одержала бы над нами окончательной победы.

Целительны такие минуты очарования, они отрезвляют и лечат нас. Они даруют простые радости, мы ощущаем в них что-то родное и доброе. Мы возвращаемся к самим себе, мы начинаем дружить с миром материальных вещей, который нас приучали презирать в школах с их претенциозным пустословием. И с этими вещами мы уже не сможем расстаться – наша душа любит свой старый дом; как в жару пересохшее горло просит воды, так наши глаза, ноги, руки просят камней и земли. Затвердевшая вода, застывшее пламя – какое сродство, какое здоровье! Точно бы верный наш, давний друг, дорогой друг, точно бы наш брат вдруг является в минуту, когда мы изливаем душу перед чужими, и без лишних церемоний обращается к нам, и самое лицо его, на котором написана честность, служит нам упреком за наши глупости, которые нам уже стыдно будет повторить. В городах всегда не хватает места для человеческих чувств. И день за днем, ночь за ночью мы выбираем за их пределы, чтобы насытить взор зрелищем горизонта; простор необходим нам так же, как вода для омовений. Нам необходим этот естественный карантин, но существуют и другие степени воздействия природы на нас – вплоть до самых сокровенных и восторженных ее празднеств, возвышающих воображение и душу. Зачерпните ведром холодной воды из ручья, разложите костер, увидев который, ускорит шаги путник, мечтающий о покое; но не только это – в осени, в полдне есть и своя высокая мораль. Мы гнездимся в природе и, подобно паразитам, черпаем средства к существованию из ее корней и плодов; а небесные тела смотрят на нас, и, ловя их взгляды, мы различаем зов к одиночеству, предсказание далекого будущего. В голубых просторах скрываются точки пересечения романтического и реального. Что ж, если бы мы могли отдать все, что видится нам в мечтах о высочайшем, если бы мы сумели заговорить с Гавриилом и Уриэлем, неба над головой вполне хватило бы, чтобы заменить нам весь наш комфорт.

Можно считать, что день не прошел впустую, коль скоро наш взор привлекло к себе какое-нибудь явление природы. Кружатся в недвижимом воздухе снежинки, и каждый кристаллик сохраняет в совершенстве свою форму; ветер и гонит снежную крупу по белой скатерти замерзшей реки и по равнине; волнуется ржаное поле, ловят движение ветерка цветочки дикой гречихи – их не счесть, они белеют и пляшут у нас на глазах; деревья и цветы отражаются на зеркальной глади озер; с юга налетают душистые, звучащие, влажные ветры, и все деревья превращаются в арфы; сучья тсуги потрескивают и вспыхивают в костре, а в камине горят сосновые поленья, и радостные отблески играют на стенах и лицах – вот и музыка самой древней из религий, вот ее картины. Мой дом стоит на краю деревни, в низине; горизонт совсем рядом. Но вместе с другом я отправляюсь на берег нашей речушки, и едва оттолкнувшись веслом, как где-то далеко позади остаются и мое поселение, и характеры его обитателей, и их мирские заботы, да и весь мир, где существуют поселения и характеры, и я оказываюсь в мире утонченности, мире солнечных закатов и лунных ночей, мире таком красочном, что нам, грешным созданиям, пожалуй, и не проникнуть в него, пока мы не пройдем испытания послушничеством. И мы без остатка уходим в царство этой несказанной красоты, мы хотим ощупать руками эту стихию красок, наши глаза зачарованы этими световыми оттенками и формами. Один удар веслом – и начинаются каникулы, праздник, королевский пир, начинается неподражаемо роскошный и бодрящий сердце, веселый и блистательный фестиваль красоты и достоинства, могущества и безупречного вкуса. Облака в лучах заката, скромные ранние звезды, их нежные, невыразимые взгляды зовут нас на праздник. Мне известно теперь, как убоги наши увеселения, как уродливы наши роскошные здания и города. Творцы искусства и подлинно прекрасных вещей рано постигли, что их труд должен быть только дальнейшим совершенствованием этой первозданной красоты, только ее продолжением. К моменту возвращения я знаю уже много,

слишком много. С этой минуты мне нелегко будет угодить. Я больше не могу довольствоваться безделками. Отныне я умудрен и капризен. И я не могу уже жить без ощущения прекрасного; и пусть сельский поселанин станет распорядителем на моих пирах. Ибо он, знающий больше других, ведающий, какие наслаждения, какую целительную силу таят в себе земля, вода, звезды, небо и как проникнуть к этим источникам очарования, – он и есть подлинный богач, подлинный царь. И сильные мира сего лишь в той мере способны достигнуть высот могущества, в какой они обращаются за помощью к природе. Вот зачем устраивают они висячие сады, возводят виллы и оранжереи, разбивают парки, учреждают природные уголья и заповедные острова; они чувствуют свое человеческое несовершенство и им нужно опереться на надежного друга – природу. Меня не удивляет, что тяга к земле неодолима, пока у земли есть такие союзники, которые обезоруживают и увлекают, – не короли, не дворцы, не мужчины или женщины, а эти поэтичные, нежные звезды, их тайные красноречивые обещания. Мы знаем, что сказал один богач; мы были наслышаны о его вилле, его роще, его вине, его друзьях, но побуждение, зов, которому невозможно противиться, исходило от этих дразнящих звезд. И когда они льют свой мягкий свет, я вижу, что жаждали понять люди где-нибудь в Версале, в Пафосе или Ктесифоне. Право же, лишь волшебные огни на горизонте да голубое небо в качестве фона спасают наши произведения искусства, иначе это были бы просто ничтожные поделки. Когда толкуют о приниженности и подобострастии бедных, следовало бы вспомнить, как воздействуют на чувствительные души люди, за которыми ходит слава покорителей природы. Ах, если бы богатые были и вправду богатыми, как то мнят бедняки! Мальчишка слышит под вечер, как на плацу играет военный оркестр, и ему кажется, что где-то совсем рядом, руку протяни, скрываются королевы, короли, знаменитые рыцари. Где-нибудь среди холмов, ну хотя бы в Скалистых горах, до него доносится эхо рожка, и горы превращаются в

золоту арфу, а это нечеловеческое ти-ра-ли-ра погружает его в мир дорийских мифов Аполлона, Дианы, божественных охотников и амазонок. Какой же величественной, какой возвышенно прекрасной может оказаться музыкальная нота! А юному поэту-бедняку столь же сказочным видится общество; он лоялен, он уважает богачей, они должны быть богатыми ради его воображения: как оскудела бы его фантазия, если бы они оказались бедны! У них огороженная высоким забором роща, они зовут ее парком! У них дома – такие большие и роскошные, что он никогда в подобных и не бывал; в экипажах, окруженные исключительно изысканным обществом, они отправляются на воды и в дальние города; и все это – почва, на которой расцветает его романтическая фантазия, и создает картины, по сравнению с которыми то, чем они в действительности владеют, – лишь жалкие хибарки да вытопанные клочки травы. Сама муза выдает с головой своего питомца, развивая в нем – точно бы это стремление излучали воздух и облака, и растущие по обочинам дороги леса – страсть к воспеванию роскошества и благовоспитанной красоты; она одаряет его некой возвышенностью чувств, в которой запечатлен своего рода аристократизм природы; это дары патриция патрициям; воздушный принц дарует им толику своих чар.

Тонкость нравственного чувства, которое с такой легкостью создает Эдемы, не всякий раз достижима, но в их зримом облике Эдемы всегда поблизости. Чтобы увидеть их, не нужно ехать ни на Мадейру, ни на озеро Комо. Мы преувеличиваем достоинства пейзажа отдельных мест, в любом пейзаже удивительно одно и то же – встреча неба и земли, а эту встречу можно наблюдать и поднявшись на первый попавшийся бугорок, и вскарабкавшись на высочайший пик Аллеганов. Низко горят по ночам звезды над бурой землей столь привычного нам выгона, и в этой картине духовного величия не меньше, чем в свете звезд над Кампаньей или мраморными пустынями Египта. Собирающиеся на небе облака, краски утра или вечера преображают клен и ольху. Между пейзажами различие невелико, между людьми,

созерцающими их, огромно. Какой бы пейзаж нас ни окружал, самое поразительное в нем – это необходимость быть прекрасным, ощутимая в любом из них. Природу не застать врасплох полуодетой. Красота пробирается повсюду.

Но я рискую лишиться расположения читателя, продолжая рассуждать о том, что схоласты называют *natura naturata*, или же пассивной природой. Когда касаешься непосредственно этой темы, трудно соблюсти меру. Попадая в смешанную компанию, можно запросто затеять спор о том, что именуют “вопросами религии”. Но когда речь заходит о природе, повинуются принятому и не любят говорить о своих пристрастиях открыто; всегда стараются отыскать какое-нибудь тривиальное оправдание для такой беседы – рассказывают, как ездили взглянуть на свою рощицу или на урожай, или ходили с удочкой или ружьем, или выискивали в дальних краях какое-нибудь редкое растение или минерал. Надо полагать, такая стыдливость не лишена своего резона. Толкуя о природе, дилетантизм невозможно скрыть, и он никому не делает чести. Хлыщ, очутившийся среди полей, ничем не лучше своих братьев, разгуливающих по Бродвею. Люди по своему природному складу – охотники, их влечет все, связанное с лесом, и мне думается, в конечном счете даже в самых роскошных гостиницах “Венкам” и “Гирляндам Флоры”, поставляемым книжными лавками, придется уступить место такой книге, для которой будут собирать сведения у индейцев и дровосеков, но пока – то ли потому, что мы слишком грубы, чтобы говорить о столь тонких вещах, то ли по иной причине – люди, взявшись писать о природе, почти обязательно отдаются во власть эвфуизмов. Цветистость менее всего пристала Пану, которого мифы должны бы изображать самым сдержанным из богов. Благообразие и сдержанность – великолепные уроки, которые преподало нам время, и я просто не могу говорить цветисто; и все же – да не будет мне отказано в праве вновь и вновь возвращаться к старой моей теме. Чем больше проповедующих ложную веру церквей, тем значительнее слово настоящей

веры. Литература, поэзия, наука – свидетельства почтительного преклонения людей перед этой глубочайшей тайной, по отношению к которой ни один здравомыслящий человек не может испытывать безразличия и равнодушия. Любовь к природе возникает из того лучшего, что в нас заключено. Мы любим ее как град божий, несмотря на то (а скорее – как раз потому), что в этом граде нет жителей. Закат не похож ни на одно явление там, на земле; ему недостает людей. И красота природы должна всегда казаться нереальной и дразнящей, пока пейзаж не заполнят человеческие фигуры, столь же прекрасные, сколь окружающий их ландшафт. Если бы существовали прекрасные люди, в природе никогда не было бы этой пустоты. Когда король во дворце, никто не смотрит на стены. Лишь когда короля нет и залы наполняются придворными и зеваками, мы утрачиваем интерес к людям и утешаемся созерцанием возвышенных образов, запечатленных в архитектуре дворца и в его живописи. Критики, скорбящие по поводу болезненного разрыва между красотой природы и заботами людей, должны бы помнить, что охота за живописными пейзажами неотделима в нас от чувства протеста против дурно устроенного общества. Человек пал; природа стоит непоколебимо и служит точным показателем присутствия или отсутствия божественного начала в человеке. Наша черствость, наш эгоизм побуждают нас с завистью взирать на природу, но она сама будет завидовать нам, когда мы оправимся от недугов. Нам попадается на пути пенящийся от быстрого течения ручеек – и мы не можем избежать укора самим себе: если бы мы дали выход скрывающейся в нашей жизни энергии, поблекло бы сверкание этого ручья. Ибо пыл душевный – это поток настоящего огня, а не отблески солнечных и лунных лучей. Природу можно постигать с наименьшей личной заинтересованностью, чем ремесло. И тогда астрономия станет астрологией, психология превратится в месмеризм, поскольку она должна показать, на что растратили мы жар души, а анатомия и физиология сделаются френологией и хиромантией.

Но довольно об этом, хотя еще многое можно было бы сказать; однако поспешим воздать должное Благостной природе, *natura naturans*, этой живой первопричине всех вещей, перед которой отступают, как теснимые весенним ветром снега, любые готовые формы, – Благостной Природе, погоняющей перед собой бесчисленные и неописуемо многоликие свои создания (не зря древние изображали природу в образе пастуха Протея). Она заявляет о себе в этих своих созданиях: и, начиная с мельчайших частиц, она занята нескончаемыми преобразованиями, устремленными к высшей симметрии и дающими – без каких бы то ни было резких сдвигов и скачков – самые совершенные результаты. Лишь чуточку больше тепла, лишь едва ощутимое движение – и вот ослепительно белые, вымершие, голые полюса холода сменяются роскошеством тропиков. В природе никакое изменение не требует насилия; оно происходит потому, что существуют два высших условия для него – ничем не ограниченное время и ничем не ограниченное пространство. Геология секуляризировала природу на наших глазах, заставила нас отказаться от детских представлений, от привычных нам моисеевых и племеевых систем и обратиться к ее широким категориям. Мы ничего не представляли себе верно, ибо были лишены перспективы. Теперь мы отдаем себе отчет в том, какое нескончаемое терпение необходимо, чтобы образовался камень, а затем – чтобы он распался и появились первые поросли лишайника, и тоже распались, и возник первый, очень тонкий слой почвы, и открылась дверь, через которую войдут еще такие далекие Флора, Фауна, Церера, Помона. О, как еще долго ждать трилобитов! Сколько времени пройдет, прежде чем появятся четвероногие! Как непостижимо далек еще человек! Но все они придут в свое время, а потом и люди – род за родом. Неблизок путь от куска гранита до устрицы, еще дальше – до Платона и учения о бессмертии души. И тем не менее все это придет, и это так же точно, как то, что и самая первая частица обладала верхом и низом.

Движение, иначе говоря, изменение, и

целостность, иначе говоря, покой, – вот первые две тайны природы: Движение и Покой. Весь свод ее законов уместится на ногте пальца или на печатке кольца. Воздушный пузырек, кружащийся на поверхности ручья, позволяет нам разгадать тайны небесной механики. Ключом к этим тайнам может стать любая ракушка, выброшенная морем на берег. Плесните в чашку воды и заставьте ее вращаться – вы поймете, как образовались самые простые раковины; вещества, накапливающиеся из года в год, в конечном счете создают сложнейшие формы. И все же при всем искусстве природа так проста, что с начала вселенной и до ее конца она пользовалась и будет пользоваться лишь одним, веществом – да, только одним веществом, у которого тоже есть начало и конец и которое создает все это сказочное разнообразие. Природа может создать из него все, что ей вздумается, – звезды, песок, огонь, воду, дерево, человека; но это все равно одно и то же вещество, и что бы ни было из него создано, оно выявляет одни и те же свойства.

Природа всегда последовательна, хотя она и делает вид, что нарушает свои собственные законы. Но нет – она верна этим законам, и только кажется, что она их пренебрегает. Она дает животному все необходимое, чтобы отыскать свое место в мире и прокормиться, и точно так же Она сотворит другое животное, которое уничтожит первое. Пространство существует для того, чтобы разделять создания природы; но природа дарит птице несколько лишних перьев, и птице открываются все края. Направление может быть лишь одно – всегда вперед; однако природа, этот художник, возвращается за своими материалами и на стадии наивысшего развития начинает все сначала, пуская в ход первоэлементы, – иначе все гибнет. Приглядевшись к ее работе, мы, кажется, уловим, что в природе есть своя движущая система. Растения – младшие в мире, это сосуды здоровья и энергии, но они всегда стремятся к высшему, к созданию; деревья – незаконченные люди, они как будто оплакивают свое заточение, свою нерасторжимую привязанность к земле. Животному уготована роль первоиспытателя более высоко-

го жизненного порядка. Люди, пусть и молодые годами, уже порочны, стоит им пригубить из чаши мудрости; клены и папоротник остаются целомудренными; но когда они обретут сознание, можно не сомневаться, что и они примутся осквернять свой язык. Цветы так безраздельно принадлежат юности, что мы, люди солидного возраста, вскоре постигаем: их прекрасные россыпи не для нас, мы отжили свое, пусть теперь живут дети. Цветы обвораживают и дразнят нас, а мы – что ж, мы старые холостяки, смешные в свои минуты нежности. (...)

Подобно тому, как обманывает жизнь, обманывает наш глаз внешний облик природы, и этому не следует удивляться. Леса, озера, реки заключают в себе нечто такое, что зачаровывает нас и льстит нам, но не может дать сиюминутного удовлетворения. Разочарование навеивает любой пейзаж. Я знаю, как воздушны, как красивы летом пушистые облака, проплывающие над головой и точно наслаждающиеся высотой, на которую они могут подняться, и самой своей способностью двигаться; и все же они не принадлежат этому месту, этому часу, которому придавали такую прелесть, – они словно бы томилась по недостижимым садам блаженства с их сказочными дворцами. Странная это неудовлетворенность; и тем не менее поэт всегда чувствует, что он еще очень далек от тех картин, которые он мог бы воспеть. Сосны, ручьи, усыпанные цветами берега, по которым он бродит, для него еще не природа. Она где-то дальше; а это – только самое ее начало, или дальнейшее отражение, чуть слышное эхо тех пиров, которые она здесь справляла, того сверкающего роскошества, которое, быть может, откроется, когда нога его ступит на соседнее поле, или, если он идет полем, в тот момент, когда на него падает тень первых лесных деревьев. А пока он идет к этому полю, к этому лесу, он испытывает то же ощущение сонной тишины, которое наступает после того, как повернуло на соседнюю улицу карнавальное шествие. Какие блистательные горизонты, какое роскошное празднество красоты открывает закат! Но кто способен проникнуть на этот праздник, побродить по

этим залам, коснуться рукой этих сводов? Всякий раз они не могут удержаться на нашей округлой планете и рушатся – и так вечно. И точно то же происходит с мужчинами и женщинами, с безгласными деревьями – всегда отраженное существование, всегда отсутствие чего-то вместо полного присутствия, дающего удовлетворение. Что ж, значит красоту никогда нельзя уловить? Она недоступна в людях, точно так же, как в природе? Влюбленный, добившийся ответной любви и помолвки, утрачивает то, чем всего сильнее очаровала его возлюбленная, в ту самую минуту, когда она соглашается разделить его чувство. Она была воплощением неба на земле, пока оставалась для него недостижимой, как звезда; она уже не может быть такой, если снисходит до него.

Как же отнестись к этому проступающему повсюду импульсу и первотолчку – к этому свойству множества руководствующих самыми добрыми намерениями созданий природы обещать и не исполнять? Быть может, вселенной где-то в самой основе присущи некое вероломство и насмешливость? Не следовало ли бы нам всерьез воспротивиться тому, как вселенная обращается с нами? Что мы – глупая форель, которую можно ловить руками, простачки, водимые природой за нос? Но оглянитесь, посмотрите в лицо небу и земле, и всякие следы недовольства исчезнут; успокоившись, мы сумеем судить более мудро. Разумный человек понимает, что природа – всегда обещание, и суть его нельзя поспешно объяснять. Тайна ее несказанна. Вновь и вновь является Эдип, и в голове его уже почти родилась загадка – но увы! то же колдовство лишило его дара изъясняться, и ни звука не сходит с его губ. Как радуга, сверкающая в последних каплях дождя, могучая дуга природы поднимается из пропасти, однако еще не было архангела, чьи крылья оказались бы достаточно крепкими, чтобы достичь дна этой бездны и увидеть самое начало кривой. Но, вероятно, каждый наш поступок направляется к более высокой цели, чем та, которую мы перед собой ставим. Всю жизнь нас сопровождают по обе руки духовные помощники, и благостная цель ожидает нас впер-

ди. Мы не можем перебраниться с природой, поступать с нею так, как поступаем с себе подобными. Если сравнить наши и ее цели, мы сразу же ощутим себя игрушкой неодолимой судьбы. Но если мы, вместо того, чтобы отождествлять самих себя с исполняемой нами работой, сумеем ощутить, что в нас живет и бьется душа работника, мы откроем, что именно в нашем сердце заключены покой утра и неизмеримые силы притяжения и химического преобразования, и, что еще важнее, – силы самой жизни, существующие в своей наивысшей форме до нас и внутри нас.

Грусть, которая приходит с мыслью о нашей беспомощности перед лицом цепочки причин и следствий, предопределяющих нашу жизнь, проистекает от того, что мы слишком поглощены одним состоянием природы – ее Движением. Но ведь повозка движется не от того, что у нее есть колеса. Там же, где всевластно движение, мы видим залог его преодоления, – признаки Покоя и Целостности. Широкие поля земли поросли исцеляющими растениями. Мы проводим безумный день, но его безумства искупаются сном; и хотя нам вечно приходится тратить силы на мелочные занятия, хотя мы нередко поработаны ими, во всем, что мы делаем, проявляется действие от рождения заложенных в нас вселенских законов. И если в нашей душе они находят проявление в форме идей, в природе они окружают нас повсюду в непреходящей материальной оболочке, и природа своим здоровьем указывает на людские болезни и исцеляет их. Мы в плену у мелочных занятий и поэтому лелеем множество глупых надежд. Мы ждем, что начнется новая эра, потому что придумали паровоз или воздушный шар; но новая машина приносит с собой давно знакомые трудности. Я слышал, что при помощи электромагнитных лучей можно вырастить из семян побеги салата за то время, что будет жариться курица к обеду, и в этом символ современных устремлений и целей, которые в наши дни преследуют, – только бы сжать, уплотнить, ускорить; но мы ничего не при-

обретаем – природу нельзя обвести вокруг пальца, срок жизни человеческой достаточен лишь для того, чтобы снять семьдесят урожаев салата, как бы медленно или быстро ни росли его побеги. И все же в этих трудностях и неразрешимых вопросах мы находим удовлетворение – не меньшее, чем в движении. Пусть победа увенчает усилия любой стороны, мы обязательно будем там, где победа. А поскольку мы знаем, что проходим через весь спектр бытия от самого центра до крайних полюсов природы и что в какой-то мере делаем ставку на всякую возможность, смерть приобретает для нас особенно утонченную привлекательность, излишне прямолинейно и буквально выраженную в проповедуемой религией и философией доктрине бессмертия души. В действительности это более тонкая материя. Разрушение, резкое нарушение последовательности, ощущение конца – все это здесь не подходит; божественный круговорот не заканчивается, не замедляется. Природа – воплощение мысли, и она всегда вновь превращается в мысль, как лед становится водой и парами. Мир – движение души, а это неуловимое вещество снова и снова возвращается к состоянию свободной мысли. Вот почему так важно, так насущно необходимо воздействие явлений природы на душу – будь то явления природы неорганической или упорядоченной. Человек, заключенный в темницу, человек, скованный закосневшей формой, человек, ведущий бездуховное существование, говорит с человеком воплотившимся. Та сила, что не признает измерений количеством, проявляя себя как в общем, так и в частном, передает свою улыбку утру и наделяет частицей своей сущности любую каплю дождя. Поучительны каждый миг, каждое явление, ибо мудрость заключена во всякой форме. Она была влита в нас, как кровь, и заставляла нас биться в конвульсиях, точно от боли; она захватывала нас, как наслаждение, овладевала нами в сумрачные, печальные дни и в дни радостного труда; а мы могли постигнуть ее сущность лишь много времени спустя.

Обзор зарубежной и отечественной литературы по гуманитарной экологии

I.R. des Jardian. Environmental ethics. An introduction to environmental philosophy. Wadsworth Publishing Company, Belmont, California, 1993. 272 p.

Популярное изложение ведущих западных теорий в области экологической этики – П. Тейлора, Т. Ригана, П. Сингера, А. Швейцера, О. Леопольда, А. Нейса и др. Интересны главы, посвященные определению экологической этики, критике экономики с позиции экологической этики. По своей компактности и простоте изложения эта книга, в качестве учебного пособия, может быть рекомендована всем, кто желает поближе познакомиться с экологической этикой.

С.И. Барановский, В.Ф. Богачев, Ю.С. Шевчук. Управление будущим. Очерки растущей идеологии. С.-Петербург: Зеленый крест, 1997. 92 с.

Довольно противоречивая и спорная книга. Авторы пытаются исследовать пути выхода из экологического кризиса с исторических, философских и этнографических позиций.

О. Берлова, В. Захаров, В. Колесникова, А. Кочинева. Игра на информационном поле. Журналистика и PR для “зеленых”. М.: Издательство МСОЭС, 2003. 207 с.

Книга, написанная работниками Центра координации и информации Международного Социально-Экологического Союза, рассказывает о различных “пиар-технологиях”, применяемых “зелеными” и их оппонентами в информационно-пропаганди-

стских кампаниях. На наш взгляд, очень интересны разделы книги, посвященные характеристикам культуры и некоторым приемам убеждения.

В.В. Дежкин, В.В. Снакин. Заповедное дело. Словарь-справочник. М.: НИА-Природа, 2003. 306 с.

Книга, как словарь-справочник, представляет собой по содержанию довольно оригинальное издание, так как по каждому определению или термину авторами предлагаются различные, порой взаимоисключающие определения. В отличие от многих подобных словарей и справочников, посвященных заповедному делу и охране природы, и концентрирующих свое внимание только на биологических, экологических или экономических терминах, в этой книге, что радует, представлено несколько терминов из гуманитарной экологии – дикая природа, биоэтика, гуманное отношение к диким животным и др.

Д. Андреев. Роза мира. М., 2002. 301 стр.

Даниила Андреева можно смело назвать одним из зачинателей российского биоцентризма – глава “Отношение к животному царству” в его знаменитой ныне “Розе мира”, написанной в тюрьме 1940–1950 годах, яркий тому пример. Многие вещи, о которых экофилософы и природоохранники говорят сейчас – внутренняя ценность природы (автор назвал ее автономной), необходимость покончить с антропоцентрической легендой о человеке, как “венце творения”, об аморальности любительской охоты и спортивной рыбной ловли, о необ-

ходимости запрета убивать животных в вузах и школах – Даниил Андреев писал полвека назад.

Хотя некоторые его идеи опередили время, со многими из них все же нельзя согласиться. Д. Андреев предлагал переустроить природу, изменить отношения не только между человеком и животными, но и между самими животными, “перевоспитать” хищников и т. п. По сути, речь идет о глобальном уничтожении дикой природы и замене ее природой, измененной человеком, т. е. окультуренной. Фактически, это один из вариантов ноосферы, причем даже не в версии В.И. Вернадского, а скорее Э. Леруа или П. Тейяр де Шардена.

Ch. Manes. Radical environmentalist and the unmaking of civilization. Little, Brown and Company, Boston, Toronto, London, 1990. 291p.

Книга посвящена радикальному экологическому движению, его защите от многочисленных критиков, анализу эффектив-

ности экотажа, обсуждению идеологии зеленых радикалов и истории радикального природоохранного движения.

T. Regan. The case for animal rights. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, 1983. 425 p.

“Дело о правах животных” Тома Ригана стала уже классикой международного Движения за права животных и экологической этики. Изданная в 1983 году, наравне с другой работой – “Освобождение животных” Питера Сингера, она отстаивает новую революционную идею в отношениях человека с животным миром, наделяя последний правами.

Книга написана в строгом философском стиле и очень тяжела для восприятия даже подготовленным читателем. Киевским эколого-культурным центром в ближайшее время будут переведены и изданы избранные главы из этой книги.

В.Е. Борейко

Книги по гуманитарной экологии, изданные Киевским эколого-культурным центром в 2000 – 2003 годах

В.Е. Борейко, 2000, Эссе о дикой природе, Киев, 148 стр.

В книге собраны статьи об этико-эстетическом, религиозном и культурологическом отношении к дикой природе.

К.Н. Горб, 2000, Концепция и общие методические принципы создания охраняемых природных территорий в зависимости от эстетической ценности природных ландшафтов, Киев, 56 стр.

В книге обсуждаются и предлагаются основные подходы к отбору и заповеданию

природных объектов по эстетическим критериям.

В.Е. Борейко, 2001, Современная идея дикой природы, Киев, 124 стр.

Книга посвящена обсуждению эколого-гуманитарного подхода к дикой природе, названного автором современной идеей дикой природы. Современная идея дикой природы – это система взглядов и подходов к дикой природе и ее охране, основанных на том, что свободная природа – нечто большее, чем просто ресурс или важный компонент экологических систем. Дикая

природа – это субъект, Совершенно Иное, особое независимое государство, иная цивилизация, существующие вне человеческого контроля, полноправный партнер человека и т.п.

И.М. Коваленко, 2001, Священная природа Крыма (очерки культово-природоохранных традиций народов Крыма), Киев, 96 стр.

В книге рассказывается о современных священных природных объектах Крыма – деревьях, рошах, пещерах, горах, родниках, поднимаются вопросы их защиты.

В.Е. Борейко, 2001, Прорыв в экологическую этику, издание второе, дополненное, Киев, 204 стр.

Книга содержит дополненные главы, посвященные ценностям природы, правам природы, применению этических принципов в заповедном деле.

В.Е. Борейко, 2001, Охрана вековых деревьев, издание второе, дополненное, Киев, 96 стр.

В книге рассказывается о теории и практике защиты вековых деревьев, а также о народных традициях разных народов по охране деревьев.

В.Е. Борейко, 2001, Введение в природоохранную эстетику, издание второе, дополненное, Киев, 200 стр.

Значительно переработанное издание, рассматривающее различные теоретические и практические вопросы охраны видов живой природы и эстетически ценных ландшафтов, исходя из их красоты и неповторимости. Одна из глав посвящена воп-

росам применения идей природоохранной эстетики в заповедном деле.

В.Е. Борейко, 2002, Философы дикой природы и природоохраны, Киев, 160 стр.

В книге рассказывается о философских воззрениях сорока пяти философов из США, Канады, Норвегии, Австралии, Финляндии, Индии, Италии, Польши, Германии, Великобритании, России и Украины от Будды, Святого Франциска Ассизского, Мухаммеда до наших дней.

В.Е. Борейко, А.В. Подобайло, В.Ф. Руденко, 2002, Защита местных природно-исторических святынь, Киев, 144 стр.

Рассказывается о практике защиты природно-исторических святынь, под которыми авторы понимают природные объекты, имеющие культурную и природную ценности – курганы, мемориальные деревья, святые криницы и т.п.

Рик Скарс, 2002, Эковоины. Радикальное движение в защиту природы, Киев, 144 стр.

Автор анализирует историю, идеологию и философию современного международного радикального природоохранного движения – Гринпис, Морские пастухи, Фронт освобождения животных, “Земля прежде всего!” и др.

Дейв Формэн, 2002, Исповедь эковоиной, Киев, 156 стр.

Один из организаторов легендарной американской радикальной экогруппы “Земля прежде всего!” Дейв Формэн обсу-

дает теорию и практику радикальных экологических, проведения экотажа, блокад и др.

Питер Сингер, 2002, Освобождение животных, Киев, 136 стр.

Лидер Международного движения освобождения животных, австралийский экофилософ Питер Сингер обсуждает теорию прав животных и практику освобождения животных.

Экотажа. Руководство по радикальной природоохране, 2002, составители Д. Формэн, Б. Хейвуд, Киев, 168 стр.

Легендарная книга по экотажу, в которой собраны различные советы по шипованию дорог и деревьев, граффити, порче техники, контрприродоохранной пропаганде и др.

В.Е. Борейко, 2003, Священные горы, издание второе, дополненное, Киев, 80 стр.

Приводятся данные о священных горах Америки, Европы, Азии, Африки, России, Украины; дается анализ понятия “священная гора” с позиции христианства, буддизма, ислама, индуизма, язычества.

Эдвард Эбби, 2003, Банда гаечного ключа, Киев, 240 стр.

Роман известного американского писателя и экофилософа Эдварда Эбби рассказывает о группе экологических партизан юго-запада США, решивших при помощи экотажа остановить уничтожение дикой природы.

Джек Тернер, 2003, Дикость и дикая

природа, Киев, 72 стр.

Американский экофилософ Джек Тернер обсуждает проблему сохранения дикой природы с философских позиций. Любопытны взгляды автора по проблеме экотуризма в национальных парках, использования экономики в природоохране и пр.

Декларация прав природы, 2003, Киев, 15 стр.

Тексты Декларации прав живых существ, Декларации свободы дикой природы и Декларации о необходимости признания прав природы Космоса, принятые на Международном совещании-семинаре “Естественные права природы” (“Трибуна-9”) в мае 2003, в Киеве.

В.Е. Борейко, 2003, Прорыв в экологическую этику, издание третье, дополненное, 230 стр.

Значительно переработанное издание книги включает в себя 10 новых глав и 11 новых приложений. Среди добавленных глав интерес представляют разделы, посвященные критике любительской охоты, ноосферы и экономических методов оценки природы с позиции экологической этики.

Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты. Материалы международной школы-семинара “Трибуна-8” (Киев, 27 –30 мая 2002 г.) под редакцией В.Е. Борейко, 2002, Киев, 248 стр.

Сборник содержит статьи авторов из стран СНГ, посвященные религиозной, этической, культурологической и другим нематериальным ценностям ООПТ.

**Программа “Фауна”, 2003, Киев,
48 стр.**

Новый, переработанный В. Зубакиным, В. Грищенко и В. Борейко текст программы “Фауна” студенческих дружин, принятый на 6-ой Международной школе ДОП по “Фауне” в ноябре 2002 года в Киеве.

**Методические рекомендации по
проведению эстетической оценки
территорий с целью заповедания, 2003,
сост. Л.В. Пархисенко, В.А. Сесин,
Киев, 28 стр.**

Утвержденные Госслужбой заповедного дела Украины весной 2003 г. рекомендации по заповеданию природных объектов, имеющих эстетическую ценность, и разработанные Киевским эколого-культурным центром.

**Рекомендации по проведению
экспертной оценки (этической
экспертизы) тем и методик научно-
исследовательских работ,
проводящихся в границах территорий
природных и биосферных
заповедников, национальных
природных парков, региональных
ландшафтных парков. Киев, 2003.**

Рекомендации утверждены Госслужбой заповедного дела Украины в июле 2003 г. и представляют собой первый опыт в этом направлении в странах СНГ.

**Большой спор о любительской охоте,
2003, сост. В.Е. Борейко, Киев, 174 стр.**

Сборник посвящен обсуждению моральности любительской охоты и собран из лучших статей по этой теме зарубежных и отечественных авторов с 19 по 21 век.

**В.Е. Борейко, 2003, Современная идея
дикой природы, издание второе,
дополненное, 190 стр.**

Значительно переработанное издание, в котором более подробно дикая природа рассматривается с либерально-демократических, религиозных и этических позиций. Книга содержит большое количество интересных приложений по данной теме и обширный список литературы.

**В.Е. Борейко, 2000, “Царские охоты”:
от Владимира Мономаха до Владимира
Щербицкого, издание второе,
дополненное, Киев, 96 стр.**

В книге значительно расширен раздел, посвященный “царским охотам” в современный период (Украина, Россия, Белоруссия, республики Средней Азии).

**В.Е. Борейко, 2000, Записки
природоохранника, Киев, 208 стр.**

Автор рассказывает о своем пути в охране природы, анализируя свою деятельность в Движении Дружин охраны природы, Украинском обществе охраны природы, Госкомприроды Украины и Киевском эколого-культурном центре.

**История движения студенческих
природоохранных дружин Украины в
документах и воспоминаниях, сост.
В.Е. Борейко, 2000, Киев, 264 стр.**

Практически полный подбор документов о деятельности студенческих ДОП в Украине в 1970-1990 годах.

**В.Е. Борейко, 2000, Экологические
преступления военных в Украине и**

**сопредельных территориях, Киев,
152 стр.**

Анализ антиэкологической деятельности военных в Украине и СССР в 1960-1990-х годах. Имеется сокращенный перевод на английский язык и много иллюстраций.

**В.Е. Борейко, 2001, Словарь деятелей
охраны природы, издание второе,
дополненное, Киев, 524 стр.**

Рассказывается о 156 деятелях охраны природы Украины, России, царской России и СССР, проживавших там в 1860-1960-х годах. Практически все очерки снабжены подробной библиографией и уникальными фотографиями.

**Родерик Нэш, 2001, Права природы,
История экологической этики, Киев,
180 стр.**

Русский перевод хорошо известного на Западе обзора истории и основных концепций экологической этики, сделанный известным американским историком.

**Родерик Нэш, 2001, Дикая природа и
американский разум, Киев, 204 стр.**

Русский перевод одной из самых известных на Западе книг, посвященных защите дикой природы.

**О.К. Гусев, 2001, Наш век от горя
огради. Голос в защиту природы
Байкала, Киев, 112 стр.**

Сборник статей, посвященных защите Байкала, написанных в 1960–1980-х годах председателем Байкальской комиссии ВООП О.К. Гусевым.

**В.Е. Борейко, 2001, Аскания-Нова:
тяжкие версты истории (1826-1997),
издание второе, дополненное, Киев, 180
стр.**

Переработанное издание, посвященное трагической истории старейшего заповедника. Книга иллюстрирована уникальными фотографиями.

**В.Е. Борейко, 2002, История
заповедного дела в Украине, издание
второе, дополненное, Киев, 272 стр.**

Значительно переработанное издание, подробно рассказывающее об истории заповедного дела в Украине с 10 по 20 век. Книга иллюстрирована уникальными фотографиями.

**В.Е. Борейко, 2003, Белые пятна
природоохраны, издание второе,
дополненное, Киев, 290 стр.**

Сборник статей, посвященных малоизвестным эпизодам истории природоохраны царской России, СССР, Украины, в частности, развитию экологической цензуры, разгрому заповедников в 1951 и 1961 годах, репрессированным экологам и др.

**О.А Берлова, В.Е. Борейко, В.Б.
Колесникова, А.Л. Кочинева, 2000, Как
экологам работать со средствами
массовой информации, Киев, 120 стр.**

Рекомендации по организации природоохранной пропаганды и экопросвещения на базе СМИ.

**В.Е. Борейко, 2000, Лесной фольклор,
Древа жизни и священные рощи, Киев,
212 стр.**

В книге рассказывается о традициях различных народов, посвященных охране леса и отдельных деревьев. Специальная глава повествует о феномене священных рощ и святых деревьев.

Как распространять экологическую информацию, 2000, сост. В.Е. Борейко, Киев, 48 стр.

Даются рекомендации по экопросветительской работе.

В.Е. Борейко, 2000, Постигание экологической теологии, Киев, 88 стр.

В книге дан анализ различных мировых и локальных религий в плане содержания в них философских, этических взглядов, направленных на сохранение природы.

В.Е. Борейко, Н.В. Морохин, 2001, Словарь по гуманитарной экологии, Киев, 96 стр.

Словарь содержит около 700 терминов по экологической этике, философии, эстетике, теологии, культурологии и этнографии. Многие термины введены в отечественный обиход впервые.

В.Е. Борейко, 2001, Пути и методы природоохранной пропаганды, издание третье, дополненное, Киев, 248 стр.

Монография, посвященная использованию различных средств и методов пропаганды в охране природы. В качестве приложения содержит словари высказываний выдающихся людей о защите природы.

В.Е. Борейко, Постигание экологической теологии, издание второе, дополненное, Киев, 128 стр.

Значительно дополненное издание, посвященное экологической философии различных религий. В качестве приложения имеется несколько классических экотеологических статей, в частности, Линн Уайт “Исторические корни нашего экологического кризиса”.

В.Л. Огудин, 2003, Сакральная экология, Киев, 152 стр.

Анализируется несколько религий – христианство, буддизм, бон и др. с позиции их вклада в сохранение природной среды.

С.Ф. Хрибар, 2003, Экологическое в библии, Киев, 96 стр.

Книга посвящена теме христианства и экологии.

Лицо Бога в дикой природе, Стихи и проза, 2003, сост. В.Е. Борейко, Киев, 44 стр.

Стихи российских поэтов золотого, серебряного веков и современности, в которых рассматривается дикая природа как храм или лицо Бога.

В.Е. Борейко, 2003, Популярный словарь по экологической этике и гуманитарной экологии, Киев, 96 стр.

Словарь содержит более 640 терминов по экологической этике и гуманитарной экологии.

Н.В. Морохин, 2003, Гусиная дорога, Размышления о судьбе природно-культурных памятников, Киев, 180 стр.

Книга рассказывает о сохранении священных рощ, деревьев и ключей в Нижегородском Поволжье.

В.Е. Борейко, 2003, Лесной фольклор, Древа жизни и священные рощи, издание второе, дополненное, Киев, 224 стр.

Значительно переработанная книга, рассказывающая об экологических традициях различных народов мира в отношении леса и отдельных пород деревьев.

В.Е. Борейко, 2003, Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов, т. 1, издание третье, дополненное, Киев, 160 стр.

Книга рассказывает об экологических народных традициях, посвященных земле,

воде, различным видам животных (кроме птиц).

В.Е. Борейко, В.Н. Грищенко, 2004, Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Птицы, т. 2, издание третье, дополненное, Киев, (в печати)

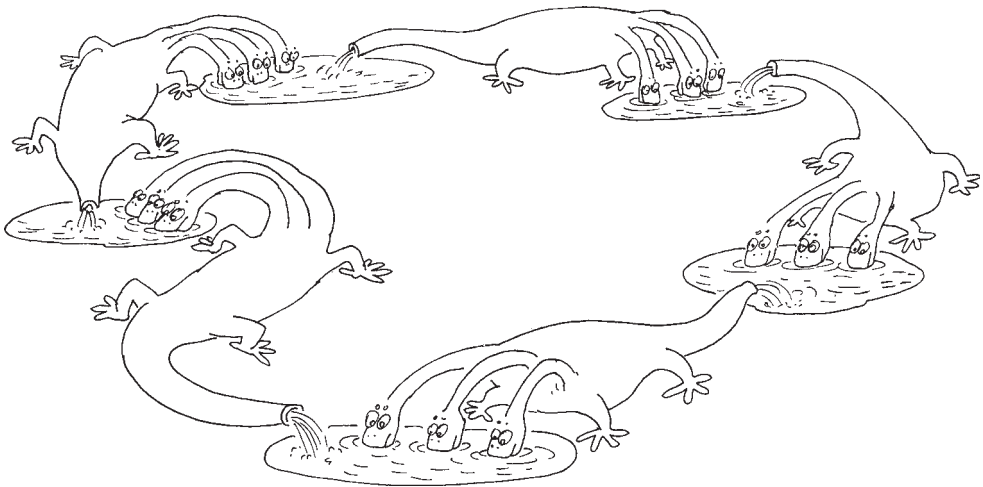
Книга посвящена традициям охраны птиц различных народов мира.

В.Е. Борейко, 2003, Экологическая этика, МНЭПУ, М., 110 стр.

В книге анализируются различные концепции экологической этики.

С электронными версиями данных изданий можно познакомиться на сайте Киевского эколого-культурного центра: <http://www.ecoethics.ru>.

В.Е. Борейко

Э.Д. Шукурова

Рис. Э.Д. Шукурова

Содержание первых 5 томов журнала

От редакции 1/1, 3/с, 4/с, 5/с

Юбилей

Борейко В.Е. Феликс Штильмарк как пионер гуманитарной экологии
(к 70-летию со дня рождения) 3/2
Штильмарк Ф.Р. Н.Ф. Реймерс как верующий эколог (к 70-летию ученого) 3/2

Тема номера

Агафонов В. Права животных как обобщение прав человека 5/с
Агафонов В. Зарубежная юридическая практика признания прав природы 5/с
Агафонов В., Слунс Б. Декларация прав животных и всех существ 5/с
Борейко В.Е. Современная идея дикой природы 3/с
Борейко В.Е. Предварительные предложения о признании прав дикой природы и
объектов неживой природы 5/с
Всемирная декларация благосостояния животных 5/с
Декларация прав живых существ 5/с
Декларация свободы дикой природы 5/с
Кричевский С.В., Кричевская-Йеленкович К.С. Дикая природа космоса 5/с
Общая декларация прав природы 5/с
Сергеев В. Четвертый сектор: права природы 5/с
Сесин В.А. Идея прав природы в трудах зарубежных экофилософов 5/с
Сингер П. Человек и животные равны 5/с
Фуфаева И. Идея прав природы как метод радикализации зеленых 5/с
Хрибар С.Ф. Права природы. Христианский взгляд 5/с

Наука и публицистика

Борейко В.Е. Когда мы отступаем или идем на компромисс, дикая природа
гибнет 4/2
Борейко В.Е. О необходимости учреждения Дня работника охраны природы 4/2
Борейко В.Е. Радикальная природоохрана 5
Горб К.Н. Оценка эстетических достоинств природных ландшафтов Украины в
целях заповедания: методические принципы и результаты исследований 3/1
Горб К.Н., Кибзун Д.Н. Дикая природа в системе символов Украины глазами
населения: географический анализ 4/с
Горб К.Н., Крымцов А.А., Билявская Е.В., Степанова В.Н. Оценка
эстетических достоинств природных ландшафтов Украины в целях
заповедания: общие положения и первый опыт 1/1
Горб К.Н., Сесин В.А. Дикая природа в оценках населения Украины: общая
концепция и первые результаты перцепционно-географического исследования 3/с
Горб К.Н., Сесин В.А. Опыт систематизации и географического анализа
природоохранного сознания населения Украины 4/с
Горб К.Н., Шерстюк К.А., Шерстюк А.С. Потенциальная природоохранная
активность населения Украины: опыт регионального анализа и оценки 4/2
Грищенко В.Н. Миграции птиц и народные верования 1/1
Грищенко В.Н. Сравнение образов орла и белого аиста в народных верованиях 1/2
Грищенко В.Н. Журавли в народных верованиях 3/2
Грищенко В.Н. О региональных различиях в интересе к природе у населения
Украины 4/2
Забелин С.И. Проект новой концепции охраны дикой природы 2/1
Зубаков В.А. Экогеософская мировоззренческая парадигма 4/1

Капитонов В.И., Капитонова О.А. Значение священных рощ в сохранении редких и исчезающих видов растений и животных Удмуртии	4/с
Капитонов В.И., Капитонова О.А., Лебедева С.Х., Перевошиков А.А. Современное состояние священных рощ на территории Удмуртии	4/с
Козлов В.И. Рыбы в сказаниях народов мира	1/2
Левченко В.Ф. “Страна, которой нет”	3/2
Левченко В.Ф. Прометей благородный или кто спасет планету?	4/1
Мартынов А.С. Природа в сознании россиян	1/1
Милько Д.М., Смуров А.В. Субъективный фактор в экологии. Результаты исследования	5
Никольский А.А. Этика благоговения перед жизнью – против эстетики убийства	1/1
Стойко С.М. Охрана пралесов – реликвии дикой природы	3/с
Чебанов С.В. Что такое экология человека?	3/1
Черкашин А.К. Степень ответственности за жизнь	1/2
Шукуров Э.Д. Кризис природы и природа кризиса	1/1

История охраны природы

Борейко В.Е. Экоэтические принципы в идеологии Движения дружин по охране природы	4/2
Грищенко В.Н. Исторический очерк развития природоохранной биотехники	2/1
Грищенко В.Н. Реквием странствующему голубю	4/2
Игнатъев С.М. Из истории охраны природных богатств русских морей	3/2
Поминова Е.В. Джон Мюир – пионер и идеолог заповедного дела США	3/1
Сесин В.А. Развитие аргументации в защиту дикой природы в Америке	4/2
Штильмарк Ф.Р. Эволюция представлений об охране природы в советской литературе	1/2

Экофилософия

Поминова Е.В. Советуясь с Кантом: внутренняя ценность природы	2/2
---	-----

Экологическая этика

Борейко В.Е. Морально-религиозные основы защиты дикой природы	3/2
Борейко В.Е. Этические принципы заповедного дела	4/1
Борейко В.Е. Билль о правах животных, растений и дикой природы	4/с
Борейко В.Е. Красота природы и экологическая этика	4/с
Грищенко В.Н. Есть ли альтернатива?	4/1
Маруева Е., Новожилова И. Коррида – кровавый спорт трусливых людей	4/1
Никольский А.А. Концепция этической экспертизы научных исследований, проводимых в заповедниках и национальных парках	4/с

Социология

Василюк А.В. Анкетирование студентов биофака Киевского университета по вопросам экоэтики и биоэтики	4/1
Гущин В. Экологические экстремистские формирования	4/1
Значков Б. Обзор основных типов общественных экологических организаций России	4/1
Карпенко Е.И. Сущность и тенденции современного экофеминизма	4/1
Результаты опроса “Дикая природа глазами населения Украины”	5/с

Религия

Борейко В.Е. Божественное в дикой природе: попытка анализа и религия охраны природы	1/2
---	-----

Религиозные истоки вегетарианства	4/1
Современные примеры участия различных религиозных организаций в охране природы	4/1

Художественная литература

Борейко В.Е. Николай Федорович Щербина (1821–1869) – первый русский и украинский поэт-экофилософ	4/1
Черная Л.А. Последний выбор Тараса Шевченко	4/1

Дискуссии

Анисимова Л.А. Я согласна – дикая природа свята	5
Артемкин Г., Артемкина Т. Письмо против язычества	5
Бобылев В.Н. Как оценить биоразнообразие	2/2
Борейко В.Е. Абсолютная заповедность с позиций экологической этики (Послесловие редакции)	1/1
Борейко В.Е. Радикальный взгляд на заповедное дело. Нематериальные ценности ООПТ	2/1
Борейко В.Е. Экоцентрические замечания к православным комментариям	2/1
Борейко В.Е. Биоразнообразие не имеет цены. Ибо оно бесценно	2/2
Борейко В.Е. Три идеологии современного заповедного дела	3/1
Борейко В.Е. Зачем нужны права дикой природе	3/1
Борейко В.Е. Новое вино в старые мехи не заливают	3/2
Борейко В.Е. Дикую природу может спасти только экологическая этика	4/с
Борейко В.Е. Тема священности дикой природы в русской литературе и природоохране	4/2
Борейко В.Е., Симонов Е.А. К вопросу об этических основах заповедного дела	1/1
Бочарников В. Экотуризм – религия будущего?! А зачем?	3/2
Вильдермет Г. О пользе выдела заказных рощ	5
Возьмитель К. Нужна ли религия природоохране?	5
Гараев А.С. Защита животных и современная идея дикой природы	4/с
Горб К.Н. Идея дикой природы с позиций наследиецентризма	3/с
Горб К.Н. Дикая природа как наследие общества и природы	3/с
Грищенко В.Н. Охрана природы и религия: от науки к утопии?	2/2
Грищенко В.Н. Четвертая идеология заповедного дела	3/1
Грищенко В.Н. Новые мифы о главном: первобытный человек и природа	3/2
Грищенко В.Н. “Не то, что мните вы, природа”	3/с
Грищенко В.Н. Вегетарианство как природоохранная концепция	4/1
Грищенко В.Н. Познание и любовь к природе	4/с
Грищенко В.Н. Миф о ноосфере как путеводная звезда охраны природы	5
Грищенко В.Н. Любительская охота с позиций экоцентризма	5
Грищенко В.Н. Мироззрение и права природы	5/с
Гржимек Б. Неужели убивать так приятно?	5
Гусейн-заде В.М. Эстетика окружающей среды	4/с
Дежкин В.В. Этика благоговения перед жизнью и гении человечества	2/1
Дежкин В.В. Я – за природу. В том числе и за дикую	3/с
Дежкин В.В. Экоцентризм против антропоцентризма: давайте поспорим	4/с
Дискуссия об эко- и биоцентризме и атропоцентризме	5
Дискуссия о ноосфере	5
Дискуссия о правах природы	5/с
Забелин С.И. Открытый ответ Владимиру Борейко в связи с Экологической доктриной России	3/2

Иванов А.Н. Некоторые философские проблемы охраны природы	4/с
Кантор Д. “Интересы” природных объектов	3/1
Кашеваров Б.Н. Ловить или не ловить? Вот в чем вопрос... ..	2/1
Кильдиярова М.Ф. Идея дикой природы должна распространяться	4/с
Кинсли Д. Христианство и экология: за и против	5
Коваленко И.М. Современная идея охраны дикой природы и священные природные объекты Крыма	4/с
Костюков А. Элита снова взялась за ружье	5
Крылов А.Р., Крылова И.А. Экология – наука, движение, философия... религия?	3/с
Кулешова М.Е. “С каким Богом Вы общаетесь?”	3/с
Марушевский Г. Религиозная мораль и экологическая этика	5
Морохин Н.В. Дикая природа и поэзия	3/с
Никольский А.А. Профессионализм и добрая воля – альтернатива убийству	2/1
Никольский А.А. Фетишизация дикой природы: нужна ли она?	3/с
О белых крысах, правах природы и не только	5/с
Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XIII. Церковь и проблемы экологии	3/2
Шаг вперед (комментарий редакции)	3/2
Открытое письмо А.В. Яблокову	5/с
Перешкольник С.Л. Идея дикой природы — пустая американская выдумка	4/2
Подобайло А.В. Идея дикой природы в понимании студентами-биологами	3/с
Поминова Е.В. Внутренняя ценность дикой природы. Что это такое?	3/с
Поминова Е.В. “Из ничего не творится ничто” (К вопросу о священности дикой природы)	3/с
Прохорова И.А. Экологическая этика и биоцентризм: анализ философских подходов	3/с
Пруденко О.Д. Экологические воззрения в Библии и современность	2/2
Риган Т. Почему охота неправильна	5
Рыжиков А.И. Священные объекты дикой природы	3/с
Рыжиков А.И. Время и пространство природных заповедных систем	4/с
Севостьянов В. Дикая природа на страницах Нового Завета	3/с
Сельвицкий К. Православные комментарии к радикальному взгляду на заповедное дело	2/1
Сесин В.А. Некоторые мысли вслед	3/с
Сизтл “Душистые цветы – наши сестры”	5
Стоун К. Должны ли деревья иметь права?	3/1
Толстой Л. Не убий	5
Тэйлор П. Этическое правило верности против любительской охоты	5
Чернышев В. Что есть охота	5
Чертков В.Г. Злая забава	5
Чибилев А.А. О новой этико-религиозной идеологии	5
Шевчик В.Л. Абстрактная критика абстрактного заповедания	4/с
Штильмарк Ф.Р. Таинство заповедания (к обсуждению идеологии заповедного дела) ..	1/1
Штильмарк Ф.Р. Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты)	1/1
Штильмарк Ф.Р. Абсолютная заповедность – последний оплот реальной охраны дикой природы	3/с
Штильмарк Ф.Р. Абсолютная заповедность как высшая форма экологической этики	3/с

Штильмарк Ф.Р. К спорам о дикой природе, заповедности и антропоцентризме	4/с
Экология и религия. Обмен мнениями экологов стран СНГ о сотрудничестве с религией	5
Яблоновская-Грищенко Е.Д. Все – оружие для защиты природы	3/с
Ясвин В.А. Мнение о проектах “Декларации прав живых существ” и “Декларации свободы дикой природы”	5/с

Экодайджест

Альянс религий и защиты природы	4/2
Бернбаум Э. Горы и святая власть	2/1
Бибельригер Г. Охранять природу в национальном парке. Какую? Для кого? Для чего?	1/1
Биотехнология. Вызов Церквам и обществу	5/с
Бирч Т. Заповедники как тюрьмы	4/с
Бодиан С. Простая по средствам, богатая по результатам. Интервью с Арне Нейсом	4/2
Вейль З. Как воспитать защитника прав животных	5/с
Винер Д.Р. Экологическая идеология без мифов	1/1
Горке М. Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы ...	4/1
Готлиб Р. Духовная глубинная экология и левые: попытка примирения	3/2
Далай-лама. Молитва о Природе	5/с
Дархем Дж. Кто имеет право уничтожить вид?	5/с
Доннер Е. Проблемы экологического движения	5
Дрю В. Убийство дикой природы	4/с
Ермолаева В.Е. Ноосфера, экологическая этика и глубинная экология	4/2
Игнатовская Н.Б. Отношение к животным как проблема нравственности	2/2
Кавтарадзе Д.Н., Овсянников А.А. Влияние религиозного сознания на экологичность россиян	2/1
Кац Э. Не надо контролировать дикую природу	5
Кодекс поведения в отношении диких растений	3/1
Крафт К. Зеленый буддизм	3/2
Кутырев В.А. Утопическое и реальное в учении о разуме	1/1
Кэлликотт Б. Природоохранные ценности и этика	1/2
Милтон К. Природа уже священна	2/2
Наэсс А., Сессинс Дж. Платформа глубинной экологии	2/1
Нельсон М. Аргументы в защиту дикой природы	3/с
Несколько проблем прав животных	5/с
Нэш Дж. О биоответственности	5/с
Огудин В.Л. Функции природных мест поклонения Ферганы	5
Папа Иоанн Павел II Экологический кризис: общая ответственность	3/2
Пагон Б.Е. Права природы так же незыблемы как и права человека	5/с
Паттерсон Д. Почитание природы: путь маори	3/2
Потапов В. Экологическая тема в православии	2/2
Права животных	5/с
Права животных: вопросы и ответы	5/с
Примак Р. Роль ученых-биологов в охране природы	5
Райдер Р. История этики защиты животных и ее современный этап	3/2
Рейчелс Дж. Почему у животных есть право на свободу	5/с
Рекомендация о сохранении красоты и характера пейзажей и местностей	2/2
Религиозное и культурное значение гор	2/1

Рокфеллер С. Вера и сообщество в экологический век	4/2
Романчук С.П. Сакральные ландшафты	4/1
Сагофф М. Кантовский и утилитарный подходы к ценности биоразнообразия	4/2
Серая Сова. Дикая природа и человек	4/с
Снайдер Г. Хорошее, дикое, священное	4/2
Сингер П. Будущее Движения освобождения животных	5
Спэнглер Д. Гея и святость земли	3/2
Стегнер У. Письмо о дикой природе	4/с
Стил С.К. Литература и идеология легендарной экогруппы “Прежде Земля!”	2/2
Тобиас М. Джайнизм и экология	4/1
Толстая Т. Экологическая корректность	5/с
Томпсон Ж. Окружающая среда как культурное наследие	4/с
Тэйлор Б. “Прежде Земля!”: от начальной духовности к экологическому сопротивлению	4/с
Уайт Л. мл. Исторические корни нашего экологического кризиса	2/1
Философия прав животных	5/с
Формэн Д. Основные принципы тактики экотажа	4/1
Формэн Д. Новое движение в защиту дикой природы	4/с
Фром М. Аура дикой природы	5
Хот Дж.Ф. Христианство и проблемы экологии	3/2
Эбби Э. Кодекс эковоиона	4/2
Эплет Г.Х. О природе дикости: исследование того, что действительно защищает дикую природу	2/2
Ямпольский М.Б. К символике водопада	3/1
Ясвин В.А. Отношение местного населения к заповедникам (социально- психологическое исследование)	2/2
Из отечественной классики	
Бизз А. Байрон и поэтическое чувство природы	2/2
Весеньев И. Как люди любят природу	4/1
Даронов А.А. Дело защиты бессловесных тварей	2/2
Жирмундский В. Мистика природы и натурфилософия	3/1
Кайгородов Д.Н. Природа в будущей школе	1/1
Каптерев П.Ф. Воспитание у детей любви к природе при помощи эстетического и нравственного чувств	1/2
Курбатов В.Я. Естественные парки и охрана природы	1/2
Петров О.В. Проблемы этико-эстетического воспитания в природоохранном контексте педагогического наследия П.Ф. Каптерева	1/2
Рерих Н.К. К природе	2/1
Рудзкий А. Аффектированные ценности леса	4/2
Семенов-Тянь-Шанский А.П. Задачи момента в деле охраны природы в России	1/2
Шмидт Р.В. К вопросу о возникновении культа деревьев	3/1
Яценко И.И. Эстетическая охрана лесов и лесоустройство	1/2
Опыт работы	
Борейко В.Е. Двенадцать ошибок в экопросветительской деятельности российских заповедников	2/2
Борейко В.Е. Международный проект “Любовь к природе”: некоторые итоги семи лет	5

Борейко В.Е., Симонов Е.А. Освящение заказника “Журавлиная родина”	2/1
Горошко О.А. Пропаганда охраны редких видов птиц в степях Забайкалья	2/2
Калинина Н.В. О месте “Экологической этики” в программе высшей школы	5
Калинина Н.В. Учебная программа для вузов по экологической этике	5
Листопад О.Г., Подобайло А.В. Священные и мемориальные криницы как место воссоединения человека с природой	1/1
Михайлова Т. Марийские священные рощи	3/1
Подобайло А.В. Экоэтические воззрения украинцев	4/с
Рекомендации по проведению эстетической оценки территорий	5
Рекомендации по проведению этической экспертизы научных работ	5
Руденко В.Ф. Повышение престижа природных объектов с целью улучшения их охраны (на примере вековых деревьев)	2/2
Самойлов Л.Н. Экологическая философия. Образовательная программа	3/2
Самойлов Л.Н. О любви к природе	4/с
Фронт освобождения животных	4/с
Яблоновская-Грищенко Е.Д., Мазуркевич О.В. “Знаем наших животных” – программа экологического воспитания для самых маленьких	4/2
Ясвин В.А. Учебная программа “Основы формирования экологической культуры населения”	4/1

Документы и факты

Как разгромили украинскую “Рабочую газету” за правду по охране природы	2/2
Райков Б.Е., Медведев С.И., Редикорцев В.В. Письма из ГУЛАГа	4/2
Письма в редакцию	2/2

Художественный уголок

Гриффин С. Львица в жилище пророк

Никуленко Е.В. Важный вклад в развитие экологической этики	1/2
Обзор зарубежной и отечественной литературы по гуманитарной экологии	3/2, 4/1, 4/2, 5, 5/с
Обзор зарубежной и отечественной литературы по философии дикой природы	4/с
Обзор книг по гуманитарной экологии, выпущенных или подготовленных Киевским эколого-культурным центром в 2000 г. – начале 2001 г.	3/2
Поддубный М. О новом полевом определителе птиц	4/2
Поминова Е.В. Обзор изданий по гуманитарной экологии, выпущенных или подготовленных Киевским эколого-культурным центром в 1995–2000 гг.	2/2
Поминова Е.В. Обзор книг по природоохранной пропаганде и истории охраны природы, подготовленных и выпущенных Киевским эколого-культурным центром	3/1
Рецензии	2/1, 2/2, 3/1
Литература о правах природы	5/с
Литература о священных природных объектах и священности в природе	2/1
Литература о современной идее дикой природы	3/с
Литература по абсолютной заповедности	1/1
Литература по природоохранной эстетике	2/2
Литература по теме: “Птицы в народных верованиях”	1/2
Литература по экологической теологии	3/1
Литература по экологической этике	3/1

Хроника и информация

Борейко В.Е. Презентация “Гуманитарного экологического журнала”	2/1
Борьба против корриды в Москве: некоторые характерные штрихи	4/с
Вечер “История, люди, охрана природы”	4/1
Вопиющие нарушения прав животных	5/с
Всемирные конгрессы дикой природы	4/с
В Украине создана первая общественная организация по вопросам биоэтики	3/2
Выставка зооигрушек	3/2
Грищенко В.Н. Роль сакральной архитектуры в охране животных	2/2
Декларация к Всемирному Саммиту “Рио+10” в Йоханнесбурге	4/2
Движение для борьбы с экологами	5/с
Движение экологов – путь в бездну	5
Декларация о необходимости признания прав природы Космоса	5
Декларация прав живых существ	5
Декларация свободы дикой природы	5
Европейская конвенция по защите домашних животных	4/1
Левин А.С. Научно-практический семинар “Экологическая этика в XXI столетии”	3/2
Листопад О.Г. Лес: дрова или достояние культуры?	1/1
Листопад О.Г. Дискуссии о судьбе природоохранных традиций прошли в Подмосковье	1/2
Международная школа-семинар “Экологическая этика в 21 столетии”	3/1
Новости защиты животных	5/с
Памяти Виктора Астафьева	4/1
Подобайло А.В. Седьмой Всемирный конгресс дикой природы. Впечатления	4/2
Поликарпов Г.Г. Международный Союз Экоэтики (МСЭЭ)	3/2
Положение об Ассоциации естествоиспытателей за гуманное отношение к Природе (проект)	5/с

Поминова Е.В. Конференция по экологическому образованию	2/2
Поминова Е.В. Два симпозиума по биоэтике	3/1
Поминова Е.В. Семинар по экологической журналистике	3/1
Примерное положение об этической экспертизе научных исследований в заповедниках и национальных парках	4/1
Резолюция 37/7. Всемирная хартия природы	5/с
Резолюция школы-семинара “Любовь к природе” (“Трибуна–6”)	1/1
Резолюция Международной школы-семинара “Экологическая этика в XXI столетии” (“Трибуна–7”)	3/2
Резолюция Международной школы-семинара “Заповедное дело в общественном сознании: этические и культовые аспекты” (“Трибуна–8”)	4/2
Резолюция Международного совещания-семинара “Естественные права природы” (“Трибуна–9”)	5
Резолюция межрегионального семинара “Священные места коренных народов”	4/2
Резолюция Учредительной конференции межрегиональной общественной организации – Ассоциации “За гуманное отношение к природе”	5
Рекомендации по охране сакральных природных объектов	4/2
Священные природные объекты. Приглашение к разговору	2/1
Семинар “Священные места коренных народов”	4/2
Симонов Е.А., Зайцева И.В. Приглашение к диалогу (участнику семинара “Культ природы и ее охрана”)	1/2
Совещание по охране священных природных территорий	4/с
Создана ассоциация “За гуманное отношение к природе”	5
Съезд российских зоозащитников состоялся	4/2
Формирование общественного сознания в отношении сохранения биоразнообразия	4/2
Школа-семинар “Трибуна–8”	3/2
Яцеленко О.А. Конференция “Экологический образ жизни”	1/2
Яцеленко О.А. Конференция “Экология и духовность”	2/1

Примечание. В числителе – номер тома, в знаменателе – номер выпуска, с – спецвыпуск.

Все публикации доступны online в формате HTML на сайте журнала:

<http://www.in.com.ua/~kekz/human.htm>.

Полные электронные версии “Гуманитарного экологического журнала” в формате PDF можно скопировать по адресу:

<http://www.geocities.com/kekz2000/online.htm>.

Правила для авторов

1. “Гуманитарный экологический журнал” публикует статьи по гуманитарным аспектам экологии и охраны природы: экологическая этика, эстетика, теология, этнософия, этнография, культурология, социология, социальные проблемы охраны природы, конфликтология, история охраны природы и т. п.
2. Принимаются статьи объемом до 1 печатного листа (24 стр. машинописи или около 40 тыс. знаков компьютерного текста). При компьютерном наборе предпочтительны файлы в текстовом формате (не использовать выравнивание, переносы и линии в таблицах!) или подготовленные в одной из версий Word for Windows. Помимо файла (на дискете или электронной почтой) в редакцию нужно высылать и распечатку текста статьи. Таблицы по ширине не должны превышать лист формата А4.
3. Работы печатаются на русском или английском языках. По желанию авторов статьи на русском языке могут сопровождаться английскими резюме.
4. Иллюстрации должны быть готовы к непосредственному воспроизведению, выполнены на белой бумаге черной тушью или распечатаны на лазерном принтере. Все подписи печатаются на отдельной странице. Фотографии должны быть хорошего качества на глянцевой бумаге.
5. Редакция оставляет за собой право сокращать и править полученные материалы, а также отклонять не отвечающие данным требованиям.
6. Рукописи и фото не рецензируются и не возвращаются.

— Исповедовал ли ты экологию? Благоговел ли ты перед жизнью? Сотрудничал ли ты с журналом Гуманитарным экологическим?

Рис. Э.Д. Шукурова.

Выходит 2 раза в год. Формат 70 x 100/16. Тираж 500 экз. Усл. печ. л. 11,3.

Печать офсетная. Подписано в печать 12.02.2004 г. Заказ №
Издательство “Логос”. Свидетельство ДК № 201 от 27.09.2000 г.
01030, г. Киев, ул. Богдана Хмельницкого, 10, тел. 235-60-03.

СОДЕРЖАНИЕ

Гуманитарному экологическому журналу – 5 лет! 1

История охраны природы

Грищенко В.Н. Пингвин северных морей 3

Дискуссии

Двенадцать ошибок в экопросветительской деятельности российских заповедников. Отклики читателей 12

Борейко В.Е. Патриотические и националистические мотивы в охране природы 20

Веб Ф.М. Немецкий ландшафт и немецкая душа 25

Доминик III Р. Природоохранная идеология в нацистской Германии 27

Спор о национализме, патриотизме и экологии 38

Келман С. Критика экономики с позиции экологической этики 43

Спор об экономике и экологии 49

Наталья Калинина против Владимира Тетеры 55

Экодайджест

Сизеран Р. Рескин и религия красоты 61

Павликовский Я. Культура и природа 63

Тейлор П. Этические правила отношения к природе 71

О'Хара К. Панки в защиту природы 84

Печерский М. К истории американской природоохранной мысли 89

Поздняков А.В. Учение о ноосфере: утопия или теория? 96

Методика

Греханкина Л.Ф., Захлебный А.Н., Сеницына В.Я., Ясвин В.А. Мир заповедной природы 100

Борейко В.Е. Учебные задачи по экологической этике 107

Почитаева М.В. Как развить у детей чувственное восприятие природы 110

Детский конкурс “Защити дерево” 113

Твое дерево 115

Опыт работы

Парафило М.Н. Ценность регионального ландшафтного парка “Гранитно-степное Побужье” по мнению населения 116

Художественный уголок

Эмерсон Р. Природа 117

Критика и библиография

Борейко В.Е. Обзор зарубежной и отечественной литературы по гуманитарной экологии 124

Борейко В.Е. Книги по гуманитарной экологии, изданные Киевским эколого-культурным центром в 2000–2003 годах 125

Содержание первых 5 томов журнала 132